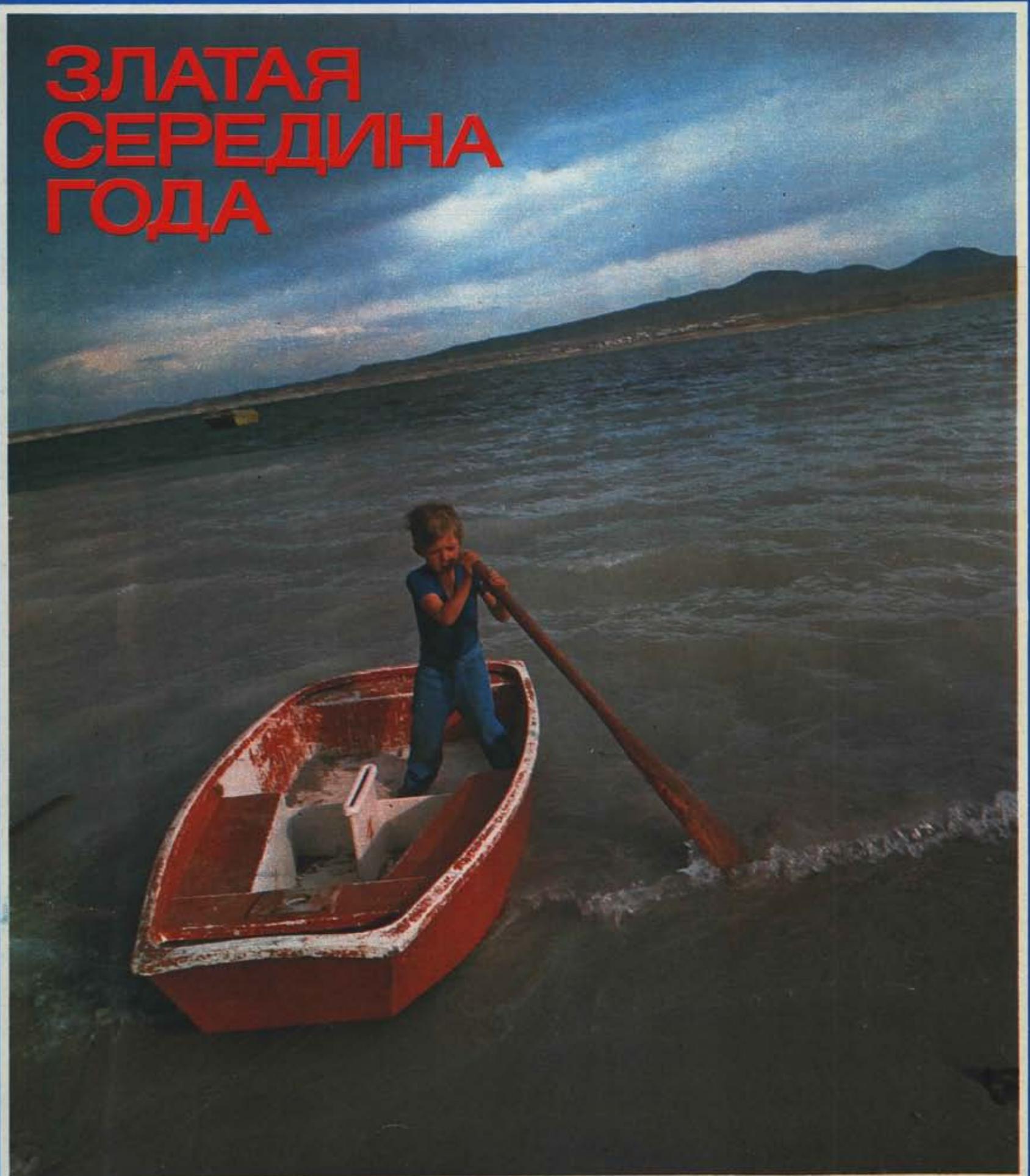


смена

№ 14 июль 1982

ЗЛАТАЯ
СЕРЕДИНА
ГОДА



Александр
ПОТАПЕНКО

НОВОЕ
ИМЯ



Рубаха

Неделю на дворе рубаха сохнет,
Неделю не было дождей...
Неужто, люди,
вы ослепли и оглохли?
Зайдите к матери своей!

Спит мать. Темно в ее квартире,
Часы старинные идут,
Его, единственного в мире,
Там неустанно
ждут и ждут.

Когда был ранен сын — не знала,
Но, к боли боль — так повелось,
Напротив сердца простирала
Рубаху детскую насекомь.

Нет больше горести и страха,
Спит мать,
как в Сталинграде сын.
А на ветру качается рубаха,
В которой бегал он босым...

В столовой

В столовой кто-то шутит: «Вора бей!»,
Он этого, увы, не понимает,
То крошки собирает воробей,
То лампочку, как солнце, обнимает.

Как будто чувствует,
что слишком мир жесток,
Пусть лампочку клевать и неприятно,
Он так хотел бы спрятаться
в желток —
Вернуться к изначалию обратно!

Ему стекло худые лапки жжет,
И, видно, нету выхода иного:
Под потолок, потом под стол полет...
И с крошкой в клюве
прыгает он снова.

Попрыгай, почиркай — ничего...
Садись на стол — тебя я не обижу,—
Военную картину детства своего
В столовой зимним днем я вижу.

Через годы

В деревне этой не был я давно.
Давно... Сто лет, как говорится,
Погасло материнское окно,
И нет колодца, чтоб воды напиться.
И нет девчонки той, которую любил.

Другие лица и другие речи...
Я вспомнил то, чего не позабыл,
Когда склонился
к обмелевшей речке.

Что ж, юность деревенская моя,
Прощаемся на первой остановке.
И ласточки-прищепки для белья
Качаются рядом по всей веревке.

Искусственные моря

Цемент-бетон, бетон-цемент.
Ревут машины и турбины.
И зависают на момент
Над морем облака, как льдины.

И солнца луч не проскользнет
К двойным могилам под землею,
И надписи не разберет
Отец и мать со всей роднею.

Пусть все остались без следа
Погребены в пучине вечной.
От ГЭС уходят провода
Стальной артою сердечной.



Увидишь ты с кручи, как на берегу.
Проталины спят, как олени в снегу.
Домой ты вернешься,
а в печке полешки.

Свернешься,
как делают это «олешки».

Когда ты проснешься
от гулкого звона,

Увидишь:
подвинулись льдины затона;
Узнаешь: поплыли они из протоки,
Они в сине-белом,
как крылья сороки.



Идет зима с побелками,
Значит, все в порядке,
С бурундуками, с белками
Играют шишки в прятки.

Улавливают в мху, зароются,
Попробуй их найти!
Снежинками закроются,
Чтоб после прорасты...

Я, словно в детстве,
Балуюсь,
Играем вместе мы,
Я на судьбу не жалуюсь,
Я жду своей зимы.

...Останутся живыми
И белки и орехи,
Играю вместе с ними
Я только для потехи.

Стерня

На этом поле все красиво,
Но я не вижу здесь коня.
Он с золотой расстался гривой,
И золотится лишь стерня.

А рядом — робкие березы,
Смотрю вокруг — не ошибусь:
Здесь и поэзия и проза,
Здесь задремала наша Русь.

Над этим полем агроному
Гадать... И ставить его в план,
На схеме, без дождя и грома
Ему какой-то индекс дан.

Но я увидел день вчерашний:
Пылала золотом стерня,
На ней уже чернела пашина,
И пахарь сдерживал коня.

ВЫБОР СДЕЛАН

Писать об Александре Потапенко и представлять его читателю как начинающего литератора и легко и трудно. Легко потому, что трудовая биография у него накопилась уже богатая. Да и повидал он многое на этом неспокойном свете. Жизнь начиналась в деревне Калиновке, за Байкалом. Детство пришло на войну и осталось в памяти, как для большинства людей его поколения, порой нелегкой, но самой яркой, самой отрадной, несмотря на лишения и недороды. Первый кусок хлеба, добывшегося трудом, первое свидание и первая любовь, долгие холодные зимы и волнующие весны, разлив цветов в лугах и нагорьях, песня жаворонка над головой и бег горячего коня по росистой траве — все-все осталось в памяти одним волнующим мгновением, и веселый малый, за черноту волос и искристый быстрый взгляд прозванный цыганенком, резво наряжающий на гармошке, затем и на модной гитаре, еще не знает, что память постучится в сердце, и не раз постучится, высекая из него тот самый добрый огонь воспоминаний, от которого согревалась не одна российская душа, исторяя ответное тепло, излучая тот немеркнущий далекий свет, в котором картины прошлого обретали и звук и цвет, наполняясь нестерпимой ясностью и просили, требовали «быть показанными», ибо ни в ком они более так хорошо и волнующе неожидали, ничье сердце так сильно не волновали, как его, стихотворца, сердце — каждый сочинитель, в особенности начинающий, думает, да ему и полагается так думать, будто он открывает мир впервые и до него об этом мире еще никто не рассказывал.

И корявые, неуклюжие строчки ложатся на бумагу, еще почти глухие, нисколько не созвучные тому гимну, что бушует в душе дерзкого стихотворца, гимну такой, оказывается, дивной Родине — забайкальской деревушке, притянувшейся к полуысым предгорьям, к лоскутым желтым пашням и цветущим лугам в долинах и по поймам бешено мчащихся синих от напряжения речек, в которых не живет, а буйствует, радуется жизни и реке своей нарядная рыба таймень, ленок, хариус и доступный во всяку пору детворе усатый пескарь.

Работа в колхозе, на железной дороже, затем шофером, затем помощником машиниста — длинный путь, и все тревожит, тревожит его «еще не сложенная мною песня и одинокая звезда».

Затем военная служба в морфлоте, политехнический институт. Казалось бы, жизненная дорога направлена и прямая: получил специальность, распределился — и устремлялся, соответствуя! Но ведь в ней, в жизни-то, воистину много поворотов, и — увы! — все еще порой не предвиденных.

Приехал на место назначения, в Красноярск, и став на комсомольский учет, Потапенко получает приглашение в райком комсомола, и там ему предлагают... поработать в милиции. Он категорически отказывается, ему даже смешно и потешно — в деревне бегивал от милиционера после потасков на вечеринках и налетов на сельские огороды, а теперь вот на тебе!

Однако райкомовцы настойчивы: надо укреплять милицию, и укреплять людьми грамотными, достойными. Словом, попал Потапенко в новое учение, получил милиционское звание и образование юриста — и вот уже двадцать с лишним лет служит верой и правдой в уголовном розыске родной милиции, стоит, как принято официально говорить, на охране общественного порядка, на самом его переднем краю — он оперативник.

Много, очень много и пересидел и пережил на этой службе Александр Потапенко, на службе, прямо сказать, не очень располагающей к поэзии. Но ведь есть какие-то нами еще не постигнутые законы бытия, по которым и следуют не только наши прихоти и желания, но и не всегда понятные, внутренние устремления.

Молодой милиционский лейтенант носит с собою на службу ученическую тетрадь и в удобном месте в свободное от забот и хлопот время открывает ее, ставит неровным столбиком слова — его печатают в стенной газете, редко-редко в краевых газетах, какие-то боевые стихи «про милицию» даже и на музыку положили. Но далеко это, ох как далеко от стихов настоящих.

Побывав на краевом совещании молодых литераторов, он еще раз ощутил это и еще ощутил недостаток культуры, той внутренней культуры, которая паче нынешней, бойкой, но пустоватой грамотности. Вот почему и губятся даже «путем» начатые стихи слюнявыми концовками, да и сами стихи частенько выходят многословны, сллаща, явно смахивающие на «жестокие романсы».

Служба-то вот «сурова и нелегка», а стихи совсем не суровы, и, что интерес-

Я видел по стихам Потапенко, как преодолевал себя начинающий поэт, обрубая банальные привески к стихам — большинство из них сокращены наполовину! — как вымарывались строчки и столбцы, как искал он слова новые, более точные и весомые, как много он сделал за короткий срок, заново почти «начиная себя» — ведь полустихи пишутся пудами, даже полуграмотными людьми. Многое сделал Александр Потапенко, чтобы пробиться сквозь дебри полустиха к стиху, но еще больше ему предстоит сделать и преодолеть, прежде всего в себе, чтобы пробиться к поэзии, чтобы ярко, неугасимо зажглась на его небосклоне та «одинокая звезда».

Виктор АСТАФЬЕВ



ПЕРВЫЕ ДНИ

Наш поезд прибывал в Свердловск рано утром, слишком рано даже по свердловскому времени, не говоря уже о московском. Исходя из этого, заведующий сектором ЦК ВЛКСМ Петр Качкуров, он же начальник поезда, отправил радиограмму в Свердловский горком ВЛКСМ с просьбой отменить митинг, который должен был состояться прямо на перроне, как планировалось прежде. Но когда поезд поравнялся со станционным зданием, мы поняли, что радиограмма либо не дошла до адресата, либо не была принята во внимание. Бойцов Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ, направившихся на строительство газокомпрессорных станций на север Тюменской области, приветствовала молодежь Свердловска. Утренний ветер колыхал полотнища транспарантов, в руках у девушки алеши гвоздики, блестела на нежарком солнце медь военного оркестра.

«Внимание,—раздался голос в поездных динамиках,—через пять... нет, через три минуты отряд должен быть построен на перроне».

И снова было так, как на перроне Казани, как будет в Нижнем Тагиле, Серове, Сергино,—добрые напутствия, хлеб-соль, ответное слово отряда, в котором всегда неизменным оставалось: «Мы приложим все силы, чтобы оправдать доверие партии и комсомола. Мы клянемся, что не отступим от поставленной перед собой цели, с какими бы трудностями ни встретились». Не ради быстро уходящих звездных мгновений тысячи и тысячи юношей и девушек надеваются на себя штурмовки бойцов

ударных комсомольских отрядов. Не ради славы они едут в неведомые края, живут в далеко не идеальных условиях и работают: строят заводы, порты, дороги, школы, больницы, дома, электростанции—все то, без чего немыслим социальный, экономический прогресс. Тогда ради чего?

В долгой, по нынешним понятиям, дороге было время узнать ребят, почувствовать их настроение, записать первые впечатления, навеянные знакомством. Так вот, они прекрасно знали, что им предстоит делать и что это будет значить для нашей экономики. У них было абсолютно точное понимание своей личной роли в решении глобальной задачи транспортировки уренгойского газа.

Итак, отметим первое: в поезде ехали в подавляющем большинстве не романтики, которым неважно, куда ехать и зачем, а люди мыслящие вполне реалистическими категориями.

Второе, несмотря на эту реалистичность мышления, в каждом из этих людей жила мечта. В таксисте Сереже Мещерякове, в токаре Володе Волкове, в бетонщике Григории Дубине, в старшине запаса, бывшем солдате Михаиле Разумове, в артистке Псковской филармонии Елене Головцовой, в инженерах, подругах Ольге Святохе и Елене Кулаковой, технике Александре Горгораки горела мечта—освятить принятую сердцем идею делом рук своих, стать лично причастными к величайшему в мировой практике строительству, которое разворачивается на севере Тюменской области.

Чтобы принести максимальную пользу делу, которое их ждало, бойцы отряда, не владевшие строительной специаль-

ностью, прошли месячную стажировку на объектах Миннефтегазстроя, сдали экзамен на рабочие разряды плотников-бетонщиков, штукатуров-маляров, каменщиков. В Приобье ехали не зеленые новички—ехали строители. А иные из них и вовсе завтра же могли принять на себя руководство бригадой. Скажем, Юрий Королев.

В 18 лет Королев в составе ударного отряда имени Московского комсомола поехал на БАМ. Строил Кузыкуту, поселок Ново-Тындинский, работал на монтаже искусственных сооружений, тянул линии связи, приобрел профессии столяра, плотника, бетонщика. И пел в замечательном, известном далеко за пределами трассы ансамбле «Серебряное звено». Побывал в составе молодежных делегаций в ГДР, Индии. Семь лет отдал Королев Байкало-Амурской магистрали. Был награжден медалью «За строительство БАМа». Вернулся в Москву, решил было, что хватит странствовать. Устроился было в один академический институт; работа тихая, зарплата приличная, живи да радуйся. А он не смог. Не получилось тихой жизни, вновь потянуло в неведомые края, на новую стройку, не забылись таежные просторы Забайкалья, звенящие по камням быстрые реки, но главное—коллективная работа, дух товарищества, чем сильна любая молодежная стройка. Хотел двинуть обратно, на БАМ. Звали. Пришел в горком ВЛКСМ. А там ему

назвали новый адрес—Крайний Север, газопровод. Это было им еще неизвестно, да и дела там только начинались. А начинать куда как интереснее, чемозвращаться к шапочному разбору. Так и стал Юрий Королев бойцом второго в своей жизни ударного комсомольского.

Под стать ему Александр Сомусев, командир московского отряда, в прошлом секретарь комитета ВЛКСМ стройтреста, он же плотник и сантехник высшей квалификации, заработавший звание «Ударник коммунистического труда» на строительстве олимпийских объектов в Москве. Такие, как Королев, Сомусев, Анатолий Гулик, в отряде сразу заметны, в них чувствуются обстоятельность, рабочая хватка, жизненный опыт, на них можно положиться в любом



«ОЙ, ВЕЙТЕСЬ, ДОРОГИ...»

ПРИНИМАЙ, БЕЛОЯРСКИЙ,
РАБОЧЕЕ ПОПОЛНЕНИЕ.



Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ВЕТРОВА.

Специальные
корреспонденты
«Смены»

деле. С Гуликом у меня получился разговор долгий.

По поезду прошел слух, что из бойцов украинского отряда формируют комплексную бригаду. Я отправился в вагон, где ехали украинцы, и разыскал организаторов бригады, чтобы выяснить, кто в нее вошел. Так и познакомился с Анатолием. Несмотря на то, что основательной строительной подготовки у Гулика не было, если не считать службы в саперном подразделении, ребята выбрали его своим вожаком. А заместителем Гулика — Александра Затыкайло, дипломированного техника-строителья. Вот тебе раз. Попробовал выяснить, почему не наоборот. Объясняют хором.

— Гулик — коммунист... Самый старший среди нас... Чертежи читает любые, даром что слесарь-сборщик. Подход к людям имеет.

Мнение такое сложилось у ребят о Гулике за месяц стажировки в Полтаве на строительстве компрессорной станции. Ну, а потом кое-что рассказал и сам Анатолий. Он 9 лет проработал на одном предприятии, был удостоен звания «Мастер — золотые руки».

Не берусь судить о том, как сложится судьба бригады, обстоятельства могут различить ребят, разбросать по трассе, но за таких, как Гулик и его товарищи Николай Соловецкий, Сергей Ковалевчук, Александр Затыкайло, за всех вместе и за каждого в отдельности поручиться можно смело.

Узнавая пассажиров нашего поезда, уходящего все дальше на север, я часто вспоминал встречу отряда с министром отрасли Борисом Евдокимовичем Щербиной, состоявшуюся в дни работы XIX съезда ВЛКСМ. Я бы даже назвал это разговором, разговором доверительным, который вели между собой люди, остро болеющие за дело, им порученное, люди государственные. Министр был откровенен с отрядом. «Вам пред-

стоит многое сделать, но и многое перенести... Сибирь учит самостоятельности и риску, разумному риску... Помните, что вы едете не просто строить, вы едете создавать жизнь, обустраивать ее... Отрасль предстоит освоить в нынешней пятилетке объемы, равные объемам трех предыдущих, вместе взятых. Найдите свое место в этой работе... Один иностранный эксперт, побывавший в Уренгое, сказал, что увидел то, к чему еще не прикасался его жизненный опыт. Он прав, история не знала таких строек, гордитесь доверием, которое вам оказана партией, комсомолом, будьте достойны его. Я желаю вам крепкой настоящей дружбы, человеческого счастья, ударной работы!»

...Но вот и Сергино — конечная станция нашего железнодорожного маршрута, предпоследний рубеж пути. Еще не закончился традиционный митинг, а уже садился на крохотный бетонный пятачок первый вертолет, северный трудяга тяжеловес МИ-6. Грузимся и мы в его чрево вместе с москвичами.

А когда поплыли под нами необытная, успевшая одеться в зеленый наряд тайга, крутые берега рек, бесчисленные блюда озер, когда от открывшихся просторов захватило дыхание, забылись все страхи и грянула в пятьдесят голосов, перекрывая грохот двигателя, песня «Под крылом самолета...». Так и прилетели в Белоярский с песней. А следом приземлились украинцы, а потом кабардино-балкарцы и краснодарцы. Встречал отряд весь руководящий состав треста «Казымгазпромстрой», и тут же деловито подруливали автобусы, до самого поселка — не ближний свет.

Белоярский. Большинство из бойцов отряда узнало о его существовании совсем недавно. Виделся он ребятам этаким деревянно-барачным, затерянным в глухой тайге крошечным поселочком, по которому чуть ли не медведи ходят. И

вдруг на тебе! Пятиэтажные блочные дома, современный Дом культуры, школы, детские сады, баня и та кирпичная, магазины под стать столичным и даже тротуарам. И общежитие, к которому подвезли бойцов автобусы, оказалось донельзя благоустроенным — пять этажей, балконы, ванны, горячая вода, кровати застелены накрахмленными простынями.

Вижу, подрастралились ребята, уж больно обжитым показался им поселок, о другом мечтали. Одно сбылось — вокруг настоящая тайга, песчаные пляжи вдоль реки, да почице, чем в Паланге, на улицах сосны шумят. И собак, настоящих сибирских лаек, видимо-невидимо. Правда, если чуть отойти от центра поселка, то, оказывается, и здесь есть вагончики, целые улицы из них составлены. Да, с жильем пока в Белоярском трудновато. А отряду не поспались — отдали лучший много квартирный дом.

Чуть позже я почти с натуры списал такую вот сцену. Пришел понаблюдать, как устраивается отряд на жительство, секретарь парткома треста Елисей Александрович Добросмыслов.

Вокруг секретаря парткома в одно мгновение собралось десятка три бойцов отряда, и тому ничего не оставалось делать, кроме как обстоятельно отвечать на все вопросы. И Добросмылов отвечал, машина рукой на дела, уж больно жгучий интерес он прочел в глазах новичков.

Трест «Казымгазпромстрой» молод, ему восемь лет еще нет. Но на его счету уже 39 компрессорных станций. Только в одном 1981 году трест освоил, перекрыв план, 107 миллионов рублей. Но это лишь разбег, предстоит наращивать темпы. В районе поселка пролегли нити газопроводов на Ухту и дальше на Торжок, к Москве, к центру России. Экспортный газопровод тоже в ведомстве треста, он пройдет через очередную стан-

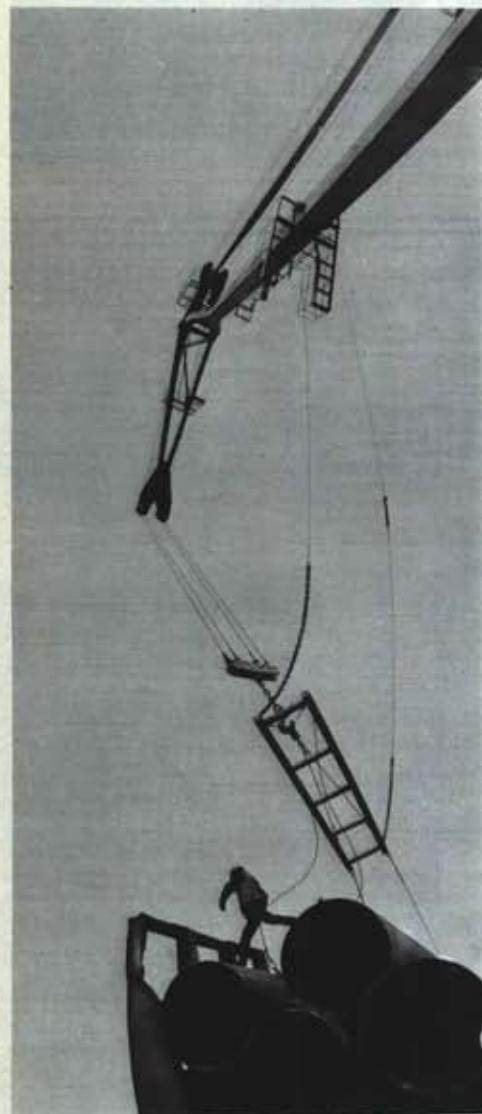
цию, которая сейчас только-только начала монтироваться. На ней-то и будет трудиться отряд. Ну, а поселку название дали сургутяне. Они высадились здесь с первым десантом весной 1969 года. Есть в Сургуте пригородный район Белый Яр. Большинство первопроходцев оказались оттуда, в память о доме и назвали поселок Белоярский. Но быть Белоярскому городом, растя ему и хорошее не многим тысячам людей.

В тот же день на заседании штаба ударного комсомольского отряда было принято решение приступить к работе на день раньше запланированного срока, максимально сократив время на обживание и трудоустройство. Тем более, что все подразделения треста готовы были принять бойцов отряда и обеспечить фронт работы немедленно. Страйк позарез нужны люди. Особенно специалисты. Помнится спор, который разгорелся на производственном совещании, где решался вопрос о распределении бойцов отряда по строуправлениям. Начальники СУ буквально вываливали друг у друга сварщиков, бетонщиков, плотников, бульдозеристов, стропальщиков. Их можно было понять: в строительном, как, наверное, и в любом другом деле кадры решали многое.

Вечером мы завернули на «огонек» в общежитие к москвичам. В однокомнатной квартире собрался едва ли не весь отряд, праздновалось новоселье. Пили чай, кофе, запасенные впрок еще в Москве (отряд строго придерживался «сухого» закона), делились первыми впечатлениями. Хозяйничали Оля Святоха и Елена Кулакова. Удивительная пара, отчаянные девушки. Коренные москвички, они окончили вузы, работали в уважаемом учреждении, получали за двести, ходили в передовиках. Все у них вроде бы в жизни складывалось благополучно. И вдруг удивили друзей,

ТЕПЕРЬ, ТРАССА, ДЕРЖИСЬ!

ВЕЩЕВОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ.



составе Всесоюзного ударного комсомольского отряда.

Еще в пути обе признались:

— Жизнь была расписана на много лет вперед, разложена по полочкам: работа, дом, гости, кино, работа и так далее. На работе бесконечные бумаги, море бумаг, повторяющиеся изо дня в день разговоры... Казалось, что настоящая жизнь проходит мимо, а мы топчемся на месте. Тогда мы решили уехать и обязательно туда, где особенно трудно, начать все сначала. Это не значит, что наш инженерный опыт окажется за бортом, обязательно будем работать по специальности. Но прежде хочется построить что-то своими руками, нажить рабочие мозоли, окунуться в настоящее, живое дело...

Спустя день бойцы отряда вышли все как один на объекты и приступили к работе. Впрочем, нет, одного-то как раз отряд и не досчитался. Он сошел с поезда еще в Казани, тайком, сняв с себя и аккуратно сложив стопкой форму. Его ждали, вдруг одумается, догонит отряд. Нет, не догнал. А может быть, это и к лучшему. Случается ведь, ошибается человек в жизни дверьми, но вовремя поймет, что ошибся, поищет путей легче, двери пошире. И пусть, без таких идти легче.

На компрессорных станциях, огромных, похожих на заводы, было где развернуться. За дело ребята взялись дружно, с размахом, истосковались по работе. Ее, этой работы, было невпроворот, зная поворачивайся. А еще надо было с утра подготовить бытовки, подобрать по себе инструмент, да и оглядеться.

Григорий Черней, невысокий, черноволосый, юркий, принял бригаду украинцев. А самому всего 24 года, правда, уже 3 года здесь, стало быть, ветеран. Ходил вокруг ребят, уважительно величая на «вы», крутил головой, улыбался:

КАКОЕ ЖЕ НАЧАЛО БЕЗ ПАЛАТКИ!



— Добрые хлопцы, мощные! Показал Григорий, что надо делать, стоит, ждет вопросов. А новички — лопаты в руки и пошли работать, молча, яростно, ловко. Григорий глянул, подмигнул мне: «Я же говорю, мощные люди, с ними дело делать можно».

В конце дня подвели итоги: подготовлено кабельных каналов 100 метров, уложено 40 квадратных метров фундаментных плит, утеплено шлаком 6 плавковых камер на компрессорной станции, подготовлено 1000 квадратных метров технологических площадок под заливку бетоном, покрашено 4 тысячи квадратных метров металлоконструкций... Это было только начало, самый первый день их новой рабочей жизни на северной стройке.

Вечером того же дня отряд провел свое первое комсомольское собрание. Выбирали актив, совет общежития, штаб КП. Потом главному инженеру треста Виктору Захаровичу Моховцу, приглашенному на собрание, был задан вопрос: «Когда отряд будет направлен на трассу?» Он не понял, спросил, что под этим подразумевается. Ему объяснили — туда, где все предстоит начинать с нуля, с просеки. Моховец объяснил, что это произойдет сразу, как только будет сдана седьмая газокомпрессорная станция, на которой отряд сегодня работал. Уже потом этот видавший виды человек, тридцать лет отдавший северу, остановил меня у выхода из зала.

— Объясните мне, что происходит! Мы специально построили для них дом, столовую, создали все условия. А им подавай трассу, где комарье, полное отсутствие удобств, теснота в вагончиках. Где логика?.. Ну вот, вы тоже улыбаетесь, все вы заодно. Что ж, будет трасса. Настоящая, трудная, с медведями... Впрочем, о чем я — он покачал головой — может быть, правы как раз они. Как вы считаете?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1324) ИЮЛЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:
на озере.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

РЕШЕНИЯ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ — В ЖИЗНЬ! «ПЕРВЫЕ ДНИ».

1 Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Сергея ВЕТРОВА об ударном комсомольском отряде
имени XIX съезда ВЛКСМ в Тюменской области.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — УДАРНЫЙ ФРОНТ КОМСОМОЛА.

4 Министр пищевой промышленности СССР
В. П. ЛЕИН. «К ДОБРОМУ СТОЛУ!»

АВТОБИОГРАФИИ.

5 Михаил КАЛАШНИКОВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственной премий,
доктор технических наук.
«ОРУЖИЕ СОЛДАТА».

8 Юрий НАГИБИН. «ОТ ПИСЬМА ДО ПИСЬМА». ВАРИАНТ.

60 ЛЕТ СССР.

12 ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
АКАДЕМИКИ ПРОФЕССИЙ.
«ПО НАУКЕ РЕМЕСЛА И ДУШИ».

16 «В ЗЕНИТ КАТИЛОСЬ ЛЕТО».

18 «ОСТАНОВИТЬ УБИЙЦ!»
Советские люди осуждают агрессоров на земле Ливана.

20 СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА: «ГЕО», ФРГ.
«ВПЕЧАТЛЕНИЕ — ГНЕТУЩЕЕ...».

22 «ПОМНИ О ДЕТЯХ, ПЛАНЕТА!».

23 АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ.
Анна КОЛЕСНИКОВА. «ПРОЗРЕНИЕ».

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

28 Ноэль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЭШАФОТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда», «Смена». 1982 г.

Отрасль и молодежь

**Министр
пищевой промышленности
СССР
В. П. ЛЕИН**
отвечает на вопросы
журнала «Смена»

Каковы основные задачи отрасли в реализации Продовольственной программы?

В реализации Продовольственной программы, принятой майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, заинтересованы все советские люди от мала до велика. Программа эта комплексная. Осуществлять ее призывают и город и деревня, промышленность и сельское хозяйство, транспорт и строительство... Нам же необходимо сделать все, чтобы на высоком уровне использовать мощности пищевой промышленности. Но понятно, что наша работа зависит от сельских тружеников. Мы перерабатываем многие выращенные ими продукты. И уверены, что после принятия Продовольственной программы сельские намного увеличат нам поставки.

Объем работ пищевой промышленности непрерывно растет. Назову не-

наука ведет поиск улучшения качества хлеба. Мы надеемся, что скоро промышленность будет предложен хлеб, у которого наряду с хорошими вкусовыми качествами будут еще и лечебные свойства.

Пищевая промышленность постоянно работает над расширением ассортимента, повышением качества выпускаемой продукции.

В заключение хочу подчеркнуть: сегодня от всех работников пищевой промышленности, в том числе и от молодежи, зависит решение проблем переработки выращенного сельскими тружениками урожая, переработки его без потери в высококачественные и разнообразные пищевые продукты.

Какова, на ваш взгляд, роль молодежи в решении задач, стоящих перед отраслью?

Я был в Кремлевском Дворце, видел, как работает XIX съезд ВЛКСМ. И, признаюсь, получил добрые призы сил. Нас порадовало, что комсомол, как это было всегда, сосредоточивает свои силы на решениях важнейших общенародных дел. Комсомол объявил себя ударным отрядом в осуществлении Продовольственной программы. Накануне комсомольского съезда у нас в министерстве побывали делегаты — посланцы села и предприятий пищевой промышленности. Это была деловая встреча. Мы рассказали им о задачах, которые стоят перед отраслью. Они о своих делах.

Как осуществляется деловое сотрудничество министерства, ЦК профсоюза отрасли, ЦК ВЛКСМ?

— Вот именно, деловое. В нем мы взаимозаинтересованы. Я уже говорил, что в нашей отрасли работает много комсомольцев и молодежи, членов профсоюза. От их труда зависит конечный результат. В то же время комсомол заинтересован, чтобы предприятия министерства помогали тысячам юношей и девушек выбрать профессию по душе, быстрее пройти свои трудовые университеты, приобрести высокую производственную квалификацию и, следовательно, открыть хорошие перспективы в жизни. Это сотрудничество логично еще и потому, что комсомол как активная общественная сила играет все возрастающую роль в управлении делами общества и производства.

Принимая совместные — ЦК ВЛКСМ, профсоюза и министерства — постановления, мы как бы утраиваем силу, лучше используем материальные возможности, сочетая их с моральными стимулами.

Бот уже вторую пятилетку в отрасли действует комплексная программа коммунистического воспитания молодежи. Эту программу выработали совместными усилиями. Министерство располагает данными, которые позволяют мне утверждать, что это сотрудничество, принятые, например, совме-

ной ориентации. Сколько выпускников средних школ ежегодно приходит в вашу отрасль? И как вообще решается проблема кадров?

— Примерно около 70 тысяч ребят с аттестатом зрелости приходит к нам. Сопоставьте эту цифру со 100 тысячами старшеклассников, которых летом работали в отрядах. Результаты, как видите, неплохие. Ребята «поянуло» не только на «сладкую жизнь» (я имею в виду работу на предприятиях, выпускающих конфеты, пирожные, фруктовые изделия и т. д.), но, очевидно, и на нечто другое. А за этим «нечто», как утверждают социологи, стоит интересная работа. Во всяком случае, в отрасли ее с каждым годом прибавляется. Идет техническое перевооружение, внедряется новая прогрессивная технология, расширяются возможности для творческой работы. На многих предприятиях складываются стабильные коллективы. Молодежь — основной резерв пополнения промышленности.

Кроме выпускников средних школ, к нам приходят и питомцы системы профессионально-технического образования. На нашу отрасль работают 125 ПТУ. Ежегодно они дают более 36 тысяч молодых рабочих. Приплусуем к этому специалистов среднего звена. Из 36 техникумов приходит к нам 8,5 тысячи человек. С дипломами вузов к нам направляют более 3,5 тысячи вы-

К ДОБРОМУ СТОЛУ!

сколько цифр. К 1990 году по сравнению с 1965 годом производство основных продуктов, таких, например, как растительное масло, возрастет в два раза, маргарина — в три раза, кондитерских изделий — в два раза, сахара — в полтора раза...

Но дело не только в общем объеме, главное — выпустить продукцию, пользующуюся у населения повышенным спросом. Мы принимаем справедливые упреки покупателей, что мало производим, например, пасты и мармелада, кондитерских изделий с пониженным содержанием сахара, мало выпускаем конфет в коробках, сухого виноградного вина. Производство этих товаров значительно возрастет уже в текущей пятилетке.

О хлебе. За последние десять лет ежегодно его производство держится у нас в стране примерно на одном уровне — 34 миллиона тонн в год. Этого количества с запасом хватает для удовлетворения спроса населения, но к качеству хлеба люди предъявляют определенные требования: он должен быть вкусным и свежим, разнообразным, выпечено небольшим развесом. Справедливые требования. Русский каравай всегда славился отменным вкусом. Наши хлебопеки, не нарушая вековую традицию, всегда выпекали хлеб из чистого природного сырья. Замечу, на Западе, чтобы придать хлебу «товарный вид», муку отбеливают, используют химические растворители... На вид красив, а на вкус? Советское хлебопечение, и мы этим гордимся, стремимся обогащать хлеб бесценными аминокислотами и микроэлементами, находящимися в молочной сыворотке. Ныне каждая вторая булка приготавливается с такими белковыми обогатителями. Сейчас наша

Мне было приятно видеть на костюмах делегатов государственные, комсомольские награды, знаки лауреатов премии Ленинского комсомола, победителей соцсоревнования, депутатские флаги. У каждого свой Байконур, поднявший их в Кремлевский Дворец съездов; их стартовая площадка — ударный труд в поле, на фабрике, в научной лаборатории.

Они были посланцами полумиллионной армии комсомольцев, работающих в нашей отрасли.

Бывая на предприятиях, я часто встречалась с молодыми рабочими и специалистами. Пытливая, грамотная молодежь. Из каждого ста молодых рабочих ныне 80 имеют среднее образование. Работают с огоньком. Их инициативы порой становятся делом отрасли. «Российскому хлебу — отличное качество!» — рабочий девиз Татьяны Стариловой. Она выпекает в Москве на комбинате «Черемушки» булки, которые пользуются особым спросом у населения. Выпекает отлично, с высокой производительностью. Ее инициатива — флаг отрасли.

Подхвачен почти молодежи знаменитый кондитерской фабрики «Красный Октябрь» — «Достижение наивысшей выработки с единицы оборудования».

Энергия у молодежи, как известно, предсторожна. Важно направить ее на решение больших задач, стоящих перед отраслью — на работу по техническому перевооружению, реконструкции и расширению действующих предприятий, на борьбу за увеличение выпуска продукции и повышение ее качества, на стремление экономить сырье и материалы на каждом рабочем месте. Конечно, эту работу мы проводим совместно с комсомолом.

стно положения о комсомольско-молодежном производственном коллективе, выработанные условия участия этих коллективов во Всесоюзном социалистическом соревновании дали свои результаты: выросло число комсомольско-молодежных коллективов,

пускников. Цифра тоже неплохая. Но не будем ее обольщаться.

Отрасль испытывает недостаток в инженерах-механиках, инженерах-технологах, экономистах, бухгалтерах с высшим образованием. Эти проблемы мы сейчас решаем с Минвузом страны. Решаем также вопрос о том, чтобы все выпускники высшей школы честно выполняли свой долг перед государством — являлись на работу по месту распределения. Добиваемся, чтобы питомцы вузов умели бы не только отдавать производству переданные им преподавателями знания, но и были бы командирами производства — организаторами, воспитателями людей, смело берущими на свои молодые крепкие плечи ответственность, а не стремились бы пристроиться к работе в технические канцелярии. В этом деле, мне думается, комсомольские организации должны сказать свое веское слово.

Читатели меня могут спросить: «Но как создаются условия для работы и жизни выпускников?» Отвечу честно: мы принимаем меры, чтобы люди, пришедшие на наши предприятия, — и те, кто уже трудится не один год — могли бы работать с полной отдачей, жить нормально, отдыхать культурно. Пока это еще не всецело удалось сделать.

Вчитаемся в строки Продовольственной программы, в документы, принятые майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, — за каждой строкой огромная забота партии, научно выверенная, организационно и материально подкрепленная линия, которую необходимо всенародно провести, соединив усилия города и деревни, энергию молодых и опыт старших...

Трудом должно расти благосостояние нашего народа.

Для старшеклассников это, конечно, не только хорошая школа трудовой закалки, но и форма профессиональ-

ОРУЖИЕ СОЛДАТА

Михаил КАЛАШНИКОВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственной премий,
доктор технических наук



Моя родина — степное алтайское село Курья раскинулось вдоль реки Локтевки, в шестицентометрах от железнодорожной линии Барнаул — Семипалатинск, и нет ничего удивительного, что «живой» паровоз я впервые увидел только в 1936 году, когда мне исполнилось семнадцать лет. Мои родители, доверившись рассказам о богатой жизни на Алтае, решили перебраться сюда с Северного Кавказа. Тогда покидали родные места в основном малоземельные крестьяне из европейской части царской России, которых не могли прокормить скучные надежды. С тех пор мои родители навсегда связали свою жизнь с алтайской землей.

В нашей семье росло шесть братьев и две сестры. Жили небогато. Мать была неграмотной, да и отец окончил всего два класса церковноприходской школы. Постоянные заботы по хозяйству не позволяли отцу много читать, зато у детей он воспитывал любовь к чтению еще до поступления в школу. Неплохая домашняя подготовка позволила мне перейти из первого класса во второй через несколько недель после начала учебы в школе.

Учиться было интересно, и я поныне благодарен нашим учителям за их старание и терпение, с которыми они воспитывали у нас любовь к труду, уважение к старшим, бережное отношение к народному добру.

С детских лет я постоянно мастерил всякие поделки из дерева: домики, тележки, сани, ветряные мельницы, а когда подрос, меня влекло все, что сделано из железа. Особый интерес я проявлял ко всяkim «стрелялкам»: ружьям, винтовкам, хотелось знать, как в них все устроено. Несмотря на мое пристрастие к технике, многие сверстники считали, что я должен стать поэтом.

Стихи я начал писать еще в четвертом классе. Блокнот и карандаш были моими постоянными спутниками днем и ночью. Иногда, проснувшись, старался в темноте записывать приснившиеся рифмы, которые порой и днем не мог расшифровать. Вот из-за этой любви к стихам не все знали, что все-таки главным моим увлечением было «железо». Умышленно не употребляю слово «техника», потому что это было бы очень громко. О какой технике могла идти речь в те годы в отдаленном от промышленных центров селе, где даже простой велосипед был еще редкостью.

Тяга к настоящей технике и решила мою дальнейшую судьбу.

Старший брат моего школьного друга Сергея работал машинистом паровоза на железнодорожной станции Матай в Казахстане. Он обещал устроить нас после окончания десятилетки на работу в депо.

В декабре 1936 года мы с Сергеем приехали в Матай и тут же пошли устраиваться на работу. Неожиданно меня подвел почерк, он понравился заместителю начальника политотдела отделения дороги по комсомолу, который уговорил поработать временно у них техническим секретарем.

Когда пришла пора служить, я просил зачислить меня в войска, связанные с техникой. Мою просьбу удовлетворили и направили в танковую школу, готовившую экипажи боевых машин.

В армии все складывалось вроде бы наилучшим образом. В группе механиков-водителей, куда я был зачислен, теоретические занятия сочетались с практическим вождением и стрельбой из всех видов оружия, находящегося в распоряжении экипажа, сло-

вом, были все условия, чтобы стать классным специалистом. Но вот беда, еще толком не освоив армейскую службу, я иногда вступал в пререкания со старшиной роты и в «награду» чаще других получал внеочередные наряды, которые казались мне несправедливыми.

Не знаю, чем бы кончилось единоборство наших характеров, если бы не выручил случай. Однажды мы с полы в казарме — это тоже был наряд вне очереди — и по ходу дела заглянул в красный уголок, где заседала редакция боевого листка.

— А, Калашников, как раз о тебе речь. Старшина поручил «продернуть» тебя в очередном номере. Хорошую карикатуру нарисовали, а вот подпись никак не получается. Может, поможешь? — спрашивал, улыбаясь, редактор.

Беру лист бумаги, карандаш, отхожу к окну, и через пять минут готово хлесткое четверостишие. Ребятам понравилось, просят сочинить подписи и под другие рисунки. Выполнил и эту просьбу.

Вечером после занятий курсанты толпились около газеты, и старшина под громкий хохот читал одно четверостишие за другим. Когда в конце чтения он спросил, кто их сочинил и ему назвали мою фамилию, он не поверил. Но с этого дня я стал постоянным членом редакции боевого листка.

Вскоре армейская газета напечатала два моих стихотворения, и меня пригласили для участия в совещании молодых писателей и поэтов округа.

Но больше всего полюбил я армейскую службу за то, что можно было изучать боевую технику, пробовать силы в изобретательстве. В то время на вооружение экипажей был принят пистолет Токарева (ПТ), но стрелять из него через отверстия в башне танка было невозможно. Я предложил специальное приспособление, устраняющее этот недостаток, а чтобы увеличить продолжительность стрельбы, изготовил магазин с большой емкостью патронов.

С помощью товарищей я также разработал инерционный счетчик выстрелов из танковой пушки, о котором высоко отзывались специалисты.

Постепенно у нас образовался круг курсантов-рационализаторов. Нам не хватало опыта и технического образования, но, помогая и как бы дополняя друг друга, мы решали различные вопросы по усовершенствованию боевой техники.

Как-то раз, просмотрив обращение Военного совета округа к армейским изобретателям и рационализаторам, я обратил внимание на пункт, где говорилось, что необходимо создать прибор для контроля работы танкового двигателя с нагрузкой и без нее. Такой прибор должен был не только учить расход горючего, но и определять ресурс мотора и ходовой части машины. Постепенно стали вырисовываться контуры будущего счетчика моторесурса, а вскоре он был изготовлен и испытан. Новым прибором заинтересовался командующий Киевским особым Военным округом генерал армии Г. К. Жуков.

Командующий выслушал мой доклад, задал несколько вопросов и приказал направить меня вместе с опытным образцом и чертежами в Главное автобронетанковое управление. В тот же день Георгий Константинович наградил меня именными часами.

С того дня прошло уже более сорока лет, однако до сих пор в моей памяти сохранились его слова: «Как приятно, что наши красноармейцы не только изучают боевую технику, но и активно участвуют в ее совершенствовании».

Воздушевленный добрыми налутствиями командующего, я прибыл в Москву, а уже месяц спустя читал окончательное заключение специальной комиссии: «Всесторонне испытанный счетчик моторесурса в полной мере удовлетворяет предъявляемым требованиям и рекомендуется для серийного изготовления». Еще бы месяц-два, и можно было бы взять в руки первый образец заводского изготовления, но... началась Великая Отечественная война, и мне было приказано прибыть к месту службы.

Я был назначен командиром танка и вместе с другими экипажами выехал в город Харьков получать боевые машины. Прямо на заводском дворе только что сошедшие с конвейера танки Т-34 укомплектовывались экипажами, грузились на железнодорожные платформы, отправлялись в районы боевых действий.

Наш путь лежал в район Брянска, где шли тяжелые бои с наступающей бронированной армадой фашистского генерала Гудериана. Наша часть получила задание встречать танковые подразделения врага на марше, навязывать им встречные бои.

В таких стычках мы изматывали силы противника, сбивая темпы его продвижения, нанося ему чувствительный урон, но, разумеется, и сами несли потери.

Много неприятностей доставляла нам вражеская авиация, которая безнаказанно появлялась в самых неожиданных местах. Больших потерь от нее мы, танкисты, не несли, но взаимодействовавшая с нами пехота страдала от этих неожиданных налетов изрядно.

Наша пехота была вооружена в основном винтовками образца 1891/30 годов, системы прославленного русского оружейника С. И. Мосина. Немецкие же солдаты шли в наступление с пистолетами-пулеметами MP-40, которые иногда у нас называли шмайсерами. У нас подобное оружие было редкостью, но было: пистолеты-пулеметы выдающегося советского конструктора В. А. Дегтярева. К сожалению, к июню сорок первого их было изготовлено всего около ста тысяч штук. Пистолеты-пулеметы еще со времен советско-финской кампании стали называть автоматами, и это название сохранилось за ними до сих пор.

Когда я впервые своими глазами увидел, как немецкие солдаты, уперев в живот приклады автомата, обстреливали все, что казалось подозрительным, у меня появилась робкая, но с той поры не затухавшая мысль о создании простого по устройству пистолета-пулемета. Практически в условиях боевых действий она, конечно, была неосуществима и держалась на одном желании видеть нашего солдата, идущего в бой с более скорострельным оружием, нежели пятизарядная винтовка Мосина.

Поздно вечером, второго сентября, разведка доложила, что на опушке соседнего леса сосредоточиваются фашистские танки. Нам было приказано пополнить боезапас, дозаправиться горючим и ждать сигнала к выступлению. Как только забрезжил рассвет, наши танки пошли на сближение с противником.

В этом бою в нашу машину попал снаряд, и я на мгновение потерял сознание. Придя в себя, ощутил острую боль в левом плече и локтевом суставе. Башенный стрелок помог мне быстро перевязать раны, и мы снова продолжали бой.

Потеряв в той схватке больше двух десятков танков, фашисты отступили. Но и мы понесли немалый урон. Через несколько дней у нас было столько раненых, что это связывало боевые действия части.

Решили раненых отправить в тыл. Среди них оказался и я...

Недели через две я оказался в елецком госпитале.

В моей палате было шесть человек. Все прошли фронт и, естественно, говорили главным образом только о боях. Чаще других возникала тема, что немецкие солдаты почти все вооружены автоматами, а у нас их почему-то нет. Этот разговор вновь вернулся к мысли сделать простой по конструкции автомат. И в школьной тетради стали появляться первые наброски. Наверное, увлеченность работой способствовала быстрому выздоровлению. Вскоре меня отправили долечивать раны домой. К этому времени уже несколько тетрадей были заполнены эскизами разных вариантов деталей и узлов автомата.

С этим «багажом» я и приехал на станцию Матай. Получил в военкомате продовольственный аттестат, доложил о своих планах. Руководство железнодорожного депо, откуда я был призван в армию, доброжелательно встретило мою просьбу о помощи в изготовлении образца нового оружия. Выделили отдельную комнату и дали в помощники моего давленого друга Женю Кравченко. Он был и токарь, и фрезеровщик, и мастер на любую слесарную работу. Хватало у него и задора и организаторских способностей. Вокруг Кравченко сразу же образовалась группа хороших специалистов: самый опытный сварщик Макаренко, инструментальщик Игнатьев, фрезеровщик Ильин. По моим чертежам они сразу приступили к изготовлению деталей.

В любом стрелковом оружии должен быть ствол, а изготовить его в условиях депо было невозможно.

Еду в военкомат, прошу дать учебную винтовку и сотню пистолетных патронов. Тут-то и пригодилась давленная справка о том, что я занимался доработкой пистолета ТТ. Мою просьбу удовлетворили.

Три месяца работы над автоматом только привели к вопросам. Правильно ли выбран принцип со свободным затвором? Может быть, оружие было бы легче и меньше по габаритам, используя мы полуавтоматическое запирание канала ствола? Какое количество патронов целесообразнее иметь в магазине? Каким должен быть приклад? Словом, вопросов возникло много, и далеко не на все можно было в наших условиях дать ответ. Некоторые варианты деталей проверяли в металле, от других, чтобы не затягивать сроки изготовления, отказывались еще на этапе проектирования.

Но вот закончена общая сборка образца, отложено взаимодействие всех частей и механизмов. С особым волнением все участники ожидали начала испытаний. Тут же, в рабочей комнате, сколотили ящик, засыпали его песком и выпустили первую отладочную очередь.

К немалому удивлению присутствующих, автомат стрелял без задержек. На повторных испытаниях мы обнаружили тугое извлечение стрелянных гильз, а иногда и незахват затвором патрона из магазина.

Анализируя задержки, мы обнаружили в патроннике ствола незначительные кольцевые риски, которые нелегко было устранить в готовом автомате. Однако опытные мастера сумели исправить и этот дефект.

Когда работа была окончательно завершена, я выехал с нашим автоматом в Алма-Ату. Им заинтересовались в ЦК партии Казахстана и предложили изготовить более совершенную модель на базе Московского авиационного института, находившегося в то время в Алма-Ате в эвакуации.

В институте несомненно помочь оказал мне декан факультета стрелково-пушечного вооружения Андрей Иванович Казаков. Из энтузиастов — студентов факультета он сразу же создал группу, которую возглавил студент старшего курса Сергей Костин. Первые дни нашей совместной работы я начал с изучения различных образцов стрелкового оружия и специальной литературы, которыми располагала кафедра.

Молодость и увлеченность общим делом быстро сдружили меня со студентами. Мы работали с таким интересом, что часто приходили в общежитие далеко за полночь. Работать с ребятами было легко, даже весело, потому что все они обладали неисчерпаемым юмором, студенческой находчивостью, комсомольским задором и большим трудолюбием.

В экспериментальном цехе помогали мастера с большим опытом, и все наши заказы выполнялись быстро и качественно.

Главным нашим организатором и наставником был все тот же неутомимый Андрей Иванович Казаков.

В мастерских института был изготовлен разработанный мной новый пистолет-пулемет, работавший на принципе полуавтоматического затвора. Спусковой механизм его допускал ведение как одиночного, так и непрерывного огня.

После того как опытный образец этого пистолета-пулемета был испытан, я отвез его на отзыв в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского, где работал в то время генерал А. А. Благонравов, крупнейший специалист в области стрелкового вооружения.

Он с интересом познакомился с новой системой пистолета-пулемета, внимательно отнесся ко мне,

старшему сержанту и начинающему конструктору-оружейнику, и рекомендовал настойчиво учиться и продолжать работу. С отзывом Анатолия Аркадьевича я возвратился в Алма-Ату, где мне помогли изготовить еще один, более доработанный пистолет-пулемет, с которым меня вызвали в Москву в отдел изобретательства Наркомата обороны. Из Москвы меня направили на испытательный полигон, где должны были проверить боевые качества предложенного мною оружия.

Полигон был старейшим учреждением подобного рода, созданным еще в 1905 году в Офицерской стрелковой школе. Он являлся крупным научно-исследовательским центром по оружейно-стрелковому делу, где не только испытывались и исследовались новые образцы, но и разрабатывались направления развития стрелкового оружия. Там в свое время были изготовлены первые автоматические винтовки В. Г. Федорова, Ф. В. Токарева и других известных конструкторов. На этом полигоне испытывались и занимались доработкой новых образцов наши прославленные оружейники Дегтярев, Симонов и Шапкин.

Даже простое присутствие на испытаниях привезенного образца было для меня хорошей школой, так как позволяло понять, какие требования предъявляются к оружию. Вопреки моим ожиданиям результаты проведенных испытаний оказались не в пользу моего пистолета-пулемета, который, как было записано в отчете, не имел никаких существенных преимуществ перед только что принятым на вооружение пистолетом-пулеметом Судаева (ППС).

Однако высокая оценка, которую дал моей работе А. А. Благонравов, помогла мне найти силы для новых поисков.

Еще до приезда на полигон мной был сконструирован ручной пулемет под винтовочный патрон, работавший на принципе отдачи ствола с коротким ходом. Питание пулемета осуществлялось из двухрядного рожкового магазина емкостью на 15 и 20 патронов. И вот, после того как был отвергнут мой автомат, я вновь выехал на станцию Матай, где в тех же железнодорожных мастерских мне помогли воплотить в металле новую идею.

После изготовления и предварительного испытания пулемета я был вызван в штаб Среднеазиатского военного округа и направлен на военную базу для продолжения работ над этим образцом. База располагала не только различным, специальным оборудованием для изготовления автоматического оружия, но и специалистами, хорошо знающими дело. Это позволило в течение нескольких месяцев доработать и вновь собрать ручной пулемет, с которым я выехал по знакомой уже дороге на испытательный полигон. К сожалению, и это мое детище получило отрицательное заключение. Соответствующая комиссия не сочла возможным рекомендовать его на вооружение. Некоторые считали, что вторая неудача отбьет у меня всякий интерес к конструированию. Но я хорошо помнил слова Благонравова о необходимости учиться и настойчиво работать, поэтому старался не унывать.

На этот раз на полигоне меня закрепили более основательно: выделили место в гостинице, поставили на довольствие, установили оклад, а главное — разрешили работать в конструкторском бюро, о котором я мог только мечтать. Тут я впервые познакомился с А. И. Судаевым и с Н. В. Рукавишниковым, уже известными оружейниками.

Полигон располагал уникальным музеем, в котором было собрано стрелковое оружие, пожалуй, всех стран мира. Там были не только принятые на вооружение образцы, но и опытные изделия, по каким-то причинам забракованные, но тем не менее имевшие свои оригинальные решения в устройстве отдельных узлов и механизмов. Скоро среди этих сотен карабинов, автоматов, пулеметов, пожалуй, не осталось ни одного, которого бы я не разобрал и не понял, почему он задуман конструктором именно таким. В этом музее я узнал о стрелковом оружии много такого, что и по сей день помогает мне в работе.

В нашем деле, как и в любом другом, трудно создавать новое, пока ты не изучил, что сделано в этой области до тебя. Иначе рискуешь повторить путь, уже пройденный кем-то, рискуешь изобрести, как говорят, велосипед. Придумывать новое только для того, чтобы оно было новым, вряд ли целесообразно. Нельзя считать плохим все, что сделано до тебя. Только умелое сочетание нового и того, что было раньше, позволяет делать шаг вперед. По-моему, это наиболее продуктивные методы конструирования.

Но вернемся к своей работе.

В 1940 году наш замечательный конструктор Петр Максимович Горюнов начал разрабатывать облегченный станковый пулемет с воздушным охлаждением ствола взамен тяжелого пулемета системы «Максим» образца 1910 года, имевшего водяное охлаждение. Отладка и доработка нового пулемета проходили уже в годы Великой Отечественной войны. В мае 1943 года после всесторонних испытаний он был принят на вооружение под наименованием «7,62-мм станковый пулемет системы Горюнова обр. 1943 г. (СГ-43)». В

новом оружии, несмотря на его высокие боевые качества, кое-что не было решено окончательно: стрельба холостыми патронами, регулировка узла запирания ствола, живучесть некоторых деталей. Все это предполагалось доработать при постановке на серийное производство. Однако самому Петру Максимовичу не удалось устранить эти недостатки, он скончался в возрасте всего сорока одного года.

Главное арт управление объявило конкурс на доработку пулемета, и мне предложили принять участие в этой работе.

Сконструированное мною простое приспособление для стрельбы холостыми патронами успешно прошло все испытания и стало неотъемлемой частью пулемета Горюнова. Другие узлы, предложенные мною, не были одобрены. Тем не менее даже скромная творческая удача была для меня вдвое радостной. Во-первых, я тогда почувствовал, что способен на разработки, которые могут найти практическое применение. Во-вторых, это приспособление уже приносит какую-то пользу нашей армии.

Но, естественно, мне хотелось решать более сложные и самостоятельные задачи. В эти дни на полигоне проходил испытания самозарядный карабин известного конструктора С. Г. Симонова. Создавались подобные образцы и в нашем конструкторском бюро. Загорелся же я желанием попробовать свои силы в этом деле и я. Начал работу с музея, со знакомства с разнообразными конструкциями оружия этого типа. И вскоре на чертежной доске в моей рабочей комнате начали появляться первые контуры будущего карабина. Дни побежали быстро, и каждый приносил все новые и новые проблемы. И вот в один из таких дней в мою комнату вошел незнакомый военный, высокого роста, плечистый, немного сутуловатый. Здороваясь, он так сжал мою руку, что я испугался, смогу ли после этого держать карандаш. Так я впервые познакомился с известным конструктором Алексеем Ивановичем Судаевым, чей пистолет-пулемет ленинградцы сумели поставить на производство в тяжелые дни фашистской блокады. Оказалось, в отсутствие Алексея Ивановича мне предложили его рабочую комнату. С той поры мы работали вместе, часто обсуждая возникающие вопросы.

Будучи от природы чрезвычайно одаренным человеком и уже умудренный опытом конструирования, Судаев щедро делился со мною своими знаниями. Как сейчас помню его слова: «Делай все проще, не гонись за ненужной оригинальностью».

Жаль, что нашей творческой дружбе вскоре пришел конец: тяжело заболевшего Судаева увезли в одну из московских больниц, где он через несколько месяцев скончался в расцвете творческих сил.

Работая над карабином, я часто обращал внимание на устройство самозарядной винтовки М-1 американского оружейника Гаранда.

Мне нравился почерк этого конструктора, его оригинальные и глубоко продуманные технические решения. Например, в его винтовке патроны в магазин вставляются вместе с обоймой, а по их израсходовании обойма автоматически выбрасывается вверх.

Я решил осуществить эту идею, правда, в несколько ином оформлении, в своем карабине. Узел запирания затвора у винтовки Гаранда по своему конструктивному решению тоже значительно отличался от других карабинов и винтовок.

После анализа различных систем прихожу к выводу, что в карабине запирание канала ствола будет осуществляться поворотом затвора, а боевые упоры — располагаться в передней его части.

Потом разработал такую компоновку деталей, которая должна была обеспечить высокую надежность работы карабина. Наконец, опытный образец был изготовлен и подвергнут всесторонним испытаниям. Они показали, что механизм запирания канала ствола карабина действительно работал отлично, но вот отзыв о других решениях был явно не в его пользу.

В заключении об испытаниях было сказано, что рукоятка перезаряжения во время стрельбы, двигаясь в районе глаза стреляющего, отвлекает его от цели, а выскакивающая со звоном пустая обойма создает впечатление, что это вылетела какая-то нужная деталь.

И хотя карабин не был рекомендован для серийного производства, в нем были заложены принципиально новые перспективные конструктивные решения, позволившие в дальнейшем создать стрелковое оружие высокой надежности, предельно простое и относительно легкое по весу.

Так я считаю сейчас. А тогда горечь неудач заставила меня вновь и вновь осмысливать, где, как и почему были допущены просчеты.

В то время, когда работа над карабином подходила к концу, был объявлен конкурс на создание автомата под новый патрон образца 1943 года. Несколько слов об истории этого патрона. Ход Великой Отечественной войны со всей очевидностью показал, что необходимо повысить мощность огня индивидуального оружия пехоты. А это, как известно, определяется скорострельностью оружия и энергией пули у цели.

Получивший широкое применение во всех воюющих армиях скорострельный пистолет-пулемет, создавая высокую плотность огня, только частично решал эту задачу. Из-за относительно небольшой начальной скорости и недостаточных баллистических характеристик пистолетного патрона дальность эффективной стрельбы этого оружия составляла всего 100—200 метров, что было явно недостаточно для решения всех задач, стоявших перед пехотой в условиях боевых действий.

Проводившиеся до и в период Отечественной войны работы по созданию автоматических винтовок под 7,62-мм винтовочный патрон показали, что габариты и мощность этого патрона не позволяют решить задачу без ухудшения основных характеристик самого оружия: растет его вес, уменьшается маневренность, устойчивость, кучность стрельбы. (Забегая вперед, скажу, что в послевоенный период это подтвердилось многолетней, фактически безрезультатной работой американских и западноевропейских оружейников, которые пытались создать автоматическую винтовку под 7,62-мм патрон «НАТО», мощность которого примерно равна нашему винтовочному патрону. Созданная под этот патрон, автоматическая винтовка М-14 была принята на вооружение армии США в 1957 году, но после использования в агрессивной войне во Вьетнаме ее сняли с вооружения, как не отвечающую требованиям современного боя.)

Короче говоря, опыт уже первых лет Великой Отечественной войны заставил думать о создании нового патрона, который бы со своим баллистическим характеристиками, весом и габаритами занял промежуточное место между винтовочным и пистолетным. Вскоре конструкторы по боеприпасам Н. М. Елизаров и Б. В. Семин разработали такой патрон, и он был принят на вооружение под наименованием «7,62-мм патрон обр. 1943 года».

После объявления конкурса на создание автомата под новый патрон я долго колебался, прежде чем решил принять в нем участие. Ведь обязательно этой работой займутся опытные конструкторы-оружейники. Смогу ли я создать образец лучше, чем они? И только сознание, что многие из грозных соперников когда-то начинали свой путь почти так же, как и я, прибавляло смелости.

К тому же я уже был научен своими собственными и чужими ошибками.

Доставшийся таким нелегким трудом опыт помог мне разобраться, какое оружие следует получить в конечном итоге. Мой небольшой фронтовой «стаж» также был хорошим подспорьем в этом деле. Главное, автомат по возможности должен полнее соответствовать требованиям солдата, личным оружием которого он станет. Для этого нужно было соблюсти массу условий. И когда все «нужно» и «необходимо» были выстроены в один ряд, мне показалось, что я замахнулся на почти неразрешимую задачу, ибо рядом встали взаимоисключающие друг друга требования.

В первую очередь этот автомат должен быть абсолютно надежным. Хотя при испытаниях оружия на полигоне создаются различные, близкие к боевым условия, но все-таки это только имитация боевой обстановки. Настоящий же бой, с его быстрым менением экстремальными условиями, мог приподнести неожиданности, которые трудно предусмотреть и внести в программу испытаний.

Там у солдата часто нет времени на устранение задержек в работе оружия, ибо цена любому промедлению — жизнь. Поэтому в любой момент, идет ли он в атаку, обороняется ли, движется на марше, ползет по снегу, бредет по болоту или преодолевает водный рубеж — в мороз, дождь, жару — его оружие всегда должно быть безотказно. Как этого добиться? Фронтовики не раз рассказывали о печальной судьбе нашей автоматической винтовки, разработанной перед самой войной и успевшей поступить на вооружение в некоторые части.

В разгар боя она часто отказывала, и это современное для того времени оружие сразу превращалось в предмет, пригодный только для рукопашной. Зная, какой ценой опускаются подобные отказы, мне еще и еще раз хотелось проверить, насколько каждая деталь, каждый узел нового автомата надежны в работе. И в то же время приходилось думать, насколько простым он окажется в производстве.

Пожалуй, лучшим примером мог быть пистолет-пулемет А. И. Судаева. Он был настолько незамысловат по конструкции, а его штампованные детали до того просты в изготовлении, что наладить производство «ППС-43» практически можно было в любой металлоремонтной мастерской. Поэтому даже в тяжелых условиях блокады ленинградцы сумели освоить его выпуск, и он сыграл свою роль в обороне города-героя.

Технологичность и простота — это ко всему почему еще и экономия народных средств. Стрелковое оружие — продукция массового производства, и если без ущерба для качества можно сделать его дешевле, необходимо к этому стремиться.

Вот эти и многие другие «составляющие» я должен был учсть, когда брался за новую работу.

Начинаю с эскизного проекта, делаю сотни зарисовок отдельных деталей, постоянно советуюсь с товарищами по работе, бежало выбрасывать то, что вчера казалось лучшим, а сегодня уже не удовлетворяющим меня. И так день за днем. Проходят недели, месяцы, и на чертежной доске стали вырисовываться основные контуры будущего автомата. Главный и, как теперь его называют, оригиналный узел — запирание канала ствола — был взят с незначительными изменениями от ранее сконструированного мною карабина. Это привлекло внимание работников полигона к проекту. Им я благодарен не только за добрые советы, но и за критику, помогавшую в работе.

Время летело незаметно. Неумолимо приближался день подачи проекта. Но вот чертежи готовы, отпечатаны расчеты и все приложения. Осталось придумать шифр для подписи материалов. Ведь по условиям конкурса проект подавался под девизом, и фамилия автора становилась известной только после присуждения места. После долгих раздумий остановился на шифре «Михтим» — сокращенном варианте имени и отчества, — пометил им всю документацию, в отдельный конверт запечатал расшифровку и все материалы отправил в Москву.

Никогда еще время не текло для меня так медленно, как в эту пору ожидания.

Шли дни, а сообщений из Москвы все нет и нет.

Мое беспокойство еще более усилилось после того, как Рукавишников получил известие, что его проект одобрен. О моем же ни звука. Прошло еще два долгих дня, пока, наконец, я был вызван в штаб части, где узнал, что и мой автомат рекомендован для изготовления. Досадная задержка объяснялась тем, что у нас долго не могли найти человека с фамилией Михтим.

Много лет прошло с тех пор, а мои старые товарищи все еще зовут меня не иначе, как Михтим; и я как-то освоился с новым именем.

После одобрения моего проекта встал вопрос: где выполнить его в металле? В условиях полигона это было невозможно, поэтому меня направили на один из специализированных оружейных заводов для отработки технической документации и изготовления опытных образцов, которые должны были пройти испытания вместе с другими одобренными конструкциями. К новому месту работы я выехал с представителем Главного артиллерийского управления подполковником В. С. Дейкиным.

Владимир Сергеевич Дейкин был одним из активных участников рождения нового автомата. Его глубокие знания оружейной техники, методов ее испытания хорошо сочетались в нем со страстным желанием, чтобы образец отвечал самым современным требованиям войск. Его добрые советы всегда были конкретны и содержательны.

По условиям конкурса каждый конструктор должен подать на испытания два опытных образца. На полигон мы прибыли первыми и еще почти месяц ожидали других. Но вот приехал Дегтярев со своими товарищами, вслед за ним конструктор Булкин и еще несколько неизвестных мне конструкторов. Прославленного оружейника Шпагина я узнал по снимкам, которые видел раньше в газетах и журналах.

Все участники соревнований знали, что на этих испытаниях будут удачи и поражения и что число претендентов на победу постепенно будет сокращаться. Таков уж закон соревнований.

Честно скажу, когда я увидел таких известных мастеров оружейного дела, как Дегтярев, Симонов и Шпагин, невольно появилась мысль: с кем ты собираешься соревноваться, тебе, пожалуй, первому придется покинуть полигон.

Но вот начались испытания. В первый день каждый конструктор коротко рассказывал об устройстве своего автомата. Дальше пошли стрельбы. Они постепенно стали выявлять некоторые положительные и отрицательные стороны каждого образца.

Г. С. Шпагин после первых же исследований записал скоростной откат подвижных частей и предварительных стрельб покинул полигон и больше не принимал участия в этом конкурсе.

Образец Дегтярева тоже не показал хороших результатов, и автор, сняв его с испытаний, уехал домой. Некоторые товарищи говорили, что старый наш оружейник готовится в следующем туре нанести мощный «удар» всем «конкурентам». Но этого не случилось.

После окончательных испытаний ряд образцов не был даже рекомендован для дальнейших доработок, хотя их создатели до самого последнего выстрела все еще надеялись на какое-то чудо. Безжалостная оценка твоему творению — тяжелое душевное испытание для конструктора.

При подведении итогов было сказано, что на повторные испытания с последующей доработкой рекомендуются три образца. В их числе оказался и мой автомат. Скажу прямо, это вызвало у меня прилив новых сил, хотя до победы было еще далеко.

Несколько месяцев ушло на устранение выявлен-

ных недостатков. Нужно было улучшить кучность стрельбы, упростить отдельные детали, уменьшить вес всего автомата и так далее и так далее.

Пришло коренным образом переделать некоторые важные узлы.

Когда готовые детали стали поступать на сборку, некоторые мои товарищи были озадачены: какая же это доработка, почти все новое. Но опытные механики-сборщики сразу же увидели, что новые детали и образец в целом значительно превосходят своих предшественников. Автомат с первых выстрелов подтвердил это. Он оказался проще по устройству, надежнее в работе в самых тяжелых условиях испытаний. Да и внешняя его форма приобрела, если так можно выразиться, более законченный вид.

Последний тур испытаний был самым напряженным, ибо его условия приближались к боевым. Тут была и замочка снаряженного автомата в болотной воде, а после определенной выдержки — стрельба. Тут образец таскали волоком по сырому песку и пыли в самых разных его положениях и снова испытывали, будут ли работать, когда все щели и малейшие уступы забиты песком и пылью.

Вряд ли кто-нибудь из присутствовавших верил, что после такой «обработки» автоматы будут стрелять. Но они стреляли, и неплохо.

Потом их испытывали на прочность: многократно сбрасывали с определенной высоты в разных положениях на цементный пол. Но и после этого они стреляли без задержек.

Так пункт за пунктом выполнялась программа испытаний, накапливались плюсы и минусы по каждому измению, становилось ясно, в чью пользу склоняется чаша весов.

Наконец жесткий экзамен окончен, подведенены итоги, составлен отчет, в конце которого вывод: «Рекомендовать 7,62-мм автомат конструкции старшего сержанта Калашникова для принятия на вооружение». Так родился «АК».

Это был несомненный успех. А годом позже эта работа была отмечена Государственной премией первой степени.

Созданный в те уже далекие годы автомат впоследствии стал прародителем целого семейства стрелкового оружия под патрон 1943 года.

Унифицированные образцы оружия, состоящие на вооружении Советской Армии, удовлетворяют всем требованиям войск. Все они построены по единой схеме автоматики и идентичны по принципу работы. Такая унификация упрощает обучение личного состава армии, требует незначительного времени для изучения при переходе от одного вида оружия к другому, упрощает организацию боевого снабжения и войсковых ремонтных служб. Это самый массовый вид вооружения, оно должно быть исключительно надежным в любых условиях и максимально простым в производстве.

Хотя современные армии имеют мощное вооружение вплоть до ракетно-ядерного, стрелковое оружие по-прежнему играет большую роль в современном бою.

Непревзойденность советского стрелкового оружия состоит в том, что оно воплотило в себе лучшие вековые традиции русских мастеров и достижения мировой практики в этой области техники, а также в том, что наши конструкторы постоянно поддерживают тесную связь с войсками, быстро реагируют на их замечания и пожелания.

В мой адрес иногда говорят: «Ему повезло».

Скажу прямо, мне действительно повезло. Повезло, что я родился в Стране Советов, где природные дарования каждого находят наиболее благоприятные условия для развития, где советские люди щедро делятся своим опытом и знаниями, помогая в трудные минуты творчества. Повезло, что я принадлежу к великой партии коммунистов, стоящей в авангарде борьбы за мир и прогресс. Повезло, что я больше половины прожитой жизни работаю в коллективе предприятия с вековыми традициями, где руководство и партийная организация оказывают нам всемерную помощь и создают все условия для эффективного творческого труда.

Мы, конструкторы-оружейники, всегда помним указания Коммунистической партии и правительства о необходимости укрепления оборонного могущества нашей Родины и делаем все, чтобы полнее удовлетворять постоянно растущие требования наших доблестных войск.

Меня часто спрашивают, доволен ли я своей судьбой? Доволен.

Доволен тем, что всю жизнь занимался нужным народу делом. Конечно, оружие не трактор, не комбайн. Им землю не вспашешь, хлеб не вырастишь.

Но без него и не защитишь эту землю и тех, кто выращивает хлеб, не отстоишь свою Родину, свой народ.

И я горд, что и мой скромный труд способствует этой благородной цели.

Литературная запись
Леонида ПЛЕШАКОВА.

ОТ АВТОРА.

В Болдине посетителям показывают пушкинскую усадьбу с тщательно обставленным барским домом, коридорами, службами, парком. При этом не скрывают, что дом стоял на другом месте и выглядел, скорее всего, иначе, что обстановка собрана по признаку типичности для помещичьего быта средней руки тех далеких лет, что парка вовсе не было. Но это не мешает тысячам людей благоговейно взирать на приблизительно вычисленный пушкинский мир и чувствовать свое сближение с великой тенью.

Если в мире весьма материальном допустимы варианты, тем более, дозволены они в сфере духовной. Много неосвещенных углов в болдинском бытии поэта, но со временем, надо думать, все проясняются. Давно уже местным людям было известно имя Февроньи Вильиновой, но лишь в самое последнее время начинает выступать из глубокой тени красавица, рослая девушка, болдинская любовь поэта. У меня нет никаких документальных подтверждений, что все было так, как представляется моему воображению, но я твердо убежден (по немногому, уже ставшему известным о Февронье), что связь с этой необычной девушкой не могла оставаться нейтральной к самочувствию поэта, к тому поразительному сдвигу в его настроении, который произошел в первые болдинские дни. И я предлагаю свой вариант случившегося, ничуть не менее допустимый, чем материальный вариант пушкинского быта, воплощенный в мемориале «Болдин».

Уезжаю в конце августа 1830 года из Москвы в Болдино. Пушкин отправил Петру Александровичу Плетневу, издателю, поэту и критику, впоследствии ректору Санкт-Петербургского университета, печальное письмо:

«Сейчас еду в Нижний, т. е. в Лукоянов, в село Болдино. Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха 30-летнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думая о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери—отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения,—словом, если я и не нещастлив, по крайней мере не щастлив. Осень подходит. Это любимое мое время—здоровье мое обыкновенно крепнет—пора моих литературных трудов настает,—а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню. Бог весть, буду ли иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Качановского. Такто, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о щасии, как будто я для него создан. Должно было довольствоваться независимостью».

Со скромной гордостью Плетнев говорил, что был для Пушкина другом, поверенным, издателем и кассиром. Ему посвящен «Евгений Онегин», ни с кем, кроме московского Нащокина, не был Пушкин в зрелые годы так прост, откровенен и доверителен, как с Плетневым. Унылое письмо друга огорчило добрящего Петра Александровича до слез. У занятого сверх головы литератора мельнула шальная мысль: бросить все да и махнуть в забытое богом и людьми Болдино. Остановило одно—Пушкин не терпел непрошенного вмешательства в свои дела, это позволялось—по юношеской памяти одному Жуковскому. Если надо, Пушкин без обиняков просил своих друзей дать взаймы, защитить от журнальной травли, заступиться перед властями, секундировать на дуэли... Но непрошено доброхота мог отбрить. Плетнев пребывал в томительной растерянности, когда пришло другое письмо, уже из Болдина, посланное дней через десять после предыдущего:

«...Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня холера морбус. Ты не можешь вообразить, как весело удрачить от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши, сколько хочь. А невеста пуще цензора Щеглова язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленко письмо: обещает выйти за меня без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву—я приеду не прежде месяца... Ах, мой милый! что за прелест здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом, сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихи...»

Плетнев возликовал: Пушкин доволен, Пушкин спокоен и весел, ему пишется, значит, кончился

Юрий НАГИБИН

ОТ ПИСЬМА ДО ПИСЬМА

ВАРИАНТ

долгий застой!. Непонятно лишь, чем вызвана столь внезапная перемена в его настроении. Быть может, его осчастливило «премиленко письмо» невесты, готовой обойтись без приданого? Но говорится об этом шутливо,—Пушкин знает, что его избранница не вольна распоряжаться собой. Ему весело удрачить от невесты, он вовсе не спешит на зов: «приеду не прежде месяца». Похоже, и холера ему не холера, это при его-то минительности! Нетрудно вообразить, какую прелестя являет собой затерянная на краю Нижегородчины, глухая, разоренная деревушка. Но он радуется, что кругом ни души, что можно до устали скакать по голой осенней степи. Что ж, остается принять новый образ друга—Пушкин-отшельник, Пушкин-схимник. Поразительная метаморфоза!..

...От Владимира они взяли направо к Мурому. Пряником было быстрее, но Пушкину не терпелось расстаться с «дорогой в одну сторону», как называли Владимирский тракт, которым, с тех пор как Россия разжила Сибирью, или несчастные: осужденные на каторгу, в ссылку и переселенцы. Этой дорогойшли декабристы, шел Пущин—первый друг... И он вздохнул свободнее, когда проклятая Владимира скрылась из глаз.

Пушкин похвалялся, что проезжает пятьсот верст за две суток. Как раз столько было от Москвы до Болдина, но дай бог ему доехать за время вдвое большее. Прошли дожди, и дорога, не имевшая водостоков, уподобилась набитому грязью корыту с глиняными стенками. Колеса засасывали по ступицам, старые, kostильные лошаденки, надрываясь, растягивая паха, оскальзываясь стершимися подковами, из последних силенок выдирали карету извязкой глины,—господи, быть русской лошадкой еще страшнее, чем двуногим обитателем «богом избранной» страны! Пушкина кидало из угла в угол, сбрасывало с сиденья, а по полу елозила, больно придавливая ноги, вместительная шкатулка, обитая черной кожей. В нее он сунул перед отъездом ворох бумаг: черновики, наброски смутных замыслов, разрозненные строки—все, что начинал, бросал или откладывал в последнее, не располагавшее к работе, судорожное время. Манила слабая надежда, что в болдинском уединении на него найдет «дурь», «дрянь», так он называл вдохновение, и хотя какие-то видения обретут завершенную форму.

Случалось, дорога шла на вздыма и там крепчала под солнцем и ветром. Ямщики пускали тройку рысцой. Раздражение чуть отступало, он переставал клясть российское бездорожье, алчность будущей тещи, преступную беспечность отца, допустившего разорение болдинской вотчины, и приникал к оконечке. Экая пустота вокруг!.. Леса пропали где-то за Кулебаками, сиротливо сквозили березовые и осиновые рощицы; редко-редко попадались деревенки, еще реже—село с церковью и погостом, и хоть бы один прохожий человек!.. И деревни казались необитаемыми, а ведь полевые работы кончены, куда же весь народ подевался? До чего пустынна Россия, как не обжиты ее все ширящиеся пространства!..

Дорога пошла под уклон, внизину, и сразу испортилась—грязь, рыхвины, ухабы. Пушкин отстрился от окна. Шкатулка с бумагами вновь заелозила по полу. Он попытался удержать ее своими крепкими ногами завязанного ходока, и какое-то время это удавалось, но потом ему надоело, он поджал ноги. Обретя свободу,

шкатулка окончательно разнудзилась, она подскакивала под самую крышу кареты. Вышвырнуть вон?.. Жалко, она была верной спутницей в его скитаниях, да и стоит глянуть, что там напихано, прежде чем уничтожить... Почему-то вспомнилось, что Наталия Николаевна равнодушна к стихам. А зачем ей стихи, она сама поэзия. Она ценит в нем не случайный дар, а самую его суть, это лестно, но есть тут какая-то хрупкая неправда. Умный Вяземский говорил о браке первого российского поэта с первой красавицей России, в его словах—глубина. Конечно, достоинство женщины не исчезает красотой, а достоинство мужчины—умению рифмовать, но у них особый случай. Она—Мадонна, совершенство, он—поэт, в коем явлен дух России. Он не имеет от ее красоты, она зевает над его стихами, а надо бы, чтобы плакала. Если идея, скрытая в словах Вяземского, не воплотится, они будут несчастливы. Натали еще дитя, ее ум и чувства не развиты, от него зависит... Думать об этом не хотелось. Думать и вообще не хотелось, потому что все нынешние мысли горчили—он переживал неудачную пору. Можно найти утешение в том образе, который он давно лелеял: первый бал. Он входит с молодой женой в бальный зал, и трепещущий свет тысяч оплывающих свечей отражается в ее открытых плечах. Все взгляды обращаются к ним. Его некрасивость подчеркнута чистой прелестью ее лица, он кажется еще ниже ростом об руку с высокой женой, но все это ничего не значит, тем больше чести победителю. И как бы ни бесились завистники, как бы ни шипели, ни злобствовали скрытые и явные недороды, все невольно склоняются перед союзом Первого поэта с Первой красавицей. И это будет его реванш...

Еще не померкло в напльвщей мгле свечение белых плеч Гончаровой, а мысль неведомыми путями устремилась к угрюю-важному—к новому бремени, которое он принял на свою шею, согласившись стать помещиком. Иного выхода не было: из литературных доходов ему не извлечь те одиннадцать тысяч, которые загадала будущая теща дочери на приданое, будь оно неладно! Пугала канцелярская волокита, но загвоздка не в ней: рано или поздно он сладит с чернильным племенем, вступит во владение «двуходитом мужска пола» и тут же заложит их, да ведь эти крепостные «души» обладают живыми человеческими душами, и теперь он за них в ответе. Тут не помогут вольнолюбивые эскапады бездумной юности. Он—русский дворянин-землевладелец, самой историей поставленный в определенное положение в экономической системе государства российского. Благосостояние помещика и крестьянин тесно связаны. Оброк взимается помещику и крестьянину, беда в том, что между ними затесался посредник—язва всех поместных отношений, независимо от того, как он называется: управляющий, приказчик, бурмистр или староста. Тяготы Пушкина усугублялись тем, что в болдинских старостах ходил вор Калашников, отец его старой любви Ольги и дедушка курчавого байстричонка с родовыми ганнибаловскими чертами. Выгнать «дедушку» не станет духа, значит, надо как-то ограничить его хищническую злодейственность. Калашников разоряет за jakiщных мужиков, добрых работников, возлагая на них все поборы и подати, которые должны распределяться между всеми тягле-

цами. А в пору рекрутского набора ставят в солдаты их сыновей, чтобы содрать выкуп. А ведь рекрутчину можно обратить в регулятор экономической жизни деревни. Сдавать в солдаты надо только бездельников, тьяниц, воров, телесно ущербных, словом, не работников, это очистит деревню, сохранит ее производящие силы и помешает старосте обирать справных мужиков. И тут Пушкин услышал внутри себя дробный издавательский смешок. Опять она!.. С некоторых пор он обнаружил, что в нем поселилась маленькая злая обезьянка. Она может днями, неделями, месяцами не напоминать о себе и вдруг, в патетическую минуту, в разогреве серьезных размышлений, в подъеме чувств или принятии важнейших решений высунет морщинистую мордку с желтыми острыми зубками и гнусно захихикает. Он негодует, злится, бесится, но это не производит впечатления на ехидную тварь, и кончается тем, что он сам фыркает и обретает свободу — пусть временную — от высоких чувств и размышлений «басом». В память возникла великолепная сцена из шекспировской хроники «Генрих IV», где толстый Фальстаф набирает рекрутов для своего разлюбезного друга принца Галля. Воины Фальстафа носят выразительные клички: Лишай, Бородавка, Мозглик, Теня! Похоже, он хочет распространить на Болдино метод циничного рыцаря.

«Можешь скакаться сколько угодно, — сказал Пушкин зубастой насмешнице, — меня не собьешь с толка. Каждому овощу свое время. Нельзя требовать от вчерашнего лицеиста мыслей и чувств зрелого, много изведавшего мужа, и безобразно, если будущий отец

счастье фатально связаны с жуликами-управляющими, запашкой, оброком, пьяными, бездельными мужиками, рекрутчиной, закладными, ревизскими сказками, будто он не поэт вовсе, а тот ловкий и дерзкий проходимец, что скупал мертвые души. Прекрасный сюжет, но не для поззии — для прозы, а это ему покажется не по плечу. Хотя проза давно манит, ох, манит, как не отмахиваясь от нее и не браня «презренной». Если бы судьба даровала ему немного покоя, ведь сейчас его заветная пора, когда вся дурь рвется наружу!.. Да разве отпустит чертова карусель?.. К тому же такой сюжет жалко утеснять в маленьку повесть, а пускаться в даль свободного романа на прозаической ладье — боязно. Покой... Покой... Покой нет, покой нам только снится, — произнес он вслух и подумал, что стоило бы записать, тут пахнет стихами, да поленился — он не был крохобором, и слова забылись. Но не исчезли, они унеслись в пространство волнами безбрежного океана, имя которому эфир; оттуда, через много-много лет их выловят чуткое ухо другого поэта и даруют вечную земную жизнь...

уплатить барину положенный оброк. И Пушкин досадовал на жирный тук, превративший дорогу в жидкое вязкое месиво. Они не катились, а волоклись, плыли, ползли по иссиня-черной грязи. Ко всему из низкой серой тучи безостановочно сочился мелкий дождик, скрывший окрестности, которых, впрочем, и так словно не было. По сторонам ничего не виднелось: ни дерева, ни куста, ни стога сена, только мокрая земля. И так, в сером шепотливом дожде втащился Пушкин в родовое владение, увидел маленькие, крытые соломой, редко тесом подслепые избушки, лепившиеся вокруг барской усадьбы, обнесенной завалившимся тыном, и пусто, скучно было на сердце. Вполглаза видел он осыпавшую с крыльца дворню, бородатого старосту Калашникова, мелькнуло бледное лицо Ольги, кажется, она что-то сказала, низко поклонившись, а он пробормотал: «Здравствуй!» На почтительном расстоянии грудилось десятка полтора угрюмых мужиков, баб и сопливых ребятишек. Была какая-то неловкая суета, ни во что не обратившаяся: Калашников, смахивая слезы, разевал рот, но слова застrevали в горле и усах, дурманно возник призрак Аринь Родионовны — скожая с ней грузностью и крупным лицом ключница. Пушкин поднялся по шатким ступенькам и вошел в дом своих предков. Здесь пахло



Рисунок
Василия ТЕРЕЩЕНКО

Он вернул себе достоинство владельца двухсот душ «мужска пола», когда впереди возник на холме Арзамас лесами стоящего собора. Чем-то Казанский напоминает, — отметилось бегло. В другое время он наверняка бы задержался в старом русском городе, на скрещении важнейших торговых путей, исторических — тоже, но сейчас даже не вылез из кареты, когда меняли лошадей. Он уже четвертые сутки находился в пути и не мог медлить.

А на выезде из Арзамаса путь пересекли обозы, тянувшиеся со стороны Нижнего. Оказалось, это Макарьевская ярмарка, удиравшая от холеры, что надвинулась на губернию с низовий Волги. Пушкин вспомнил, что и в Москве ходили слухи о холерной эпидемии, но он не придал им значения. И сейчас не оставалось ничего другого, как махнуть рукой на очередную российскую напасть.

От Арзамаса до Лукоянова, скучного уездного городишки, шли хорошо, с ветерком, как любил Пушкин. На последнем же перегоне дорога опять испортилась. К Болдину вел не большак даже, а проселок, тянувшийся по жирному чернозему, последнее могло бы порадовать сердце новоявленного помещика, но ленивые кистеневцы и с этой благословенной земли не собирали достаточно урожая, чтобы

печами, сыростью от недавно мытых полов, самоваром и сухими травами. Он находился в историческом гнезде Пушкиных, но волнения не чувствовал, было грустно и неловко.

Проснулся он рано. За окнами занимался сумеречный свет непогожего осеннего утра. Шуршал тонкий, редкий, неиссякаемый дождь; так и будет он тихо сеяться весь день на покрившиеся соломенные крыши, на жирную грязь, на рано облетевшие деревья, на русые головенки детей, платки баб, гречишники мужиков, на залысую шкуру кляч, на весь этот покорно изнемогающий, забытый богом мир. В воздухе держится влажный белесый кур, застилающий пространство. Из этого кура явятся мокрые, дурно пахнущие староста Михайла и болдинский грамотей, крепостной человек и ходатай по делам Петр Киреев. Первый — для отчета, оправданий и слезливой лжи, второй — в искренней готовности порадеть барину. Не знающий грамоты Михайла будет во всеоружии неопрятных бумаг и ревизских сказок с точным указанием, кому сколько выдано розог за воровство, пьянство, побитие соседа и старухи матери; Петр Киреев, небось, уже заготовил прошение на Высочайшее имя (такова форма) с кудрявыми оборотами, немыслимой орфографией и без знаков препинания, и к этому образцу канцелярского велеречия, взыскивавшего кистеневских душ, должен будет приложить руку Александр Сергеев сын Пушкин, 10 класса чиновник. Конечно, он не станет разбираться в волшебных ревизских сказках, фальшивых отчетах — все примет на веру, разве что пригрозит Михайле от имени отца лишением доверия, если и впредь будет утаивать и

семейства сохраняет замашки и образ мыслей легкокрылого юнца. Шестисотлетнее дворянство — не шутка, Пушкины никогда не уклонялись от своего долга ни на бранном поле, ни в совете, ни при дворе, ни в сельских вотчинах... Обезьянка так и зашлась от хохота. Возможно, он немного перегнул: ни отец его, ни дядя отнюдь не обременяли себя заботами о сельских вотчинах. Он призван исправить их упущения. Противно, что все его мысли о браке, семейной жизни с тихими радостями... ну, и с балами иногда, должна же молодая жена ощутить упоение жизни, успех, поклонение, прежде чем дети и дом поглятят ее целиком, — словом, все его скромные мечты о

задерживать оброк; не сможет он дочитать до конца бумагу о «введении во владение» и тем заранее отдаст себя в руки своих подчиненных. Впрочем, о Кирееве он наслышан как о честном малом, беда, что русский администратор даже самого мелкого пошиба тяготеет к усложнениям. А блудный тесть — неизбежное зло, тут уж ничего не попишешь. Да бог с ним, авось, как-нибудь все уладится. Пусть хоть ненадолго оставят ему эту прекрасную, дождливую, голую, серую осень с чудными запахами сырых березовых дров, мокрой шерсти и сладкого тления...

Все так и было, как он представлял себе, без неожиданностей. И виновато-фальшивое искальство Михайлы с промельками дрянной доверительности (тестюшка-дед!), и бодрая готовность поверенного Киреева, и тоска ревизских сказок с добросовестным перечнем всех палок, выданных нарушителям сельскойтишины (тут Михайла ничего не врал), и велеречивое прошение, которое он, конечно, подмахнул, не прочитав толком,— образец уездной письменности, где «Птицы и прочие Угоды» писались с прописной буквы, равно как и чин автора: «просление в черне сочинил и на бело переписал Крепостной Его человек Петр Александров, Сын Киреев». Лишь «человек»шел с маленькой буквы. Впрочем, неожиданность оказалась, ее можно было предвидеть, зная легкомысленный характер Сергея Львовича, вместо того, чтобы выделить сыну души целями именем, несведущий состояния своих поместий. «Чиновник 5 класса и Кавалер» отдал ему дворы, разбросанные по всему обширному и беспорядочному Кистеневу. Киреев настоятельно советовал Пушкину ознакомиться на месте с будущими, весьма дробными владениями — новая докука!..

Когда они уже уходили, Пушкин спросил Калашникова, есть ли верховая лошадь. «А как же, небось, помним, как вы в Михайловском скакать изволили!—оскаблился староста и тут же пустил слезу, намекающую на то, что Пушкин не только скакал по живописным берегам Сороти, но и предавался менее безобидным утехам.—Прикажете подать?» «Не надо, я сам. Укажи, где конюшня». Калашников показал. Пушкин натянул сапоги и вышел на заднее крыльцо. Дождь сеялся, как сквозь мелкое сито. О конь за какой-нибудь час измочит до нитки, но не хотелось отступать. Пусть измочит, пусть он схватит простуду, это скрадывает время, задерживает мир туманом жара, и незаметнее минет время.

Во дворе стоял нерослый, плотно сбитый малый лет семнадцати — на каких харках он так укрепился? — то ли дворовый, то ли просто зевака. Сняв драную шапку, он приветствовал барина. «Ты кто такой?» — спросил Пушкин. «А никто,—ответил малый, добродушно улыбаясь.—В карауле ходил. Меня Михеем звать». «Ну, Михей,—сказал Пушкин, ничуть не подозревая, что разговаривает с первым народным пушкинистом, который, все так же добродушно усмехаясь, будет рассказывать людям невообразимого двадцатого века о легендарном для них болдинском барине.—Подсоби-ка оседлать лошадь».

Парень оказался расторопным, усердным и даже хотел подсадить Пушкина в седло. Это оскорбило ловкого наездника и демократа, не терпящего угодничества. Но Пушкин удержался от тумака — в движении сытого парня не было низкопоклонства, лишь добрая услужливость младшего старшему.—«Не убейся, барин, дорога склизкая», — сказал парень. «Я крепок в седле», — и Пушкин тронул коня.

Прогулка не оставила приятного впечатления: опасностей он, правда, избежал, но не в силу своего искусства, а по удивительной робости коня, который слушался повода, лишь когда намерения его и всадника совпадали. А быстрый бег по скользкой грязи его намерениям явно противоречил. Пушкин не признавал хлыста, но тут отломил ветку ивы и стал крепко нахлестывать скакуну. В ответ на каждый удар конь оборачивался к Пушкину недоумевающе и укоризненно, но шага не прибавлял. «Мужицкая закваска!» — подумал Пушкин и перестал требовать невозможного.

Из всей поездки запомнилась лишь встреча с трудолюбивым селянином в близлежащей рощице. Мужик споро, ухватисто и серъезно, как и вообще действуют работящие трезвые крестьяне, когда стаются для самих себя, валил барскую березу. Он поверг ее на глазах подскакавшего всадника и принял обрубать сучья. Занятия своего порубщик не прекратил и когда Пушкин его окликнул. Оказалось, он слыхом не слыхал о приезде барина. «Нешто б сунулся я в рощу? — истово говорил мужик.—Хотя, вот те крест, ваше благородие, деревцо позарез нужно. Слепнем в темноте, хошь бы лучинку в светлец сунуть!» «Ради одной лучинки ты валишь молодую березу? Ей же полста нету. Вот что, братцы! — сказал Пушкин, словно обращался не к одному лесокраду, а к целой ходке.—Подождали бы, право,

рубить. Роща молодая — настоящий лучинник, вам же на пользу пойдет.—Он улыбнулся.—Так и скажи мужику, слышишь?» «Скажу, барин, все до словечка передам!» — заверил мужик, обрадованный, что сечь за порубку не будут. Но когда Пушкин отъехал, то вновь услышал постук топора.—да ведь не бросать же дерево, коль все равно повалено...

Встреча чепуховая, а разговор даже разумным получился, но почему-то настроение еще ухудшилось. К тому же промок он быстрее, чем ожидал. Грязный, иззябший, измокший до костей, вернулся он домой, велел согреть воды и налить в чан. Он не ждал, что это поможет от простуды, у него с михайловских дней было заведено: после прогулки — горячая ванна. Вода имелась — для стирки грели, и чан нашелся, но распоряжение Пушкина вызвало оторопь. Здесь мылись лишь по большим праздникам, в печи, и только у немногих зажиточных крестьян топилась баня — почерному. О бани ублаготворении его лютого деда Льва Александровича преданий в народной памяти не сохранилось.

Горячая ванна взбодрила, но настроение не улучшила. Простуды тоже как не бывало. Ему предстояло в полной ясности, зверской тоске и раздражении чувств перемогать пустое одночество...

Другой день его пребывания в Болдине почти ничем не отличался от первого. Все так же лукавил и фальшивил Калашников, озабочивался и бодрился Киреев, старалась мелькнуть бледным, смиренным, но в смирении своем требовательным лицом Ольга, говоренная за лукяновского пьяницу-чиновника, ключница певуче и заботно спрашивала, чем обедать будет? — хотя, кроме гречневой каши и картошки, в доме ничего не водилось. От скуки он принял проглядывать ревизские сказки, но скоро утомился перечнем однообразных провинностей и еще более однообразных кар; обращало внимание, что кистеневцев наказывали куда чаще и круче, нежели болдинцев, но и провинности их были крупнее. У болдинцев, отличавшихся приверженностью к горячительному напиткам, дальше дебоша в питейном заведении или в собственном доме не шло, пьяные же кистеневцы, оправдывая свое прозвание, пускали в ход кистени, ножи и топоры — проливалась кровь; они были охочи до общественной ржи, барского овса, гречи и конопли, постоянно злоумышляли против чужой собственности и отличались ослаблением патриотического чувства: от рекрутчины уклонялись, сданные в солдаты пускались в бега. Пушкин решил послушаться совета Киреева и съездить в Кистенево, дабы собственным глазом обозреть будущие владения и оживляющие их фигуры, равно и познакомиться с тамошним наместником, по намекам дворни, еще большим выжигой, чем Михайла Калашникова.

Пока ему седлали лошадь, подошел давешний малый Михей и спросил со своей добродушной улыбкой:

— Барин, а зачем в чане полощешься?
— Для здоровья, — усмехнулся Пушкин.
— Вон-на! — подивился Михей и воздел гордые груди.

Когда Пушкин, завернув по пути к роднику с на редкость свежей и сладкой водой — Кастаньскому ключу, увы, не дарившему вдохновения, — прискакал в Кистенево и спросил прохожего старишку, где найти старость, тот ответил ласково: «У конторе своей, Ваше здоровье». Как могло с такой быстротой возникнуть и разлететься по округе прозвище? Можно подумать, что улыбчивый Михей, обув семимильные сапоги, помчался в Кистенево с ошеломляющим сообщением, что барин для здоровья полощется в чане с горячей водой. Но ведь нужно время, чтобы родилось прозвище, и разные люди прокрутили его на языке, опробовали на вкус, лишь тогда, хорошо смоченное слюной, может оно затвердеть и навек присохнуть. Даже в городе, где все быстрее, мольв не разносится так стремительно. Без нечистой силы тут явно не обошлось. Прозвище не обидное, но и не уважительное, есть намек на чудаковатость молодого барина. Надо поскорее развеять заблуждение кистеневцев — барин приехал не шутки шутить. Пока он размышлял, как обудзть кистеневцев, пока жевал свою ложь жулик-староста, убедив лишь в одном: вникать в путаницу, созданную легкомыслием Сергея Львовича, нет смысла, важно лишь, чтоб шел оброк, а всякое соприкосновение с живым крестьянским обходом только усугубляет неразбериху, у него угнали лошадь. Об этом восторженно сообщил белобрысым мальчикам, внучек старости. Лошадь в конце концов отыскалась, вернули ее без выкупа, но Пушкин решил про себя: в Кистенево больше ни ногой.

Еще более огорченный и сбитый с толку неуемным охальством замордованных сельских жителей, Пушкин по распогодившейся и сразу ссыкавшей где-то багрец и золото, горьковато запахшей осени вернулся домой, принял «оздоровительную» ванну, победал чами с гречневой кашей и любимым печеным карто-

фелем и сел к окошку, глядевшему на пустырь за домом.

То была обширная земля, заросшая жесткими высокими травами: таволгой, волчецом с сухими коробочками, набитыми ватой, иван-чаем, от которого остались мертвые метелки на ломких покерневших стеблях. Низкорослый кустарник — больше по краям — тщился вырваться из цепко опутывающих трав и обрести древесное достоинство. Посреди пустоши проглядывала голубым глазком вода заросшего прудишки. Пушкин с раздражением думал о своем деде Льве Александровиче, в котором ценил чистоту русского феодального типа: неверную жену сгноил на соломе в домашнем узилище, а соблазнителя-францутика то ли повесил, то ли высек на конюшне; ну, что бы старому бездельнику разбить на пустыре сад? Сидел тут, отверженный от двора Екатерины, с краю пустыря, и хоть бы пальцем пошевелил, чтобы сделать свою жизнь нарядней и привлекательней. Понятно, почему забитая жена, презрев страх, кинулась на шею обходительному «мусью». На что уж беспечен и неумел Сергей Львович, а и то завел в Михайловском прелестный сад. Неужто старому ревниву не тошно было глядеть на эту пустоту? «Хорошие» виды открывались из помещичьего дома: по одну сторону сопревшие соломенные крыши, по другую — бурьян, чертополох и «протчая» сорная растительность. Что стоило насадить яблони, вишни, разбить клумбу, увенчав ее стеклянным шаром, проложить песчаные дорожки и высадить вдоль них табаки, дивно благоухающие по вечерам, вырыть порядочный пруд и напустить туда золотых карасей? Чем он занимался томительно долгими днями? Травил зайцев, стрелял мелкую лесную дичь, обедался, пил горькую, сек дворню и наслаждался мучениями узницы жены. Славный предок!.. Любопытно, что у Пушкиных и Ганнибалов схожие пороки и схожие добродетели, если легкомыслие, чрезмерную пылкость и склонность к виршеплетству можно считать добродетелями, впрочем, им не откажешь в верности, только не в семейной жизни. И среди Ганнибалов, и среди Пушкиных одни отличались бешеным нравом, другие неправдоподобной беспечностью и тягой к удовольствиям. Неудивительно, что древний русский род и не менее древний африканский тянулись друг к другу.

Запоздалое осуждение нерасторопности дедушки Льва и отсутствия в нем эстетического чувства не могло изменить пейзажа за окнами. Пушкин решил удовольствоватьсь тем, что есть, и прогуляться до запримеченнейшего утром левады с молодой липушкой, сохранившей на верхушке несколько темных сердцевидных листиков. Он вышел из дома через черный ход, не спеша пересек пустырь и оказался на пасеке, о существовании которой не подозревал. Десятка три синих домиков стояла с края поля, была и опрятная избушка пасечника, крытая корыем, рядом — колодец, а дальше в земляном увале была вырыта скамья и покрыта дерном. Пушкин подошел к скамье, потрогал рукой — сухо: то ли солнце выпарило влагу, то ли унесли на одежду сидевшие тут люди. Он опустился на мягкий, упругий дерн, наконец-то в колечем здешнем мире оказалось хоть малое удобство. Ни в одном крестьянском дворе Пушкин не видел ульев, похоже, это занятие неведомо болдинцам; во владениях Сергея Львовича пасека тоже не числилась, меда к чаю не подавали. Откуда же взялось это медовое хозяйство, отличающееся не болдинской опрятностью и основательностью?

— Здравствуйте, барин Александр Сергеевич! — послышался молодой грудной женский голос.

Казалось, голос родился в дреме, он прозвучал не извне, а внутри Пушкина. Он провел рукой по глазам, тряхнул кудрями, поднял голову и увидел высокую, статную девушку в крестьянском сарафане, домодельного полотна рубашке и новеньких лычных писаных лапоточках. Обычная деревенская одежда была такой чистой, свежей, яркой, как будто девушка сошла с картины живописца Венецианова. Она казалась ряженой. Округлое добре румяное лицо, удлиненные карие глаза и тонкие долгие черные брови, которые называют соболиными, — красивая девушка. Даже слишком красивая!.. Какая-то странная неправда была в ее красоте, как и в нарядной одежде. Под платком у нее угадывались уложенные коронкой девичьи косы, и они подсказали Пушкину, что незнакомка вовсе не так юна; по деревенским представлениям, где шестнадцатилетние невесты идут за четырнадцатилетних женихов, она перестарок.

— Здравствуй, — сказал Пушкин. — Ты кто такая?

— Февронья! — девушка засмеялась. — По-нашему — Хавронья.

— Февронья — прекрасное имя, старинное, сказочное. Хавронья — гадость. Любит у нас издеваться над именами: Елена — Алена, Флор — Фрол.. А чего ты тут делаешь, Февронья?

— То же, что и вы, барин, — снова засмеялась девушка, — мечтаю.

Удивляла ее чистая, не деревенская речь, смелость и слабый привкус насмешки — над ним или над собой? А может, это маскарад, и она — барышня, не крестьянка? В такой глупи ум за разум зайдет, вот и придумала себе развлечение бойкая помещичья дочка: вырядиться крестьянкой и поморочить голову приезжему из столицы. Неплохой сюжет для повести. Но жизнь не настолько игрива и затейлива. Это простая девушка, живущая или жившая при господах и обучившаяся городской речи.

— Чья ты? — спросил Пушкин.

— Батюшка, — она шутливо вздохнула. — Никого у меня больше нету. Матушка умерла, а замуж не берут. Вековуха.

Его огорчило, что он угадал ее возраст.

— Я не о том спросил. Чьи вы с батюшкой?..

— Божий!.. А были вашего дяди Василия Львовича крепостные люди. Батюшка выкупил нас за десять тысяч рублей.

— Твой отец выложил десять тысяч? Ну и ну! Хотел бы я иметь такие деньги.

— А вы попросите, Александр Сергеевич, батюшка вам не откажет...

— Я подумаю, — пробормотал Пушкин. Он не улавливал ее интонаций — была ли тут только наивность с легкой примесью гордости: вон, какой у меня отец — может и помещика выручить, или же Февронья вложила в свои слова насмешку над барином с худым карманом?

Великий острослов, Пушкин, как никто, умел высмеять, отбить зарвавшегося собеседника, но вся находчивость покидала его от чужой насмешки, особенной — нежданной. Потом он придумывал множество блестящих ответов, юных шуток, разящих выпадов, но было поздно. Осадить Пушкина мог человек вовсе недалекий, простодушная женщина, ребенок. Он злился, что не сумел ответить, но девушка стала ему еще интереснее. И что она здесь делает, ведь деревенские не прогуливаются в будние дни. Им нужна цель, чтобы идти со двора: по хозяйственной заботе, купаться на реку, в лес по грибы-по ягоды... Для всего этого сейчас не время, для меда — тоже.

— Откуда ты взялась? Я не видел, как ты подошла.

— Я из сторожки вышла, — сказала Февронья, глядя ласково и словно бы ободряюще.

— А чего ты там делала?

— Вас поджидала. — И опять не поймешь: насмешничает или всерьез говорит.

— Чья это пасека?

— Отца моего. Вилянова Ивана Степаныча.

— Тогда понятно! Я вторгся в чужие владения? Она улыбнулась.

— Почему ты молчишь?

— А что я должна сказать? Вы ведь шутите. Я улыбаюсь вашей шутке.

— Мудреная девушка! — Пушкин тряхнул спутанными кудрями. — А что в сторожке делала?

— Ведь сказала: вас ждала.

— Смела! Откуда ты знала, что я приду?

— А я и не знала. Просто ждала. Вчера ждала, сегодня, завтра бы опять ждала. Когда-нибудь пришли бы. Куда деваться-то?

— Ну, смела! Неужели я такой старый, что меня и бояться не надо?

— Какой же вы старый? — Она говорила серьезно, с желанием, чтобы он поверил. — Девушка к тридцати — перестарок, а мужчина еще молоденький. Волос маленько поредел на макушке, но вы — молодцом и на портрет свой похожи. Мне батюшка из Нижнего привез. Только вы... — она замялась, — не серчайте, махонький.

— Думала — гренадер?

— Ага. А вы мне по плечо.

— Не беда! Он побледнел от бешенства и облизал враз пересохшие губы. — Обойдусь без лестницы.

Он стремительно шагнул к ней и крепко обнял, вложив в движение излишнюю силу — она и не думала отстраняться. Он, почувствовал, как под руками что-то нежно хрестнуло, и ослабил хватку. Всем большим и теплым телом она приникла к нему, беспомощно навалилась, и пришлося напрячь мускулы, чтобы удержать ее.

— Прости, — сказал он хрипло. — Я забылся... Ты красивая, добрая. Дождись своего человека.

— Александр Сергеевич, милый друг, — сказала она взаменяюще, как ребенок. — Мне не нужен другой человек. Вы забыли — я же вольная. Это мечта моя: подарить себя тому, кого полюблю. А я вас загодя полюбила.

Потом он спросил:

— Ты не жалеешь?

— О чем жалеешь?.. Вы не жалейте, Александр Сергеевич, и ничем себя не упрекайте, не томите. Вы мне счастье дали.

— Что ты — как прощаешься?

— Нет, я не прощаюсь. Будут у нас встречи. Да ведь придется же...

— Придется. Чего мне тебя обманывать? Я — жених.

— Завидую я вашей невесте, Александр Сергеевич!

Пушкин расхохотался. И с этим громким, не циничным, но откровенно признающим свою человечью слабость смехом, пришло к нему освобождение, великое, давно забытая легкость, спасавшая его душу во всех тягостях не столь долгой, но бурной жизни. Только сейчас он понял, как тяжело, кромешно, душно жил в последние годы. Духота была во всем: в испрашивании разрешения на каждый, дозволенный любому человеку шаг, в надзоре и слежке голубых мундиров, в вечных подозрениях и придирках властей; духота была в сватовстве, на которое он, человек не чиновный, не занимающий никакой должности, обязан был получить согласие царя; духота в отношении с тещей — алчной, угрюмой ханжой, в домогательстве патриарха семьи. Дедушки, вшившиеся в него, как клещи, — хотел загнать казне через Пушкина бронзовую Бабушку — статую Екатерины, отлитую в запоздалом угодничестве на гончаровских заводах, и даже в холодном совершенстве его невесты, замороженной Мадонны, которая когда-нибудь оттает, но только не для него; в сплетнях и пересудах, сопровождающих каждый его шаг, бешено журналной травле, а главное — в невозможности хоть на время вырваться из этой духоты и глотнуть свежего мирового воздуха. Но самое печальное: он позволил себя затравить, он расчесывает ранки журнальных укусов, и они не заживают, он утратил тот сосредоточенный покой, в котором перемогалось житейское волнение; нервный, издерганный, легко плачущий, он стал на себя не похож. Но самым нетерпимым был заговор в доме на Никитской: оскорбительные нотации тещи, ее полуобещания-полуотказы, завершившиеся согласием, которому не было веры, настороженность и отчуждение на прелестном лице той, которой он жертвует душевной свободой, своим единственным достоянием, она не дала ему и тени радости, не подарила и жеста доброты. Так бывает на сцене, когда бестремпераментность одного актера заставляет другого играть за двоих. На театре это изнурительно и докучно, в жизни — доводит до отчаяния. Лишь одного добился он: твердой уверенности, что счастье — не для него. Его сильное тело, обреченное на отшельническое воздержание, стало ему в тягость. Он, привыкший быть радостью для женщин, столкнулся с таким пренебрежением, что потерял уверенность в себе, порой казалось, что в доме на Никитской проводили о каком-то его тайном ущербе, уродливом изъяне.

А сейчас эта чистая, красивая, сильная девушка, отдавшая себя так щедро и полно, вернула ему веру, вернула к самому себе. Благодарность, нежность, плавящая сердце, признательность — до горлового спазма — за ничем не заслуженную жертву слагались в чувство, близкое любви.

— Мы будем с тобой, — сказал он. — Долго будем. Каждый день будем...

— Пока вы не уедете, — тихо договорила она.

В сторожке пасечника, на краю левады занялась болдинская осень.

Плетнев раньше всех оказался свидом, что забил небывалый родник. Но он еще не знал, что первым выплеском из таинственных недр была созданная 8 сентября «Элегия», быть может, вершина пушкинской лирики. В этом стихотворении — «программа» болдинских дней:

Порой опять гармонией ульясь,
Над вымыслом слезами обольясь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

И было то невиданное чудо, которое вот уже полтора столетия не перестает поражать, волновать и томить загадкой всех, кто отзывается о поэзии, и тех, кто, не отзываясь, ею ведает. В одухотворенной легкости трех дождливых месяцев обрели форму и завершение наброски, так небрежно брошенные в черную кожаную шкатулку, рождались новые стихи, проза, драматические произведения, критика, первозданными словами оплакивались старые разлуки, возник странный двойник автора — недалекий, смиренный, полуразорившийся помещик Белкин, пересказавший с чужих слов несколько грустных и веселых историй и ставший в поколениях куда реальнее своих современников из плоти и крови; с неугомонного пера стекали эпиграммы, «шалости», капли полемического яда. Победная легкость, овладевшая поэтом, верно, помогла быстро решить кистеневские дела и разобраться в болдинской маете. «Ваше здоровье», сохранивший шутливый тон с мужиками, несколько озадачил их твердым спросом по части повинностей. Даже произнося с церковного амвона

проповедь о холере (во исполнение своего помещичьего долга), Пушкин вещал, что погибельная напаст послана мужикам в наказание за нерадение, пьянство и задержку оброка...

Холера меж тем, пощадив Болдино, неудержимо надвигалась на Москву, где в доме на Никитской невеста поджидала жениха. Не боясь холеры для себя, испытывая тот прилив душевой бодрости, которую московский генерал-губернатор Закревский считал главной защитой от заразы (граф оказался предтечей чреды российских администраторов, зрящих в социальном оптимизме панацею от всех бед). Пушкин удобно придумал, что Гончаровы заблаговременно покинули угрожаемую столицу. Когда же убедился в своей ошибке, то заметался в жестоком беспокойстве. Да, он беспился, рвался в Москву отчаянно, голову, расшибался о ближнюю или дальнюю карантинную заставу, возвращался назад и с поражающей легкостью входил в привычную колею с захлебным писанием, скакой по раскисшим полям, горячей ванной и любовью Февроньи.

Опутанный запретами чуть не всю сознательную жизнь, Пушкин болезненно ощущал ограничение физической свободы — отсюда его непрестанная тяга к дороге, перемена мест, создававшая дополнительные трения с Бенкендорфом, а стало быть — с державным цензором. Он был искренен в своем стремлении вырваться из карантинного кольца и соединиться с невестой в холерной Москве, но как страны его письма к Наталии Николаевне! За риторикой отчаяния плохо прячется отменное настроение, неотделимое у Пушкина от юмора. Он слишком много и хорошо острит для несчастного, отторгнутого от любимой, допускает небрежности, повторы. Наталия Николаевна не могла читать развеселых писем, которые он строчил своим друзьям одновременно с «отчаянными» письмами к ней, но в ней пробудилась женская проницательность, позволившая уловить двусмысленность тона нетерпеливого жениха, так философски смирившегося с очередной отсрочкой свидания. Она привновила его к толстой книгне Голицыну, у которой Пушкин разузнавал о холерных карантинах. Это было единственное женское имя, мелькнувшее в письмах из Болдина, и за неимением ничего лучшего Наталия Николаевна обратила ревнивый гнев на неповинную толстуху. Ошибка вполне извинительная, но точность женского чутья в юном существе, угадавшем суть происходящего в Болдине, замечательна! Пушкин с завидным достоинством отводил неуместные подозрения.

Одна Февронья ничего не требовала, не просила, не выгадывала — просто любила. И, отдавая себя всю, получала в награду счастье, единственное на всю жизнь.

Февронья Вилянова не могла слышать о другой девушке — немке Ульrike Левецов, жившей в одно время с ней, которую любил и хотел сделать своей женой гений немецкой поэзии Гете. Ульrike не хватало широты или бесшабашности, чтобы пойти навстречу року — она отказалась Гете. В этом она отличалась от бесстрашной русской девушки, в остальном судьбы их поразительно схожи: обе прожили долгую, длинную в век жизни и умерли незамужними; обе не обмолвились ни словечком о просиявшем им в молодости свете. Ульrike обладала правом выбора — Гете был ей ровня, у Февроньи такого права не было. Зато она получила в подарок болдинские стулья и увезла их в свой арзамасский дом, а Пушкин занял у отца ее Вилянова десять тысяч рублей, которые не успел отдать за преждевременную смерть. Сергей Львович уплатил долг сына землей...

Приблизился декабрь, и худо стало в летней, неотапливаемой сторожке, любовники дрожали от пронизывающего ветра, дувшего в щели, от сочившейся сквозь плохо пригнанные тесины снежной воды. Они согревались друг о другу, из двух остудей рождался жар. И все росло в душе Пушкина чувство вины и перед той, что обречена на разлуку, и перед той, что ждала его. Уже нельзя было оправдываться карантином, путь на Москву был свободен. Он простился с Февроньей стихами, обращенными к покойной Ризнич — большой, величественной, как Афина Паллада, к ее челу просился сверкающий шлем воительницы — литература сильна и счастлива сублимацией. И Кастальский ключ иссяк.

Живого прощания не было, Пушкин сказал только:
— Я еще приеду...

Февронья не плакала, для этого она была слишком несчастна.

Когда покидали Болдино и тяжелая карета, уже раз обрушившая гнилой мост через Сазанку, опасливо пересчитывала новые бревна, Пушкин спросил себя: куда и зачем он едет? Все было здесь: счастье, любовь, покой, неудержимо льющиеся строки. Чего он ищет — ярма, забот, тревоги, самообмана, страшного опамятования? Все известно наперед, но ничего поделать нельзя — он был обречен.

ПО НА

Владислав МОНАХОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные корреспонденты
«Смены»

ВНУК БАТРАКА, СЫН КОЛХОЗНОГО ШОФЕРА,
ТОКАРЬ ИЗ ТАЛЛИНА
ВАЛЕРИЙ РИХАРДОВИЧ ЛИЙВ
СЕГОДНЯ ЗНАМЕНİТ НА ВСЮ РЕСПУБЛИКУ.



В РАЗНЫХ РАЙОНАХ СТРАНЫ РАБОТАЮТ
МОЩНЫЕ МАШИНЫ,
СДЕЛАННЫЕ НА ТАЛЛЭКСЕ».

ВАЛЕРИЙ ЛИЙВ ЗНАЕТ САМЫЕ ЗАВЕТНЫЕ
УГОЛКИ СВОЕГО ГОРОДА.

БРИГАДА ЛИЙВА
ПОСТОЯННО СОВЕРШЕНСТВУЕТ
ТЕХНОЛОГИЮ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ВАЛОВ ДЛЯ ЭКСКАВАТОРОВ.



60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
Эстафета дружбы и подвига

УЖЕ РЕМЕСЛА И ДУШИ

Kогда приезжаешь в Таллин, то ощущение такое, словно попадаешь в большую уютную квартиру. Все здесь по-хозяйски ухожено, присмотрено. И во всякий новый приезд тебя ожидают приятные перемены в облике города.

— Знаете, почему Таллин никогда не будет достроен? — спросил Валерий Рихардович Лийв, токарь производственного объединения «Таллэкс», пригласивший нас на воскресную прогулку по городу.

И рассказал старинную эстонскую легенду.

Каждую осень в глухой полуночный час из озера Юлемисте выходит маленький седой старик — Ярвевана, спускается к городским воротам и спрашивает: «Готов уже город или там все еще что-то строится?» А сторожу строго-настрого наказано всякий раз давать старику такой ответ: «Куда там, много еще чего недостроено, и немало понадобится лет, чтобы работу окончить».

— Ну, а ответь сторож иначе? Дескать, город готов и ничего больше строить. Что тогда? — интересуемся мы.

— Тогда пропал бы в тот же час Таллин. Хлынули бы воды озера Юлемисте и затопили бы город со всеми его жителями.

Мы с уважением посмотрели на шпиль ратуши, где в вышине поскрипывал на ветру знаменитый флюгер с изображением городского воина «Старого Тоомаса», вечного стражи и хранителя Таллина.

— Старый Тоомас, конечно, добрый малый, — продолжал наш гид, — но древнюю красоту Таллина сохраняет все же не он. Не под силу это было бы старику! Взять хотя бы Олимпиаду-80. Накануне в Таллине были проведены реставрационные работы такого масштаба, какого, пожалуй, не знал ни один город Европы. Впрочем, не только реставрационные. Видели олимпийский комплекс в Пирите, где проводятся парусные регаты? Его вся страна строила. Старому Тоомасу оставалось только смотреть и радоваться.

До чего же красиво! Покрытые свежей черепицей, покатые крыши Вышгорода уступами спускались по узким средневековым улочкам вниз, на Ратушную площадь. Дома в Старом городе — разноцветные, как на веселой лубочной кар-

тинке, — голубые, желтые, розовые, зеленые. Над дверями висели старинные кованые вывески сапожников, пекарей, серебряных дел мастеров.

Казалось, стоит чуть-чуть прищурить глаза и прислушаться, и увидишь наяву: по крепостной стене прохаживаются закованные в латы ратники с пищалями на плече, поспешают по торговым делам купцы в ярких камзолах, ремесленник с сыротятым ремешком на лбу помешивает в чане краску, постукивает колесами по булыжной мостовой карета с баронским гербом, запряженная четверкой...

А что? Может, кто-то из этих вызванных воображением теней — прапра... дедушка Валерия Рихардовича Лийва? Был же кем-то его далекий предок, если сам факт существования токаря с «Таллэкс», как говорится, налицо? «Одно знаю точно, что не бароном, — усмехнулся нашему предположению Лийв. — Я корня крестьянского».

Какое смешение, вернее, смещение временных координат на таллинских улицах! Рядом с фешенебельной гостиницей-небоскребом «Виру» ваши часы как бы убегают вперед, отсчитывая минуты XXI века, а на Вышгородском холме, чей силуэт с островерхими башнями на фоне неба напоминает старинную гравюру, словно обращаются вспять, возвращая вас в век эстак XVI...

Удивительное чувство испытываешь здесь, на стыке столетий: для тебя вдруг заново, как озарение, открывается привычное слово «современность». Ты отныне будто другими глазами смотришь на окружающий мир, на людей, дотоле тебе незнакомых, и ловишь себя на мысли, что думаешь о них почти с нежностью: «Это же мои современники! Нам предназначен для жизни один отрезок истории. Он наш, и ничей другой. И по тому, как проживем мы его, с какой пользой и с какими мыслями, потомки станут судить и о нашем веке и о нас самих».

В тот день мы объездили с Валерием Рихардовичем весь город. Нашему гостеприимному хозяину хотелось показать самые заветные свои места. Заехали в Кадриорг на Певческое поле, куда ежегодно он привозит семью на всеэстонский праздник песни. Побывали в районе Ласнамяги, в историческом домике Петра I, заглянули в порт. В прозорливости мысли петровой, что «все флаги в гости будут к нам», убеж-

дал один только вид Таллинского морского порта, многогодового, шумного, разноязыкого.

— Мой сын Юрий тоже плавать собирается, — будто извиняясь за эту экскурсию, сказал Валерий Рихардович, но отцовской гордости все-таки скрыть не сумел. — Он на втором курсе Таллинской мореходки учится. Знаю, чье это влияние! Мой младший брат Калью — радиооператор на судах. Поэтому дом у меня, как морской музей. Кораллы, морские звезды, высушенные крабы... Вот и Юрку позвало море. Что ж, пускай! Ну, а человек сухопутный. На берегу тоже кое-какие дела имеются...

Машина все дальше уносила нас от Старого города. Поплыли навстречу березовые перелески: мы въезжали в новый жилой район Мустамяэ, который таллинцы в шутку называют «городской спальней». Представьте себе среди леса белые многоэтажные дома со всеми удобствами. Рядом универсалы, кинотеатры, спортивные площадки. Словом, обычная новостройка большого города.

— Для кого-то, может быть, и обычна, да только не для меня, — заметил Лийв.

— Что же такого необычного в Мустамяэ?

— Здесь мой избирательный округ, который я уже восьмой год представляю как депутат в Верховном Совете СССР, — отвечает он вполне буднично. — Теперь в районе есть все необходимое для нормальной жизни. Но это теперь... А раньше то аптеки не хватало, то магазина, то автостоянки. И все ко мне. Оно и понятно — народный депутат. А я не успокоюсь, пока не добьюсь, так как у меня несносный характер. Мне не надо, чтобы я один знал, что я депутат. Люди об этом узнают, когда дело делается. Вот, к примеру, школа до зарезу еще одна была нужна. По просьбе избирателей обратился я в горисполком... Хотите взглянуть?

Лийв притормозил «Жигули» возле новенько, сверкающего побелкой здания школы. Из окон доносился ребячий гомон. Встретивший нас учитель вызвался показать учебные классы. «Итак, здесь у нас химический кабинет, а тут физический», — говорил он с удовольствием новосела и уважительно добавлял: — Прошу дальше, Валерий Рихардович. Своему депутату здесь были рады.

У Лийва тоже был вид довольный: школа ему нравилась. С доброй ульбкой смотрел он по сторонам. В спортивном зале, огромном, светлом, оборудованном «шведскими стенками», брусьями, турниками, к ногам Лийва подкатился мяч. И не выдержала душа бывшего спортсмена: мальчишки с восхищением наблюдали, как этот известный всей Эстонии человек со Звездой Героя Социалистического Труда на пиджаке ловко подхватил мяч, провел его уверенно по площадке до баскетбольного щита и точно бросил в кольцо.

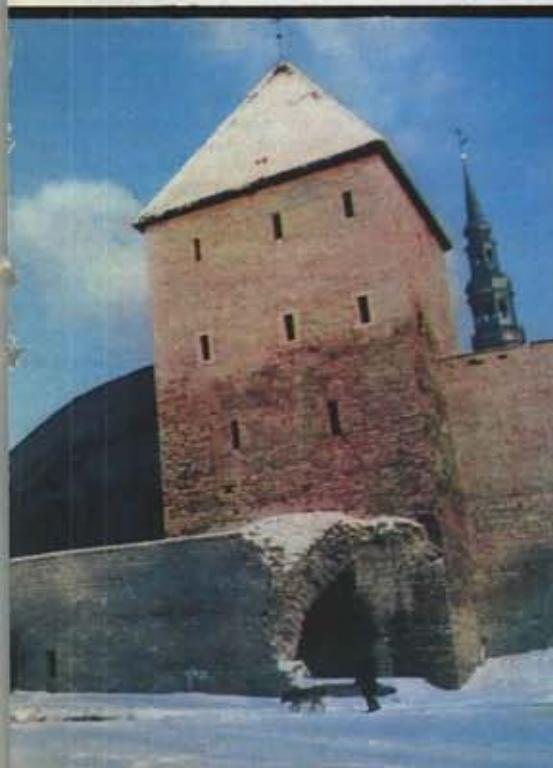
— Да-а, — отдававшись, сказал Валерий Рихардович, — нам бы в наши годы такую школу!

Среднюю школу сам Лийв закончил в 1956-м в небольшом и зеленом эстонском городке Тюри, стоящем на реке Пярну. Хотя это сейчас он городок, а тогда был сельским поселком. Летом там раздолбье: рыбалка, грибы, ягоды... Как и все его сверстники, Валерий поутру вставал рано — с петухами. Пас корову, сено косил, помогал матери по хозяйству. Еще одной его прямой обязанностью было носить еду отцу, работавшему на пожарном поезде механиком. «Около отца ворчалася, потому техникой и заболел», — рассказывал Лийв о школьных годах. Математика с физикой давались ему легко, как, впрочем, и остальные предметы. Прочел все, что нашлось в поселковой библиотеке.

Давно замечено: деревенская девочка по-особому до учебы охоча. То ли оттого, что вдали от городской суеты, наедине с собой есть время поразмыслить над прочитанным, помечтать, то ли оттого, что срабатывает врожденная крестьянская привычка делать все основательно, на совесть. Учиться — вроде как землю пахать. Кто-то даже подсчитал, что большинство ученых, прославивших отечественную науку, родом из сельской местности.

На Валеру Лийву учителя тюрийской школы возлагали самые честолюбивые надежды. Серебряный медалист, ум аналитический, а главное — трудяга! «Запомни, Валера, талант — это труд, — напутствовал его любимый учитель. — Это не я, а Пушкин сказал, Александр Сергеевич».

В Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, куда Лийв с блеском сдал экзамены, вскоре приметили старательного, упорного паренька. Именной стипендият, он



ДЕПУТАТСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ТРЕБУЮТ НЕ ТОЛЬКО ЭНЕРГИИ, НО И ЗНАНИЙ.

НЕМНОГО СТРАННО СМОТРЕТЬ НА СЕБЯ СО СТОРОНЫ.



и в общественной жизни был не последним. У него всегда было дел сверх головы — и учебных, и комсомольских, и спортивных, и личных тоже (в медицинском училище одноклассница Валерия — Валя, будущая его жена). В институте шутили, что прилагательное «трудолюбивый» имеет не три, а четыре степени: трудолюбивый, более трудолюбивый, трудолюбивейший и... Лийв.

А на третьем курсе случилась беда. Врачи обнаружили у Валерия болезнь глаз. «Занимайтесь меньше, — посоветовали ему, — вам нельзя переутомляться». Он и сам это чувствовал: читает учебник, а перед глазами круги, цифры вспрескают скакут... Но сессию-то сдавать надо. И, пожалуй, впервые институтские преподаватели говорили студенту столь необычные слова: «Послушайте, Валерик! Не обязательно вам учиться только на «отлично». Не перенапрягайтесь, «тройка» — тоже государственная оценка. Другие же могут по-средственно учиться?»

Он не мог. Ни тогда, ни потом Валерий Лийв ничего не делал на «тройку». Просто не умел этого делать.

Институт пришлось оставить. Обидно, конечно, было — ведь он первый в роду Лийвов получал высшее образование...

Его дед Карл, по рассказам отца, всю жизнь батрачил на баронов. В 1911 году, в период столыпинской реформы, с хутора из-под Выру он вместе с другими эstonскими переселенцами отправился за счастливой долей в Вятскую губернию, на русский Север. Выделили там безземельным крестьянам дикие участки леса: мол, обживайтесь, хозяствуйте. Валили лес, корчевали пни, освобождая землю для пахоты. Надравался дед на непосильной работе, так и не увидев первого урожая пшеницы с возделанного им поля.

Судьба отца Валерия — Рихарда Карловича — оказалась счастливее дедовой. В вятских лесах в 30-е годы был создан эstonский колхоз. Жить стали с достатком. В 1938-м в семье колхозного шофера Рихарда Лийва в поселке Опарино родился первенец.

Помню, спросил я у Валерия Рихардовича, побывав в его современной квартире и увидев там домотканые коврики, половицки: «Откуда все это?» «А-а, это? — голос его потеплел, — это мама моя, Сельма Самуиловна, на красне ткала». Я-то знал, что красной в старины называли деревянный ткацкий станочек. Но откуда эstonцу Лийву было знать давно ставшее редким русское слово? «Так мы же опаринские, — пояснил он. — У меня как бы две родины — Россия и Эстония.

Ему было три года, когда отца из Опарино провожали на войну. На фронте Лийв-старший тоже крутил барабанку, воевал в составе Эstonского стрелкового корпуса. Сын показывал мне семейные фотографии: «Это отец в сорок четвертом, когда освобождал эstonскую землю. Видите, он в гимнастерке, при орденах... А это, где мы все вместе, уже в сорок шестом. В тот год отец перевез нас на родину, в Тюри...»

Трудными, как и всюду в разоренной стране, были те годы. Но людей согревала мысль, что кончилась проклятая война. Работали в радость, строились, налаживали жизнь. В те дни еще бродили по лесам фашистские недобитки, те, у кого руки были в народной крови, — «лесные братья». Навсегда запечатлевшись в памяти девяностого Валерия событие, до глубины потрясшее маленький эstonский поселок Тюри: от рук бандитов погибли стрелки военизированной охраны Петерсен и Чернышев, которые взели зарплату железнодорожникам. «За что их, папа?» — спрашивал отца Валерий. «За новую жизнь, сынок, — отвечал Рихард Карлович. — Не нравится нашим врагам, что эstonцы при Советской власти зажили по-человечески».

Отец был в Тюри человеком уважаемым, — рассказывал Валерий Рихардович Лийв, — фронтовик, коммунист. Он помогал организовывать первые на

эstonской земле колхозы, не боясь кулацких угроз и бандитских пуль. Я всегда хотел походить на отца. И когда случилась со мной в институте беда, я поехал к нему в Тюри. «Не отчаивайся, сын, — сказал он, — ты же носишь фамилию Лийв. А Лийвы никогда не боялись работы».

Лиль дорог путь тебя не пугает,
Не страшит тольк бездонных болот.
Кто с мечтою о счастье шагает,
Тот его непременно найдет!

Эти пусть не совсем умелые, зато от души идущие строки Валерий написал уже вдали от дома, в те два года, когда был помощником машиниста экскаватора на мелиоративных работах в Пайдеском отделении объединения «Эстсельхозтехника». В 62-м, получив диплом врача-педиатра, вернулась из Ленинграда его невеста Валентина. Ей дали комнатку в старом таллинском доме, они поженились...

А Валерий стал токарем производственного объединения «Таллэкс». «Таллэкс» — значит таллинский экскаватор. Машины с этой маркой известны сегодня во многих странах мира. И в каждой из них исправно крутятся валы, выточенные на станке Лийвом.

Не сразу вышел из Валерия мастер высокого класса. Двадцать лет разделяют два знаменательных в его жизни дня — день, когда он принял решение стать рабочим, и тот, другой, когда ему вместе с орденом Ленина вручили в Кремле Золотую звезду Героя. К звездочке Лийв еще привыкнуть не успел — нет-нет да и взглянет на нее ненароком. «Не обносил еще», — смущенно улыбается Валерий Рихардович. Искренними были его слова, когда на празднике молодого рабочего, который проводится по всей республике, он говорил со сцены таллинского Дворца культуры и спорта о счастье труда, о возможностях каждого молодого человека в нашей стране прочно встать на ноги.

Внук батрака из-под Выру, сын солдата Великой Отечественной, Лийв имел моральное право на такие слова.

Любопытное совпадение: Валерий родился в 1938 году — как раз тогда Президиум Верховного Совета СССР установил почетное звание Героя Социалистического Труда. Колхозный шофер Рихард Лийв и его жена Сельма, конечно же, даже предположить не могли, что баюкают будущего героя. Родители дали новорожденному имя Валерий в честь погибшего в том же году советского летчика Валерия Чкалова.

Многих ребят, родившихся в тридцать восьмом, называли этим именем. Но не все Валерии, конечно, стали героями. Лийв стал. Наверное, потому, что было у него беспокойное сердце, настойчивость в достижении цели и великая чкаловская трудоспособность.

Свою первую трудовую награду — Знак ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель» — он получил еще студентом, в 57-м, вернувшись из казахстанских степей, куда на летние каникулы ездил в составе институтского отряда. Первой правительственный награды — ордена Трудового Красного Знамени — был удостоен за трудовые успехи и активную общественную деятельность восьмой пятилетке.

«Трудолюбивый, более трудолюбивый, трудолюбивейший и... Лийв».

На «Таллэкс» ему повезло с наставником, им стал токарь высшего разряда, человек строгих рабочих правил Николай Петров.

— Наше токарное дело — тонкое, — любил говорить он ученику, — тут, брат, мастером надо быть.

— Дело мастера боится, — с улыбкой замечал Валерий.

— А чего ему меня бояться? — удивлялся Петров. — Я к делу с уважением, и око мне тоже. А если делать его кое-как, то кое-как и получится.

В общем, быстро нашли они с Петровым общий язык.

... Работа выдалась Лийву не из легких. Попробуй покрутись у двух полуавтоматов, где вытачиваются валы к экскаваторным механизмам! Станки не попросишь подождать — сам за ними поспевай. 40-килограммовую заготовку нужно подхватить лебедкой, установить, зацентровать, зажать, включить мотор... А на другом станке, глядь, уже готова деталь — пора сбрасывать. Сбросил, подхватил следующую заготовку, зажал, включил... И в таком темпе всю смену.

Утром в ногах тяжесть, будто в конькобежном спринте накануне участвовал. Требовательно звонил будильник, опять на смену. «Может, переменить тебе работу, Валера, а?» — тревожилась жена. «Тогда и характер мне надо изменить», — отшучивался он.

Немногие надолго задерживались на участке, где начал работать Лийв. Серийное производство, оно предполагало заданное планом однообразие в трудовых усилиях, а значит, требовало особой внимательности, собранности. Однажды, «запоров» с десяток деталей, напарник Лийва Боря Чирков выключил свой станок. «Все, баста! — заявил он Валерию. — Не могу больше гнать эти чертовы валы! Знаю, что промерять их надо всякий раз, да рука не поднимается». Были и другие, кто, посновав на том же «пятачке» месяц-два, говорил с виноватой улыбкой: «Вы уж извините, ребята, но я лучше на «Универсал» перейду или на шлифовальный».

Что ж, прав, видно, был учитель Лийва Петров: кое-как на полуавтоматах не наработаешь.

А чего тут вообще можно добиться? Выверить до автоматизма каждое движение? Валерий выверил. В итоге — опережение пятилетнего задания почти на год. Что еще? Прослился технологический путь экскаватора от «нуля» до готовой машины. Заметил: на валах делается лишняя шлифовка, в стопорных кольцах нет особой необходимости, прокат тоже можно было бы использовать меньшего диаметра.

Больше десяти предложений внес и реализовал Валерий Лийв за время работы на «Таллэксе».

— Все мы давно привыкли к тому, что Лийв безотказен, — говорил заместитель начальника механического цеха Виктор Павлович Пономарев. — Я ведь с ним рядом за станком стоял, когда на вечернем учился. В комсомольском бюро кто? Лийв. Нарисует карикатуру на прогульщика в стенгазете — обсмеется! Позже и в партбюро его выбрали, заместителем председателя завкома профсоюза. Может, кто-то и сожалел потом, что за него проголосовал. Потому что спуску он никому не давал, критиковал, невзирая на лица. За дело, конечно! «А ему что, больше всех надо?» — ворчали иные. Выходит, надо...

А секретарь партбюро цеха Валерий Васильевич Черниенко будто черту под разговором подвел:

— Я вот о чем сейчас подумал. Те самые «скучные» валы, которые поныне отпугивают многих, как раз через станки Лийва идут. Вы понимаете? Покинь он свой рабочий пост — и обнажится важный участок производства.

— Так не покидает же?

— Нет. И, поверьте, не оттого, что депутат и герой, нет и нет! А оттого, что сам Лийв прекрасно понимает важность своего рабочего поста. Не одномоментным, а беспрерывным подвигом назвал бы я его трудовую вахту.

Я слушал доводы секретаря партбюро, и на ум приходила давняя история, о которой когда-то писали газеты. Пьяный тракторист разворотил рельсы на железнодорожном пути. Спасая пассажиров, машинист, который вел поезд, погиб. Журналисты выяснили: за долгие годы у нас в стране не было случая, чтобы машинист выпрыгнул из паровоза, спасая свою жизнь и погубив жизнь пассажиров. У того героического машиниста тоже не было дилеммы: прыгать или не прыгать. Всей своей жизнью он

был подготовлен к подвигу в высшем понимании этого слова — человек делал свое дело, выполняя служебный долг. Он шел на подвиг не потому, что герой, а потому, что иначе поступить не мог.

И подумалось: Валерий Рихардович тоже «не выпрыгивает из паровоза», точит свои, для кого-то, может быть, «скучные» валы не для одобрения начальства, не из-за высокой зарплаты, не по дальним соображениям ума, не с прицелом, а потому, что, как и тот машинист, иначе поступить не может. «Если не я, кто же тогда?» — рассуждает Лийв.

Валерий Рихардович Лийв делает экскаваторы, огромной общественной полезности машины, о которых в дальних командировках приходилось слышать немало добрых слов от мелиораторов и связистов. Люди, знающие истинную цену труда, хвалили труд других, незнакомых им людей. Право, стоит работать — и хорошо! — ради одной лишь человеческой благодарности.

Как важно для человека знать, что ты нужен. Какая радость увидеть сотворенное тобой, почувствовать полезность для современников сделанного именно твоими руками. Слесарь-инструментальщик с ЗИЛа, еще с доворенным стажем, Герой Социалистического Труда Николай Григорьевич Мячин рассказывал мне недавно, что подобное чувство одухотворения он испытывал даже на фронте:

— Бывало, встретишь на военных путях-дорогах наш «ЗИС», и на душе тепло, будто привет из дома. И гордость в сердце: не мною ли выточены детали, что в его моторе на победу работают?.. А нынешние красавцы «ЗИЛы»? Любодорого посмотреть!

С такой же любовью мастерового человека относится к своим экскаваторам и таллинский токарь Лийв. Как-то в обеденный перерыв зашли мы с ним в сборочный цех «Таллэкс». Там, готовые к отправке на север, в Тюмень, стояли новые мощные машины. Они предназначались для прокладки траншей под нефтегазопроводы в условиях вечной мерзлоты.

— Эх, одним бы глазком взглянуть, как они там будут работать! — мечтательно сказал Валерий Рихардович. — Знаете ли, приятно сознавать, что от наших машин тоже зависит освоение богатств Сибири и Крайнего Севера!

Он вспомнил, с каким большим теплом обращался Леонид Ильич Брежnev в своем письме к коллективу «Таллэкс», благодаря за досрочное выполнение заказов Нечерноземья на поставку мелиоративных машин. Письмо это, датированное 3 июня 1977 года, было тогда зачитано на общезаводском митинге. Работа последующих лет шла в объединении под девизом «Заказам Нечерноземья — зеленую улицу!». Это позволило ввести в эксплуатацию многие тысячи гектаров новых пахотных земель.

За неделю до этого нашего разговора я присутствовал на едином политдне, где выступал депутат Лийв. Валерий Рихардович только что вернулся тогда с сессии Верховного Совета СССР, утвердившей государственный план на одиннадцатую пятилетку. «Это закон нашей жизни, за его выполнение отвечаем все мы — от рабочего до министра», — говорил он. — Для наших экскаваторов дело тоже будет предсторожно. На пятилетку намечены большие мелиоративные работы. А что это значит, товарищи? Это значит, что мы с вами внесем свой вклад в намеченную партией продовольственную программу!»

Не будет открытием сказать, что наши герои — люди активной жизненной позиции, которые находятся на передовых рубежах созидания. Героями они становятся задолго до того, как их отметили высшей наградой. На протяжении всего трудового пути им были безраздельно дороги дела и заботы

бригады, цеха, предприятия, района, республики и всей страны.

— Я знаю Лийва не один год, писал о нем не однажды,—делился со мной своими мыслями корреспондент газеты «Советская Эстония» Михаил Рогинский.—Можно сказать, следил за его чкаловским взлетом. Орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции... Ему вроде бы легко было «проявлять жизненную позицию», коль скоро еще до Звезды он депутат Верховного Совета СССР и член ЦК Компартии Эстонии. Но спроси тех, кто знает его с первых дней на «Таллэксе»,—того же мастера Венкова, токаря Хейно Ламбера, фрезеровщика Лиходеева, спроси их, и они тебе скажут, что Лийв всегда был активен, принципиален, когда речь заходила об общем деле, о его успехе.

Мне довелось убедиться в правоте слов моего коллеги на том же политдне. Говоря о государственной дисциплине, эффективности и качестве работы, Лийв пристально взглянул на кого-то в зале: «Можно сто раз повторять слова «эффективность», «экономия», но пройти мимо корпуса со ржавеющими конструкциями. Неужели так трудно покрасить?—вдруг резко спросил он, и весь зал обернулся на нового заместителя генерального директора объединения.—Учтите, нам, машиностроителям, больно смотреть на ржавеющий металл».

«Давно ли Валерия Рихардовича тешила мысль, что его бригада экономит за год до двух десятков тонн конструктивной стали. В планово-бюджетной комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР он узнал, как экономятся по стране миллионы тонн,—писала «Советская Эсто-

ния».—Еще он узнал, как другие миллионы уходят в стружку из-за неподходящего сортамента, выданного металлургами. Видел «на ковре» руководящих работников, ответственных за перерасход. Весь металл страны выглядел тут как бы единым общесоюзным слитком, который, скажем так, делили по отраслям при непосредственном участии Лийва...»

Да, токарь Валерий Рихардович Лийв—человек государственный, занятый. Но прежде всего он рабочий, член конкретного производственного коллектива. Когда мы знакомились с ним на «Таллэксе», он был в наушниках—«глушарях», в промасленном комбинезоне, на лице тоже были следы машинного масла и металлической пыли. Нельзя сказать, что Лийв очень обрадовался нашему с фотокорреспондентом появлению в цехе. «Слушайте, ребята,—сказал он почти укоризненно,—некогда разговаривать, мне работать надо. Не то скажут товарищи: зазнается, мол, Герой. Мне это звание каждый день подтверждать надо. А после смены—я в вашем распоряжении...»

Но и после смены поймать Валерия Рихардовича было делом непростым. То с неизменной папкой под мышкой он торопился в Таллинский горисполком, где решался вопрос об ускорении строительства СГПТУ, которое уже в этом году должно принять на учебу 720 будущих машиностроителей. То, извинившись, укатывал на автобусе в Мустамяэ на встречу с избирателями.

Вот выдержки из его официального отчета по Мустамяэскому избирательному округу: «Создание зон отдыха трудающихся в Пелгуранде и Рокка-аль-Маре—в плане одиннадцатой пятилетки; строительство аптеки в районе Вай-

ке-йысмяз—срок до 1985 года; пансионат для инвалидов и престарелых на 300 мест—срок до 1983 года...» И так далее. Он ставит вопрос о комплексной жилой застройке: жилье жильем, а как же баня, магазины, транспорт?.. В тетради, которую ведет Лийв, есть «плоскости», но сколько еще «минусов», требующих 2—3 часов ежедневной работы за письменным столом, за телефонным аппаратом, в кабинетах министерств и ведомств.

Случалось и такое, что «орденоносной грудью и депутатским мандатом», как не без юмора выразился сам Лийв, «пробивал» он металл для родного предприятия. «Нам ясно,—писал токарь «Таллэкса» министру черной металлургии Украины,—что сейчас сложилось напряженное положение с металлом. Но ведь то, что запланировано, должно быть все-таки поставлено в нужном объеме и ассортименте, чтобы не прибегать к снижающим качеству заменам материалов. Прошу вас дать срочное распоряжение нашим поставщикам (следует названия заводов, сортаментов стали.—В.М.) о выполнении ими договоров. И по возможности—в первый квартал каждого месяца».

Той же «орденоносной грудью» добивался он установления телефона в доме большой старушки, предоставления квартиры ветеранам войны и труда. Но становился замкнутым и отчужденным, когда кто-то по старой дружбе испрашивал привилегий для себя...

Вечером после воскресной прогулки по городу (ох, и редки же они у него!) Валерий Рихардович пригласил нас домой. Первым с радостным лаем встретил хозяина Джек, на вид обыкновенная дворняга.

— Дворняга и есть,—засмеялся

Лийв,—дочка Майя щенком со двора принесла. «Мне породистая и не нужна,—говорит.—И моего Джека кто-то любить должен. Он же не виноват, что дворняга».

Квартира у Лийвов просторная, трехкомнатная. Переселились сюда из «коммуналки» лет десять назад, отработав за каждый квадратный метр по двадцать часов на строительстве заводского дома. Так что Лийвы, взрослые и дети, хорошо знают цену жилью. «К чему с детства ребенка приучишь, то из него и получится»,—рассуждал Валерий Рихардович.

Пришла с работы его жена Валентина Самуиловна, улыбнулась: «Вот чудеса—восемь вечера нет, а мой муж уже дома!» Тепло, уютно было в этой семье. Семиклассница Майя готовила в детской вместе с Джеком уроки. Мы, взрослые, сидели в гостиной у цветного телевизора. Показывали репортаж с симпозиума «Поиск разумной жизни во Вселенной», проходившего в те дни в Таллине.

— А я космонавта Севастьянова на улице видела,—раздался из детской голос Майи.

— Неужели?—улыбнулся отец.—Между прочим, Севастьянов на «отлично» учился. Поэтому и полетел в космос.

— Да-а...—видимо, думая о чем-то своем, женском, вздохнула Валентина Самуиловна.—Разумная жизнь во Вселенной—это, конечно, интересно! Но пусть разумной она вначале станет на Земле. Я о войне говорю...

Мы помолчали. Но каждый из нас знал, что думает мы об одном и том же. О том, о чём думают все наши современники, знакомые со словом «война».

За окном спокойным сиянием горели огни Таллина...



ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.
ТОКАРЬ ВАЛЕРИЙ ЛИЙВ СЧИТАЕТ,
ЧТО КЛЮЧ К ЖИЗНЕННОМУ УСПЕХУ—
НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКОЙ РАБОТЫ,
НИ НА СУШЕ, НИ НА МОРЕ.

В ЗЕНИТ КАМДОСЬ ЛЕТО



Александр ШАТАЛОВ

Лето в Подмосковье

Лето. Жарко и сухо.
Запестрели поля.
Тополиного пуха
Наступает пора.

Рассыпаются трели,
И шевелится лист.
Вот — кричат коростели,
Вот — малиновки свист.

Луч слепящего света
Вдруг коснется щеки.
Подмосковное лето,
Лодка возле реки.

На деревьях короста.
Но увидите вы —
Земляничная россыпь
Брызжет из-под травы.

И текут, отражаясь,
В реке на века,
За деревья цепляясь,
Надо мной облака.

Дождик пахоту мочит,
Жизнь идет, как всегда,
Под ногами бормочет
Грунтовая вода.

Кровь пульсирует в теле,
Растворяясь без слов
В кровеносной системе
Подмосковных лесов.

Алексей КРЫЛОВ

Июль

Кара-Кумы.
Июль.
Жара.
Не ступить
На песок с утра.
Думал, края такого нет,
Где так невыносимо летом,
Где горячим, как лава, светом
Пропитался

любой предмет.
Нам до боли хотелось пить,
Как еще не хотелось сроду.
Научились тогда
ценить
Голубую, как небо,
воду.

Михаил МОЛЧАНОВ

*

Какое лето! В роскоши купаясь,
живут леса, луга, сады и грядки.
Земля на краски в общем-то скучая
сегодня их транжирит без оглядки.

Опять грачи с утра собрали вече.
И ветлы тонут в их веселом гаме.
Теплее солнца сделавшись под вечер,
покрылась речка рыбьими кругами.

Весь лес насквозь — порханье, щебет, гомон.
В нем стало все его живою частью.
И трудно жизнь представить по-другому —
вот бытия ликующего счастья!

Ликует все, не зная чувства страха.
И первый гриб, на крепкой ножке стоя,
на шляпку водрузил венок из праха,
что год назад был трепетной листвою.

Сергей СТЕПАНОВ

Танцплощадка

Играют в оркестре альты и валторны,
тепла и любви возвещая победу.
И, ритму послушны, легки и проворны
ботинки и туфли, сандали и кеды.
Есть таинство в танце. Он дивен и сложен,
как ночь, растворенная в росах рассвета.
Он клейкой листвы на мгновенье моложе,
и мир молодеет, как музыка эта.
О, теплые трубы и виолончели,
играйте, чтоб город опять сомневался:
оркестр заиграл или птицы запели...!
Откуда взялась ты, мелодия вальса?!

Тебя нашептали травинки и ветер,
и свет, и кружение звезд над рекою,
и этот сиреневый дурманящий вечер...
Есть счастье движенья. Нет счастья покоя.
Пусть ветер повеет, лицо освежая,—
тот ветер, что летом прохладу приносит.
Пусть музыка будет, как радость большая.
Как светлые эти июньские ночи.

Ирина АНТОНОВА

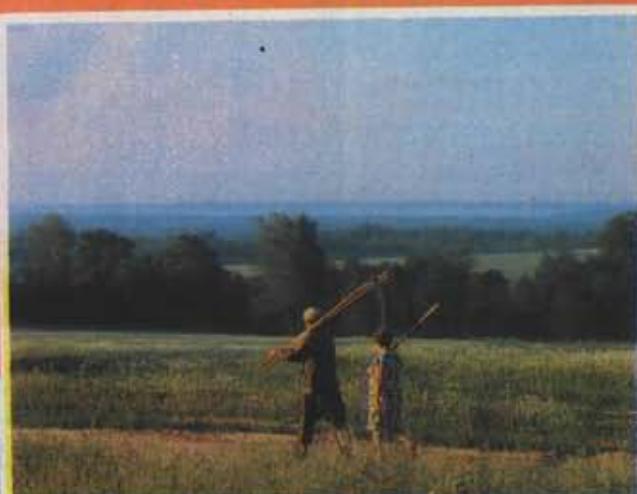
Тарусский венок

I
Бежит по лугу жизни колея.
О чём расскажешь,
девочка-ромашка?
Чиста твоя холщовая рубашка.
И сердцевина яркая твоя!
Колышут лист движенья муравья,
В густых ветвях
с утра распелась пташка,
В твоем цветке,
раскрытом нараспашку,
Я прочитала радость бытия.
Нежданная любовь. 17 лет,
Стою с охапкой полевых ромашек,
Еще полна ребяческих замашек,
Так чист и тонок жизни силузт.
Зачем, к чemu тогда мне было это —
Искусство составления букета.

II
Искусство составления букета
Из придорожных наказистых трав.
Скрипучие сандали разбросав,
Бегу наперерез шмелем и лету.
Луга цветущим клевером одеты.
На розовой обочине канав,
Воздушные созданья распутав,
Вдыхаю хмель июльского расцвета.
Над головой жужжание шмеля,
(Цежу нектар
из клеверных соцветий),
Как этот луч,
как травы и как ветер,
Я в этот миг дитя твое, земля.
Горячий полдень,
косогор нагретый.
Душа во власти запаха и цвета.

III
Душа во власти запаха и цвета.
В лесу ручей от зноя пересох,
Зато вовсю расцвел чертополох.
Кроваво ал и густо фиолетов.
Стоит, подобно грозному атлету,
По пустырю набегавшим, щенок,
Опять репы на лапах приволок —
Чертополох катается по свету.
Как светофор, он виден за версту,
Его обходят сторонью волки,
И в их бока вонзаются иголки.
Красив и горд он в силах и цвету.
Воспоминанья жалят, как змея:
Здесь горевала, радовалась я.

Фото Василия МИШИНА



БЕИРУТ.
ТОЛЬКО ЧТО ЗАКОНЧИЛАСЬ
ЕЩЕ ОДНА БОМБАРИРОВКА.



ОСТАНО

НАРОДЫ МИРА ТРЕБУЮТ:
ИЗРАИЛЬСКИЕ АГРЕССОРЫ,
УБИРАЙТЕСЬ ПРОЧЬ ИЗ ЛИВАНА!



ЗЕМЛЯ — ЛИВАНСКАЯ, СОЛДАТЫ — ИЗРАИЛЬСКИЕ...
«ИЗРАИЛЬ НАМЕРЕН ДИКТОВАТЬ СВОИ УСЛОВИЯ И НЕ ПОЗВОЛИТ
ЧТОБЫ ЕМУ НАВЯЗЫВАЛИ РЕШЕНИЯ, С КОТОРЫМИ ОН НЕ
СОГЛАСЕН», — ЗАЯВИЛ ГРУППЕ ЖУРНАЛИСТОВ ОФИЦЕР
ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ИЗРАИЛЬСКОГО МИНИСТРА ОБОРОНЫ ШАРОНА.

ДОМА БОЛЬШЕ НЕТ. КУДА ИДТИ? ГДЕ ИСКАТЬ СПАСЕНИЯ?

невом и боясь отозвалась в сердцах миллионов людей во всех уголках планеты кровавая трагедия на земле Ливана. На страницах мировой печати, на экранах телевизоров — разрушенные кварталы Бейрута, руины древних городов Тира, Сайды. Набатии, отчаяние на лицах женщин и детей, потерявших кровь, потерявших близких, не знающих, где искать спасение. Отчаяние — и горький вопрос: почему?

«Для Израиля речь идет не больше, не меньше, как о том, чтобы надолго «урегулировать» палестинскую проблему и перекроить политическую карту региона», — пишет французская газета «Котиден де Пари». Это цель. А средства? «Сионистско-империалистический заговор против ливанского и палестинского народов — точная копия политики Гитлера. В его основе лежит тактика «выжженной земли». Тель-Авив не только обстреливает и бомбит лагеря палестинских беженцев, но и уничтожает медицинские учреждения, сельскохозяйственные и экономические объекты, лишая мирное население средств к существованию, вынуждая его покидать родные места. Цель сионистского руководства состоит в том, чтобы аннексировать южные районы Ливана, после того как они полностью обезлюдят», — свидетельствует газета «Мети». Бразильский И. еще одно свидетельство из нескончаемого множества. Английская газета «Гардиан», Манчестер: «Израильяне применяют полученные из США шариковые и кассетные бомбы, предназначенные для массового поражения людей, а не для разрушения объектов военного характера. Гражданскому населению нанесены ужасные потери. Израиль фактически истребляет

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
ЗАЯВЛЯЮТ О СВОЕЙ
СОЛИДАРНОСТИ С ЖЕРТВАМИ
ИЗРАИЛЬСКОЙ АГРЕССИИ.
НА МИТИНГЕ ПРОЕКТНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СТОЛИЦЫ.



целый народ, уничтожает Бейрут со всем его населением...»

Не первый год творит израильская военщина политику геноцида в отношении палестинцев, не первый год, опираясь на силу, кромсает политическую карту, реализует план создания «великого Израиля». Все это было бы невозможно, если бы за спиной Тель-Авива не стоял Вашингтон, если бы военно-промышленный комплекс США не осуществлял так называемого «стратегического сотрудничества» с израильскими агрессорами, воспринимая их как своих главных союзников на Ближнем Востоке.

Газета «Вашингтон пост»: «По словам американских военных специалистов, Израиль в боевых действиях в Ливане широко использует совершенную электронную технику, ультрасовременные ракеты и реактивные истребители».

Агентство Ассошиэйтед Пресс из Вашингтона: «И официальные американские представители и хорошо информированные члены дипломатического корпуса утверждают, что администрация не собирается даже временно прекращать поставки Тель-Авиву американского оружия... Более того, американские официальные лица, по-видимому, склонны удовлетвориться заявлением Израиля о том, что его вторжение — это оборонительный маневр, направленный на то, чтобы не допустить возможных нападений на его территорию в будущем».

Правители Израиля взяли на себя тяжелейшую ответственность. Но кровь

ливанцев и палестинцев — и на руках американских покровителей Израиля, на тех, кто оснащает его оружием, повторяет его авантюристической политике», — говорится в опубликованном советской прессой заявлении виднейших деятелей науки и культуры нашей страны. В этом документе, под которым стоят подписи президента Академии наук СССР академика А. П. Александрова, академиков Н. Г. Басова, А. М. Прохорова, Н. Н. Семёнова, писателя Ч. Айтматова, кинорежиссёра С. А. Герасимова, председателя правления Советского фонда мира, чемпиона мира по шахматам А. Е. Карпова, первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. М. Маркова, народного художника СССР Т. Т. Салахова, народных артистов СССР А. И. Райкина и М. А. Ульянова, писателя М. А. Шолохова, композитора Р. К. Щедрина и многих других авторитетнейших советских учёных, писателей, художников, звучит мнение общественности нашей страны:

«Мы обращаемся к деятелям науки и культуры всего мира, — говорится в заявлении, — ко всем людям доброй воли, приверженным идеалам гуманизма, мира и свободы, с призывом поднять свой голос в защиту жертв израильской агрессии в Ливане, решительно потребовать немедленного прекращения интервенции и безоговорочного ухода оккупантов из Ливана».

Мы призываем Организацию Объединенных Наций, государственных и политических деятелей всех стран мира сделать все от них зависящее, чтобы не

дать свершиться новым преступлениям, остановить кровопролитие в Ливане».

По всей Советской стране прошли мощные манифестации протеста против преступлений израильской военщины. «Позор оккупантам!», «Остановить убийц!», «Прочный мир Ближнему Востоку!» — под такими лозунгами трудящиеся Советского Союза, советская молодёжь приняли участие в митингах, состоявшихся на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на стройках, в научно-исследовательских институтах.

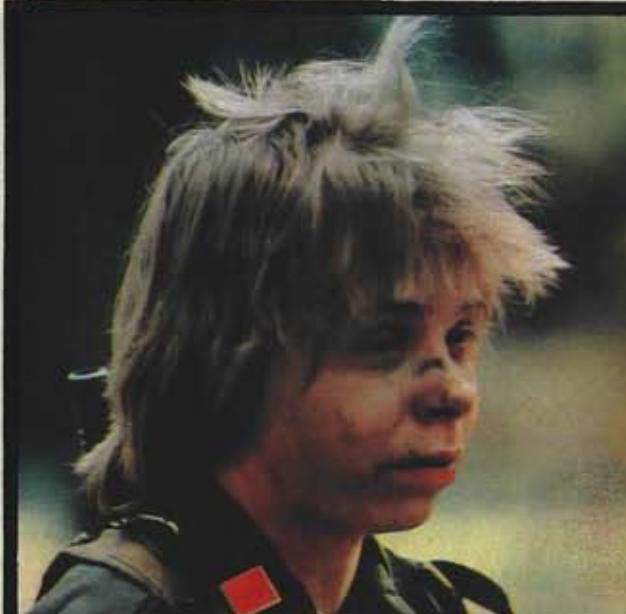
Советские люди хорошо знают, что такое война, на какие беды и страдания она обрекает людей. И об этом говорили выступавшие на митингах бывшие фронтовики, ветераны труда. «Как участник Великой Отечественной войны, я не забуду смерть и разрушения, которые она принесла. Сейчас то же самое происходит на ливанской земле... Название этой преступной политики — геноцид. Мы, рабочие, требуем: руки прочь от Ливана!» — заявил, выражая мысли и чувства каждого советского человека, кузнец Московского автомобильного завода имени Лихачева А. Агадомашвили. Об этом же говорилось на многотысячном митинге в коллективе шахты «Михайловская» объединения «Карандашуголь», на митингах в цехах Вильнюсского завода радиокомпонентов и ленинградского Балтийского судостроительного завода, Алма-атинского швейного объединения имени 1 Мая и Минского завода холодильников, на митинге молодежи Москвы...

О солидарности с жертвами израиль-

ской агрессии, о готовности помочь им, о гневном осуждении преступлений Тель-Авива заявили с трибуны VII чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу представители десятков государств. Участники спецсессии потребовали незамедлительного и безоговорочного вывода израильских вооруженных сил за пределы международно признанных границ Ливана, а также немедленного прекращения военных действий. Принятая абсолютным большинством членов сообщества наций резолюция предусматривает обращение к Совету Безопасности ООН с просьбой рассмотреть в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций соответствующие практические пути и меры для осуществления решения спецсессии. За резолюцию проголосовали 127 делегаций, представляющих 127 государств, 127 правительств. Против — два голоса: Израиля и США.

Председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Яси爾 Арафат охарактеризовал предпринятое Соединенными Штатами и Израилем агрессию в Ливане как «войну беспредентного политического, психологического и военного террора, направленного на то, чтобы сломить стойкость палестинцев и ливанцев и поставить их на колени». Этого, подчеркнул Арафат, агрессорам никогда не добиться.

Высшее право человека, высшее право любого народа — это право на жизнь, право на мир. И никому не должно быть дозволено покушаться на него!



Свидетельствует
пресса: «ГЕО», ФРГ

„ВПЕЧАТЛЕНИЕ— ГНЕТУЩЕЕ...“

Герман ШРАЙБЕР.
Фото Ребекки КОЛЛЕТТ

Бах! Бах!—громыхают гранаты. По жестяной крыше блиндажа скатывается несколько осколков, царапая пуленепробиваемое стекло, сквозь которое я наблюдаю за этой сценой.

Выбравшись из укрытия, появляются на поле четыре фигуры: две крупные, в белых теннисках и красных стальных касках, с решительными, энергичными движениями; две другие в полной форме, но какие-то хлипкие, несмельные—это женщины.

Красные каски останавливают женщин, как положено для метания снаряда, вкладывают каждой в руку по гранате. Команды подает в микрофон стоящий рядом со мной в блиндаже высокий негр:

— Оттянуть чеку! Размах! Бросок!

Коричневые, размером с бейсбольный мяч ручные гранаты отлетают не больше чем на 15 метров.

— Мало,—лаконично говорит человек с микрофоном.

Четыре фигуры прячутся. Бах! Бах!

— В бою,—говорит человек, выключив микрофон,—они были бы уже мертвые.

Такая граната, брошенная ближе чем на 20 метров, взорвет того, кто ее бросил, а не противника. Девушки в военной форме знают это: им достаточно часто твердили об этом на занятиях.

Я совершаю ошибку, когда после окончания тренировок спрашиваю одного из инструкторов в красной каске, всегда ли женщины так близко бросают гранаты. Стоит жара—в тени 30 градусов, и у этого человека такой вид, точно он сейчас расплывится, и притом совершенно напрасно: на лице его написано, что всю эту затею он считает абсолютно дурацкой.

— Ничего не имею против прессы,

сэр,—едва сдерживая бешенство, отвечает он,—но на эту тему не ждите от меня ни слова.

Упражнения с гранатой относятся в американской армии к основным, а с марта 1979 года военную службу здесь наравне с мужчинами проходят и женщины.

Должен, однако, сказать, что многие мужчины, с которыми я здесь беседовал, считают, что даже отлично стреляющим женщинам нечего делать в армии. Одни говорят об этом более откровенно, другие—менее. «Женщины,—говорят многие,—рассуждают об участии в сражениях, не имея представления о том, что это значит». «В окопах,—сказал по этому поводу командующий флотом генерал-майор Хэбель,—я себе этих женщин не представляю...»

Нигде в мире нет такого количества женщин-солдат, как в США: около 70

тысяч служат в сухопутных войсках, около 55 тысяч—в авиации, около 30 тысяч—на флоте и около 7 тысяч—в морской пехоте. Это составляет почти 9 процентов всей армии.

Причина здесь, однако, не в особой агрессивности «племянниц дяди Сэма». Дело в другом. Когда в 1972 году в Соединенных Штатах была отменена обязательная воинская повинность, в американской армии было только 45 тысяч женщин, составлявших 1,6 процента всех военнослужащих. Именно создание добровольческой армии привлекло на военную службу очень многих женщин. Решающим здесь явился один фактор: стать солдатом—значит получить работу...

А для двухмиллионной армии достаточного числа желающих—среди мужчин, способных носить оружие,—не набирается. Скоро их станет еще меньше.



«ЭТО ВАМ
НЕ КУХНЯ.
МИСС.
ЭТО КАЗАРМА!»

Вот несколько оценок и суждений, опубликованных в последние время в прессе США...

Газета «Кричущий монитор»: «Согласно теории, проповедуемой в учебниках для средних школ, Соединенные Штаты никогда не вмешиваются во внутренние дела других стран. На практике, однако, они делали это десятки раз и продолжают делать это сейчас...»

Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон: «Начинает распространяться идея о том, что угроза ядерной войны, безработица и голод в мировом сообществе, расходящемся на вооружения свыше 600 миллиардов долларов в год,—это неизбежность, а нетерпимое безобразие».

Газета «Вашингтон пост»: «Американцы не готовы к войне и не хотят готовиться к ней... Служба в армии — это то, на что не пойдет ни один из богатых парней. Уже около 800 тысяч молодых американцев отказались зарегистрироваться для службы в армии...»

Армия, назначение которой — не защита родины, а карательные операции в чужих странах; армия, которую не благословляют, а проклинают; армия, которой уготована роль инструмента в проведении самоубийственной политики «с позиций силы» — именно так воспринимаются сегодня Америкой и миром вооруженные силы, подчиненные указующему персту Центагона.

Корреспонденты западногерманского журнала «ГЕО», получившие возможность ознакомиться с некоторыми моментами подготовки к войне армии США, выбрали для своего репортажа тему не вполне привычную: женщины в вооруженных силах. Что они собой представляют, американские «амазонки XX века», взявшись в руки оружие не потому, что отечеству угрожает опасность, а по другим, куда более практическим причинам? Как и чему их учат? Как они себя чувствуют в военной форме?

потому что в этом десятилетии число американцев в возрасте от 17 до 21 года уменьшилось на 20 процентов — результат снижения рождаемости.

Сказанное выше определяет и состав женского контингента американской армии: одна треть женщин-солдат — негритянки (в населении США негры составляют 11,7 процента). Естественно, и белые женщины, вступающие в армию, относятся к наименее обеспеченным слоям населения.

Одни из этих женщин были безработными, другие безуспешно стремились приобрести надежную профессию. Есть, конечно, и такие, кто ищет в армии спасение от опустынившего брака, от неблагополучной семьи. Так или иначе три года — минимальный срок военной службы — эти женщины ни от кого не будут зависеть.

Для многих из женщин стать солда-

том — значит получить не только работу, но и шанс, притом единственный — такого им нигде больше не найти, — шанс выстоять перед экономическими потрясениями и кризисами, да еще в придачу бесплатно чему-то выучиться, а если повезет, то и на мир поглядеть. Главное же — армейская служба позволяет им не бояться оставаться завтра без работы, быть выброшеными на улицу.

Добровольцы-женщины не должны по идеи вступать «в непосредственное со-прикосновение с противником». Поэтому в американской армии женщины не допускаются в подразделения, которым теоретически предстоит «участие в ближнем бою». Ясно, однако, что на практике заранее предвидеть все ситуации военных действий невозможно. И в самих вооруженных силах США никто этого не отрицает. Бессспорно, в случае



реальных военных действий солдаты-женщины будут подвергаться такому же риску, как и их товарищи по оружию — мужчины, — ведь в современной войне не существует четкой линии фронта, а от атак с воздуха не гарантированы и тыловые части. В наше время, если уж придется воевать, достанется любому солдату, будь то мужчина или женщина. В форте Дикс (штат Нью-Джерси) мы наблюдали и фотографировали занятия по газовой атаке. Здесь уж мужчин от женщин и вовсе было не отличить...

В армии США имеются женщины с командирскими званиями, есть даже инструкторы. Я видел женщин-сержантов, которые вполне могли бы быть фельдфебелями в прусской армии. Но это лишь отдельные солдафонь. В том же форте Дикс, например, весьма привлекательная девушка-сержант посто-

янно смущала юных новобранцев и своим видом и своими изысканными духами.

...Итак, американские вооруженные силы — пример равноправия? С виду все так: равная плата за равный труд, равные возможности получить профессию. В общем, сторонники движения за равноправие женщин, казалось бы, должны быть довольны. На деле, однако, женщины-солдаты не имеют с этим движением ничего общего. И мысли у них не столько о равноправии, сколько о том, чтобы и впрямь выполнять все, что прикажут, даже убивать.

Женщины-солдаты — во всяком случае, большинство — настроены весьма воинственно. Это чувствуется во всем. И впечатление оставляет гнетущее...

Перевела с немецкого
Татьяна ГИНЗБУРГ.



9 ИЗ 100 СОЛДАТ
АРМИИ США — ЖЕНЩИНЫ.
ЧЕМ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА
ДЛЯ НИХ АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА?
ОТВЕТ ВО МНОГИХ СЛУЧАЯХ ОБНОВЛЕН:
ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОЛУЧИТЬ РАБОТУ...

ПОМНИ О ДЕТЯХ, ПЛАНЕТА!

ОБРАЩЕНИЕ

участников международной встречи «Литература и искусство в борьбе за мир и счастье детей» к деятелям мировой культуры

Мы, участники международной встречи «Литература и искусство в борьбе за мир и счастье детей», обращаемся к деятелям культуры всех стран с призывом объединить усилия во имя служения высоким идеалам гуманизма и дружбы между народами, во имя счастливого детства каждого ребенка на планете.

Во многих точках земного шара гремят выстрелы и взрывы, от них погибают не только взрослые, но и дети. Только в 1981 году от голода, болезней и других причин в мире умерло 17 миллионов детей. Сегодня, когда международная обстановка вновь осложнилась, когда над миром сгущились тревожные тучи угрозы ядерной катастрофы, каждый из нас обязан спросить себя: все ли мы сделали в защиту детства?

Мы с тревогой обращаем внимание миролюбивой общественности, что на земле еще есть силы, которые пытаются взрастить в юных душах воинственность, недоброжелательство к другим народам, национальную ограниченность и индивидуализм.

Искусство — и в первую очередь искусство, обращенное к детям и юношеству — способно повлиять на многие процессы международной жизни. Именно от нас, писателей и художников, деятелей кино,

театра и педагогики, во многом зависит, какими вырастут будущие граждане нашей планеты, понесут ли они в самостоятельную жизнь идеалы добра, справедливости, дружбы или окажутся носителями ненависти и агрессии.

В наших силах сделать так, чтобы дети выросли честными и смелыми, чтобы думали не только о себе и своих близких, но сердцем чувствовали бы заботы каждого человека — как бы далеко тот ни находился и каким бы цветом кожи ни обладал. В наших силах посеять в душе ребенка зерна миролюбия и гуманизма.

Мы, участники встречи, призываем деятелей культуры всех стран активно участвовать в борьбе за мир, разрядку, за сотрудничество народов — во имя счастливого будущего человечества, чья биография каждый раз как бы вновь начинается с появлением нового ребенка. Биография эта не должна прерваться!

Придет время, сегодняшние мальчишки и девчонки станут взрослыми. И тогда забота о настоящем и будущем планеты ляжет на их плечи. А пока мы, матери и отцы, должны сделать все от нас зависящее, чтобы уберечь от смерти, болезни, голода и несчастья будущее планеты — детей.



Представители 25 стран — писатели, издатели детской литературы, художники, композиторы, деятели кино, ученые, специалисты, работающие в области эстетического воспитания молодого поколения, педагоги, библиотечные работники; представители международных организаций собрались в Москве, чтобы принять участие в многостороннем диалоге о совместных действиях во имя сегодняшнего и завтрашнего дня молодого поколения планеты, спасения его от угрозы ядерной катастрофы и тяжких последствий безудержной гонки вооружений, лишающей детей во многих странах мира хлеба и книг, лекарств и игрушек, обрекающей их на нищету, болезни, неграмотность. Встреча была организована Ассоциацией деятелей литературы и искусства для детей и юношества Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Ассоциация основана более 20 лет тому назад. В нее входят 450 индивидуальных членов — известные деятели литературы и искусства нашей страны, а также многочисленные коллективные члены — библиотеки для детей и юношества, детские театры, научно-исследовательские институты Академии педагогических наук, музыкальные и художественные школы, эстетические комиссии творческих союзов. Цель, стоявшая перед Ассоциацией — ознакомление зарубежной общественности с достижениями советского народа в области воспитания детей средствами литературы и искусства, а также изучение опыта зарубежных стран для возможного применения у нас.

Нынешняя встреча была посвящена 60-летию Союза

Советских Социалистических Республик. По докладу Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества развернулась оживленная дискуссия. Тепло был встречен концерт детских художественных коллективов. Большой интерес вызвала выставка детских рисунков.

Гости осмотрели Москву, посетили Государственную республиканскую юношескую библиотеку имени 50-летия ВЛКСМ, побывали в Ереване, где ознакомились с работой Центра эстетического воспитания. Единодушно были приняты Обращение ко Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и Обращение к деятелям мировой культуры.

Геннадий КОРНИЛОВ

На снимках: председатель Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами З. Круглова, чукотская поэтесса А. Кымытваль, министр просвещения СССР М. Прохорьев, Р. Феррер (Куба), К. Вивер (США), М. Хатый (Организация освобождения Палестины), открытие выставки книжных иллюстраций, А. Исааксон (ЮНЕСКО), А. Гарднер (Великобритания), Ю. Рашиц (ССР), Пом Сличан (Камбоджа), В. Жукровский (ПНР), С. Михалков, С. Торигэ (Япония), С. Герасимов, Э. Рандриамампуля (Мадагаскар), выставка португальской детской книги, Л. Кавин (Афганистан).

Фото Алексея ФЕДОРОВА

Атеистические уроки

Анна КОЛЕСНИКОВА

окидая горящий дом, человек старается спасти самое ценное. Когда я представляю, что огонь охватил мое жилище, мне кажется, что первым моим движением будет бросок к книжному шкафу, в котором стоят папки с бумагами. Это не гербовые бумаги, а простые листки из школьных тетрадей. И все-таки я кинусь спасать прежде всего их, потому что почти все вещи после пожара можно восстановить, кроме этих листков, где слова обжигают откровенностью заключенных в них исповедей.

В одной из папок все листки испаны женским, ровным почерком, почерком Тай Б. Первые из них легли в папку в 1975 году, самые последние — недавно.

На днях я разложила Таинь листки перед собой, и написанное в них сложилось в единый рассказ-исповедь о том, как человек, преодолевая очень много трудностей, все-таки пришел к своему счастью.

света и тогда мертвые встанут из гробов и будет суд живым и мертвым. Все это не укладывалось у меня в голове. Я перестала понимать, зачем живут люди, у меня пропало желание учиться, пропал интерес ко всему — я только считала, сколько лет мне осталось еще жить на этом свете. Было страшно и обидно, что смерть наступит, когда я буду в полном расцвете сил. Я даже не могу выразить того страха и ужаса, которые испытала. Вот с этими чувствами я пришла в медучилище.

Когда узнала, что мы должны изучать атеизм, науку против бога, я страшно испугалась. На каждой лекции по атеизму и философии у меня холодело сердце: все мне казалось новым и необычным, совсем не таким, как написано в Библии. В моей душе происходило какое-то борение, она будто выворачивалась наизнанку...

Помню, когда я впервые прочитала эти строчки, мне хотелось тут же броситься к человечку, написавшему их. Но тетрадка не была подписана, и я не могла представить себе, кто ее написал. Я видела только аудиторию с большими окнами, белые халаты и белые шапочки на моих учащихся, их внимательные лица. Под каким же халатом, думал я, бьется это страдающее сердце? В мозгу

лилось. От этого я очень переживала и часто плакала. Нам с сестрой запрещалось петь в пост, поэтому на уроках пения приходилось сидеть, уткнувшись головой в парту, или для виду шевелить губами. Под праздник нам не разрешали играть. Вся жизнь, как колечкой проволокой, была опутана запретами. Собираясь шить — «нельзя: воскресенье», в кино захочешь пойти с девчонками — «нельзя: праздник», разбалуешься, разыграешься — «нельзя: пост».

Вспоминаю сейчас все это, и так обидно за то, что столько лет будто была оторвана от мира, закрыта от него религиозными книгами. — Таинь замолчала, и я почувствовала, что она очень устала от своего грустного рассказа. Мы еще походили немножко молча, а потом рассстались.

Перед началом летних каникул Таинь прислала мне письмо — так, видно, ей было легче со мной говорить.

— Знаете, — писала Таинь, — когда вернули нам наши тетради и я перечитала свою исповедь, я разрыдалась: мне стало так жалко себя — ведь я выложила в ней всю свою тяжесть и боль. В тот вечер я сняла с себя крест. Я много перестрадала, очень долго носила на сердце какую-то тяжесть, но главное, что меня больше всего угнетало, — это

продолжалось — сердце-то еще щемило, — если бы не встретила Алеши. Какое это светлое и могучее чувство — любви! Именно она помогла мне вырваться из мрака подземелья. Меня не отпускали из дома, запрещали встречаться с Алеши, я плакала, умоляла, а потом стала убегать. Поделать со мной уже ничего не могли — больше с этими бабками и молитвами меня и цепями не удержали бы.

Окончив училище, Таинь уехала работать в районную больницу. Теперь письма, которые она продолжала мне писать, пахли лекарствами. Она писала, что работа пришла ей по душе, что грустит по училищу, и приглашала меня на свадьбу.

Письмо, полученное от Таинь после свадьбы, было уже подписано новой фамилией.

«Свадьба была веселой и прошла хорошо. Мама о боге не вспоминала и не пыталась благословлять нас с Алеши иконой, как наставала бабушка, а только пожелала счастья. Алеши я люблю сейчас даже сильнее, чем до свадьбы. Семья у него неверующая, сам он будет скоро офицером, поэтому я теперь смогу жить спокойно».

Шло время. Алеши окончил военное училище и уехал с молодой женой и новорожденным сыном к месту службы. Писем от Таинь долго не было, а когда, наконец, я обнаружила в почтовом ящике конверт со знакомым почерком, на нем был уже новый адрес. Таинь писала:

«Сейчас вечер. Алеши ушел в наряд, я с Виталькой одна дома. Только что прочла Вашу статью «Всего-навсего крестик». Читала и почти в каждом фактике видела себя. А потом ушла в воспоминания, от которых стало тяжело. Да, я окончательно отошла от религии. Сила воли у меня есть, а главное — есть убеждение, и переубедить меня невозможно. Когда теперь иду мимо церкви, то невольно думаю, сколько же лучших лет жизни она у меня отняла.

Вы спрашиваете, крестили ли мы сына. Что вы! Об этом и разговору не было. Я хочу вырастить Виталия бесстрашным человеком и не допущу, чтобы его травмировали, как меня».

Таинь жила и работала, ездила в отпуск домой и помогала матери, ее не тревожили прежние призраки, и переписка наша стала редкой. И вдруг от нее пришло большое письмо.

«Дома меня встретило все то же. Я пробовала говорить с мамой, но она смотрит на меня как на заблудшего человека. Мне жаль ее, она много страдала и теперь надеется, что Бог ее вознаградит. Мне не хочется огорчать ее, но ей я сказала прямо, что мое отношение к религии изменилось. Бабушка уже совсем плоха.

Единственное, что мне кажется, удалось — это увлечь сестру из дома. Она уехала учиться в техникум. После окончания школы она работала, но скрыла, что комсомолка, не встала на учет, а стала еще больше молиться, чащеходить в церковь. В школе, помню, мы с ней не хотели вступать в комсомол, боялись, потому что бабушка говорила: «Комсомольцы души нечистому продали» — я и так видела на себе много грехов и все время их замаливала. Но все-таки заявление написала, чтобы совсем не отбиваться от класса, нас и так называли «богомолками». В общем, сестра, которая меня любит больше всех, сейчас в другом городе, и я за нее спокойна, как за себя».

Когда мы вновь встретились с Таинь осенью, ее было не узнать: глаза блестели, в углах губ жила улыбка. На вопрос о домашних делах она сказала:

— Не знаю, до каких бы пор все это

продолжалось — сердце-то еще щемило, — если бы не встретила Алеши. Какое это светлое и могучее чувство — любви! Именно она помогла мне вырваться из мрака подземелья. Меня не отпускали из дома, запрещали встречаться с Алеши, я плакала, умоляла, а потом стала убегать. Поделать со мной уже ничего не могли — больше с этими бабками и молитвами меня и цепями не удержали бы.

Мне так теперь легко оттого, что я освободилась от веры и Бога, будто сбросила с себя пудровые цепи».

Вот и весь рассказ о том, как напуганная религиозными пророчествами девушка стала гордым, сильным и мужественным человеком.

Я складываю листки, завязываю папку и вспоминаю очень известное: чеховский доктор Астров говорил, что человек прожил не зря, если вырастил за свою жизнь хотя бы одно дерево.

А если удалось помочь окрепнуть и встать на ноги человеческой личности — разве это не настоящее счастье!

ПРОЗРЕНИЕ

Бот листок, где столбиком стоят несколько «да» и «нет». Так звучали ответы Таинь на вопросы об отношении к религии и атеизму, которые я задавала очень давно на первом занятии по научному атеизму в медицинском училище. «Да» — это ответы на вопросы: «Верите ли Вы в Бога?», «Есть ли у Вас дома предметы религиозного поклонения?», «Есть ли верующие в Вашей семье?»; «нет» — это ответы на вопросы: «Ведете ли Вы пропаганду атеизма?», «Считаете ли себя атеистом?», а на вопрос: «Что Вы понимаете под словом «атеизм»?» Таинь ответила целым предложением: «Не знаю, что это такое». Это самый первый листок среди многих других, написанных Таинь в течение изучения курса атеизма. Ее итоговая работа заняла целую тетрадь. Я листаю эту тетрадь, и меня вновь охватывает чувство потрясения, пережитое при первом чтении.

«В детстве я воспитывалась в религиозном духе, — пишет Таинь. — С десяти лет мама послала меня жить к бабушке, за которой после смерти деда некому было ухаживать. Положение было безвыходным: не могла же мама бросить четырех детей. Я плакала, не хотела идти, потому что дома у нас всегда было весело.

У бабушки началась моя скучная жизнь. В ее комнате всегда стояла гробовая тишина. Бабушка лежала молча в постели. Часто она просила меня читать ей религиозные книги, молитвы и рассказы, переписанные в тетради. Этими тетрадями была заложена вся эта жарка. Каждый вечер к нам в дом приходили молиться другие старушки, а по воскресеньям приезжала мама с моей двоюродной сестрой, которая выросла у нас. Мы тушили свет и при свете лампады распевали религиозные песни и плакали. В праздники нас с сестрой водили в церковь, и там нам очень нравилось. Мы решили замуж не выходить, а стать монашками.

Я выучила много религиозных стихов о конце света, о загробном мире, о страданиях Христа. Стихи были написаны чувствительно и производили на меня сильное впечатление. Как-то мне сказали, что в 2000 году будет конец

какой из тридцати восемнадцатилетних девушек идет такая трудная борьба за освобождение от власти религиозных идей?

Автора этих строк мне долго искать не пришлось. Когда на следующий день я вошла в класс, то уже с порога, еще не дойдя до учительского стола, увидела широко раскрытые девичьи глаза, смотревшие на меня с таким ожиданием, доверием и смущением, что сомневаться не приходилось. Я успокоила девушку улыбкой, предназначавшейся только ей одной, и лицо ее вспыхнуло радостью и благодарностью. Так мы познакомились и подружились с Таинь.

После занятий в училище мы бродили с ней по весеннему Воронежу, под пахучими тополями, и она рассказывала мне о своем детстве. Жизнь ее,казалось, была настолько отличной от той, в которой живем мы все, что я часто останавливалась, едва приходя в себя. Таинь рассказывала тихим голосом, с каким-то горестным изумлением, в глазах ее стояли невылившиеся слезы.

— Сколько помню себя, всегда в моей жизни была религия. Мама называла нас «ангелочками» и «святыми». Она говорила, что если маленькие дети умрут, они обязательно попадут в рай, а в раю весело, птички поют, детишки райские яблочки едят, — и я поверила в рай и очень хотела туда попасть.

Потом мама говорила, что нельзя врать, брать чужое, а то «боженька ярчайший отрежет», «боженька накажет», — так я стала бояться Бога.

На мне всегда был надет крест, и я верила, что он спасет меня от всех бед. Когда стала подростком, меня научили креститься, а потом и молиться. С молитвой я вставала, с молитвой садилась за стол, с молитвой ложилась спать и так к этому привыкла, что если не помолюсь, вижу во сне кошмары. Мне казалось, что и учусь я в школе хорошо потому, что молюсь Богу. Я и перед поступлением в училище пошла в церковь, чтобы поставить свечку.

В школе я училась вместе с двоюродной сестрой, о которой писала. Держались мы всегда единомыслием от всех ребят, они это чувствовали и иногда дразни-

сознание того, что меня все время обманывают. Ведь это теперь мне религия безразлична, и кажется, что я никогда не верила в Бога, что это было во сне.

За книгу «Позмы мужества» спасибо, я прочитала ее, особенно большое впечатление произвела на меня «Смерть пионерки». Перечитала еще раз и «Начальный атеизм», глубоко продумывая написанное.

Теперь я знаю, что нет никакого загробного мира и вообще нет ничего сверхъестественного. Не верю больше ни в сны, ни в гаданья, ни в какие суеверия. Вся эта вера нанесла мне огромную психическую травму. Осталось преодолеть только страх, который, как стрела, пронзает иногда мое сердце и рана от которой, мне кажется, не заживет никогда».

Учебный год закончился, и Таинь уехала к себе в село на каникулы. Теперь приходили письма невеселые.

«Дома меня встретило все то же. Я пробовала говорить с мамой, но она смотрит на меня как на заблудшего человека. Мне жаль ее, она много страдала и теперь надеется, что Бог ее вознаградит. Мне не хочется огорчать ее, но ей я сказала прямо, что мое отношение к религии изменилось. Бабушка уже совсем плоха.

Единственное, что мне кажется, удалось — это увлечь сестру из дома. Она уехала учиться в техникум. После окончания школы она работала, но скрыла, что комсомолка, не встала на учет, а стала еще больше молиться, чащеходить в церковь.

В школе, помню, мы с ней не хотели вступать в комсомол, боялись, потому что бабушка говорила: «Комсомольцы души нечистому продали» — я и так видела на себе много грехов и все время их замаливала. Но все-таки заявление написала, чтобы совсем не отбиваться от класса, нас и так называли «богомолками». В общем, сестра, которая меня любит больше всех, сейчас в другом городе, и я за нее спокойна, как за себя».

Когда мы вновь встретились с Таинь осенью, ее было не узнать: глаза блестели, в углах губ жила улыбка. На вопрос о домашних делах она сказала:

— Не знаю, до каких бы пор все это

У ИНСТРУМЕНТА РАЙМОНД ПАУЛС

Татьяна
ЯССОН

«Слово о музыке, которой ты посвятил жизнь,—это слово о себе самом...»

Раймонд ПАУЛС

Mаленький золотой петушок блестел в солнечных лучах ослепительно и светло, и казалось, будто тонкий шпиль, вознесший его над городом, растворился в безоблачной синеве. Парящий петушок притягивал к себе неудержанно. Он, воплощая сказку, соединял волшебство с удивлением перед чудом. Однажды он совершил невероятное: заставил вписать чудо в параметры реальных земных представлений. Случилось это, когда петушок спорхнул со своего изящного шпига, покрутился над узкими уличками Старого города, над водами Даугавы, над домами, стенами, башнями и спустился на каменные плиты у соборной стены.

Бездесущие мальчишки с далекой рижской окраины, среди которых был и Раймонд, забрели во внутренний дворик Домского собора совершенно случайно. И тут Раймонд впервые увидел золотое чудо в натуральную величину. Поразила огромность казавшегося невесомым и легким петушка. Отчомность и буквально осозиаемая тяжесть.

Чудо спустилось на землю, и маль-

чики вдруг отчетливо поняли, что путь ему в сказочный мир проложил тот далекий удивительный мастер, который рассчитал, выверил, сделал возможным заветное превращение огромного, даже нелепого по форме гиганта в величественную птицу, легкостью и плавностью силуэта напоминающую мираж.

Может быть, тогда во внутреннем дворике старого собора среди пришедших из глубины веков вещей и предметов, подготовленных для реставрации, юный музыкант сделал свое первое творческое открытие: гармония и красота есть плод труда, предвидения, воображения и таланта мастера. Но он был еще слишком мал и беспечен, чтобы всерьез думать о творчестве. Он любил гонять мяч, играть в лапту, плавать, загорать, тайком от родителей бегать в кино — на «Тарзана», которым поголовно бредили не только его сверстники, но и представители более старших поколений, выстраиваясь у кинотеатров в длинные очереди.

— Раймонд Волдемарович, обычно впечатления детства человек проносит через всю жизнь. Каково ваше самое яркое впечатление о тех, уже довольно далеких для вас днях?

— Борьба за свободу, за свои права. Не смеяйтесь. Я говорю это вполне серьезно. Мой отец Волдемар Паулс прожил трудную жизнь рабочего че-

24

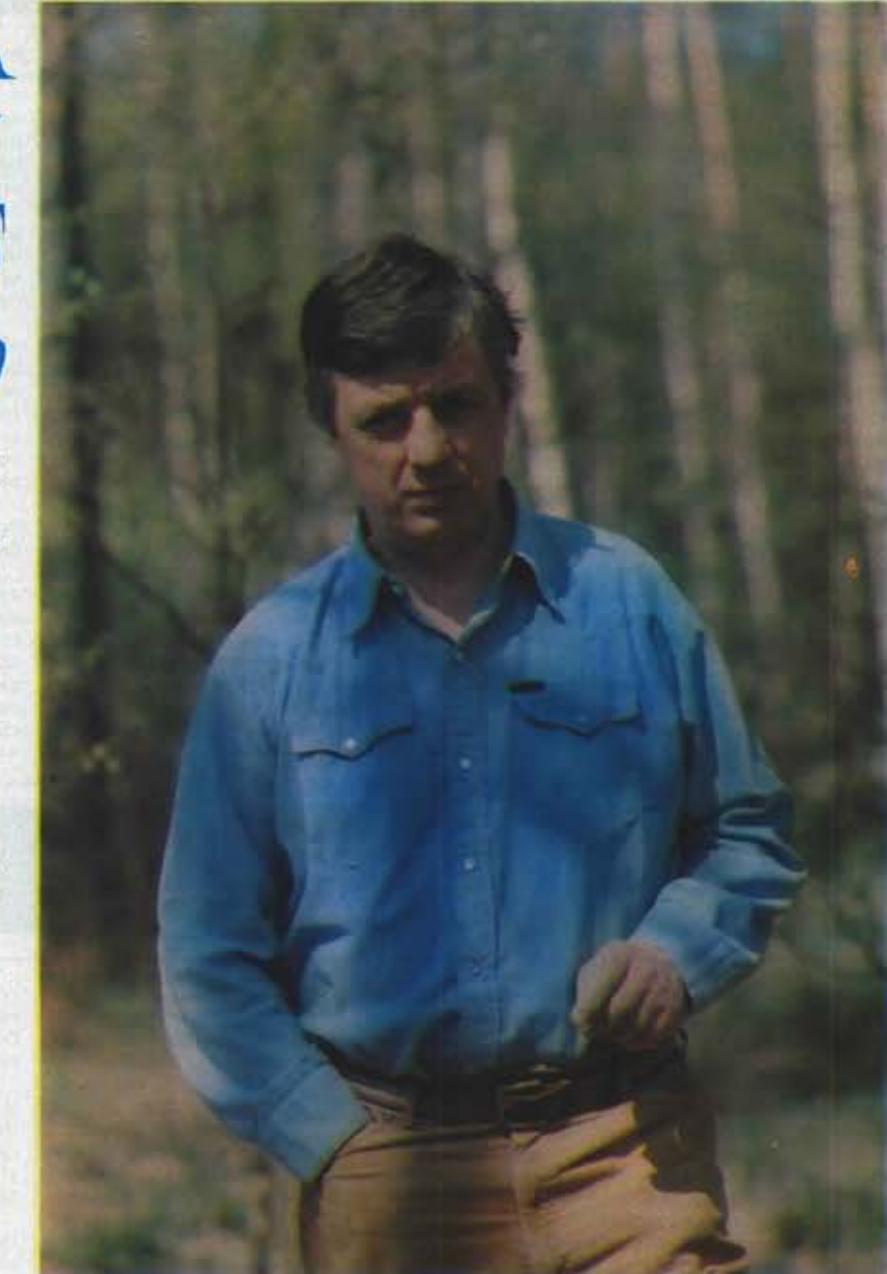


Фото Игоря ГАВРИЛОВА

КЛУБ 'МУЗЫКА'

Я внимательно слежу за публикациями о современной музыке. Я ее страстный поклонник, являюсь, как принято говорить, меломаном. И конечно, мне приходится много читать о зарубежной эстраде. Так я сквозит в некоторых выступлениях, что вот у них музыка на уровне, а мы, дескать, отстаем. Но ведь порой за внешним эффектом, технической оснащенностью иных ансамблей прячется пустота, безвкусница.

Я обращаюсь в «Музикальный клуб» вашего журнала: больше рассказывайте о советских эстрадных коллективах, не бойтесь пристрастного отношения к своим музыкантам. Поймите меня правильно, я не призываю к захвачиванию или к необъективности. Тут должен быть честный разговор, с профессиональными оценками. И еще я хочу высказать конкретную просьбу. Напишите об ансамбле «Земляне». В последнее время он очень популярен у молодежи. Хотелось бы знать, когда он образовался, над чем сейчас работают музыканты.

С уважением Алексей РОДИОНОВ,
геолог, Москва

Гаснет свет. Сцена подсвечивается голубоватым прожектором. Вспыхивает сиреневый экран. В голубом полумраке появляются очертания барабанов, гитар, усилителей, колонок. Музыканты застыли в напряжении. Еще мгновение — и зазвучит музыка. Громкая, энергичная, навевающая то радость, то грусть.

Концерт ансамбля «Земляне», если говорить о стиле, можно разделить на три части. Открывает его «Ленинградская баллада» Марка Фрадкина. Этот композитор стоял у истоков коллекти-

ва, был его духовным отцом. Оригинальные аранжировки «Ленинградской баллады» и «Красного коня», тоже песни Фрадкина на стихи Пляцковского, стали первым серьезным экзаменом их творческих возможностей.

На сцене тревожно гремят барабаны. Зрители слышат слова, обращенные из прошлого в сегодня:

Давно все это было,
Но сердце не забыло...

И вот оживает экран над сценой. Прожектора высвечивают слайд. На нем — Пискаревское кладбище. Приг-

Фото Александра ВИКТОРОВА

УСПЕХ. а

далее?

ловека. Он был стеклодув, потомственный стеклодув и, вдоволь хлебнув лicha (свою трудовую деятельность он начал в буржуазной Латвии), решил, что его дети — я и моя сестра Эдите — достойны лучшей участи. И сделал все возможное, чтобы эту идею осуществить.

Обеспеченная, не обремененная трудностями жизнь связывалась в представлении отца с миром искусства. «Искусство — путь к успеху», — говорил он и этот свой тезис настойчиво и решительно воплощал в земные дела. Когда мне было четыре года, родители купили пианино, а потом долгие годы, не принимая во внимание никакие «прорывы» в семейном бюджете, платили деньги за мои занятия музыкой.

С такой же твердой, почти жестокой, как мне тогда казалось, последовательностью отец поощрял увлеченность Эдите изобразительным искусством. Она рано и с удовольствием пристрастилась к рисованию, вышивке, ткачеству (впоследствии она стала известной художницей, ее гобелены украсили многие республиканские и международные выставки), и он сделал все возможное, чтобы развить, укрепить ее талант.

Эдите слыла прилежной ученицей, а я... Пианино отнимало мою свободу, друзей, веселые мальчишеские игры, и я взбунтовался. Я проявил массу изобретательности, чтобы избавиться от его кабалы. В школе — удирал с уроков, дома — прятался в шкаф, когда находили — плакал, закатывал истерики... Но отец был неумолим и в конце концов сумел внушить мне, что начатое нельзя бросать на попутки, как нельзя останавливаться в дороге, если ты хочешь достичь цели.

Отец победил. Правда, его победу можно с полным на то основанием признать и поражением — главному, о чем он мечтал, никогда не суждено было сбыться: ни мне, ни Эдите искусство не подарило легкой и беззаботной жизни. Когда я смотрю на гобелены Эдите не в выставочном зале, где все празднично, торжественно, возвышенно, а в ее мастерской, когда я наблюдала за ее работой на станке, вижу ее наструженные руки, ловко управля-

ющиеся с разноцветными нитями, мне хочется сравнить ее с мастеровым цехом искусства.

Да и учение музыке и сама музыка — это тоже тяжкий каждодневный труд. Если чуть переналичить известные слова тургеневского Базарова, то можно сказать: «Искусство не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Восемь-девять часов в день провожу я у рояля. Творчество требует самоотдачи. Если такой путь избран, ему надо посвятить себя целиком. Как бы ни был высок твой талант, но трудолюбие, я бы сказал, трудотерпение — его главная опора.

Годы студенчества Раймонда Паулса, его учеба в консерватории совпали с тем временем, когда в латвийское эстрадное искусство вошли Гердерт Раман, Элга Ингенберга, Рингольд Оре. Они первыми сделали попытку (пусть робкую, но все равно сразу замеченную) создать латвийскую советскую эстрадную песню, отмеченную не влиянием западных шлягеров тридцатых годов, а традициями народной песенной культуры. Паулс стал руководителем первого в республике профессионального эстрадного коллектива — Рижского эстрадного оркестра. Для него он создал свои первые песни. Таким было начало. За тридцать лет работы им написано более трехсот песен, созданы мюзиклы, вокально-инструментальные пьесы, песни для детей, сделаны обработки народных песен. Имя композитора неразрывно связано с лучшими достижениями национальной музыкальной культуры. На эстраде он многолик и представляет перед слушателями не только как создатель самобытной музыки, но и как искусный музыкант-импровизатор, как пианист-виртуоз, исполнительское мастерство которого доведено до высочайшего совершенства. В многочисленных рецензиях и статьях, посвященных его творчеству, Паулса часто называют «рыцарем рояля», «собеседником рояля», «поэтом рояля». Противоречия в этих определениях нет. Роялю он предан беспредельно, предан по-рыцарски. В его музыке, манере исполнения подкупавшая интеллигентность, удивлен-

ность. Когда же он играет, кажется, что музыка обретает душу, становится крылатой. В одухотворенном исполнении Паулса глубина сочетается со сдержанностью, а в сдержанности угаждается истинно человеческое волнение, полнота внутренней творческой отдачи.

— В 1958 году на выпускных экзаменах в Латвийской государственной консерватории имени Язепа Витола вы исполнили «Рапсодию на тему Паганини» С. Рахманинова и «Полонез ли мажор» Шопена — произведения классического репертуара. Ваш учитель профессор Герман Браун известен в республике как прекрасный музыкант и педагог, воспитавший исполнителей и композиторов, подлинных и последовательных приверженцев классической музыки. Однако в вашем творчестве музыка «легких жанров» занимает немалое место. Когда началось это раздвоение?

— Мое «раздвоение» началось как раз в консерватории. В школьные или студенческие годы мы часто выбираем увлечения, которые «одолевают» нас потом всю жизнь. Кроме книг (считая, что никогда в жизни человек не читает так много и так продуктивно, как в детстве и юности, лично я именно в это время приобщился к латышской и русской классической литературе, преклонение перед которой сохранил навсегда), у меня таким увлечением был джаз. Лично я не вижу в этом ничего необычного, сверхъестественного. Студент-химик может прилично играть в футбол, а будущий медик быть замечательным кинолюбителем или саксофонистом.

Я любил джаз. И мои друзья разделяли эту любовь. Сегодня можно с уверенностью сказать, что наши кумиры Джордж Гershвин, Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, первоклассные исполнители Бени Гудман, Каунт Бэйзи, прославившая себя классическими спирчуками Махалин Джексон, известная негритянская певица Элла Фитцджеральд были явлениями, звездами на музыкальном небосклоне. Но тогда, в дни нашей молодости, не все признавали их искусство и предвидели их значение, а они все-таки были

нашими кумирами наперекор всему. Мы восторгались музыкой кинофильма «Серенада солнечной долины». Мы импровизировали. Когда не было нот, мы играли полюбившиеся произведения «на слух».

Какая же сила, скрытая в джазе, питала нашу преданность, делала его для нас неотразимо-увлекательным? Я думаю, что сила эта крылась в его новизне. Ритм, манера исполнения, контраст с сентиментальностью и же-манством предшествовавшей ему легкой музыки, выразительность звуния, — все в нем было дерзким вызовом привычной эстетике.

Изменял ли я себе как музыканту, когда в консерватории играл, например, вместе со своим учителем Германом Брауном сложный концерт Тактикашивили для двух роялей, требующий психологического проникновения в музыку, внутреннего постижения ее, а вечером на танцах в Доме культуры (или того хуже — в ресторане!) самозабвенно отдавался джазу, исполнял Гарнера, Янга, Макхьюна? Не берусь ответить однозначно...

В профессиональном мире «большой» музыки сложилась определенная иерархия ценностей. По канонам этой иерархии моя разбросанность считалась недопустимой, но меня вела молодость. Молодые увлекаются безоглядно. Я не вижу в этом ничего плохого. У каждого возраста свои интересы, свои песни, свои стихи, свои «платья» и даже прически. Эстрада — это дело не только вкуса, но и дела возраста. Меня волнует, заботит, что музыка, которую мы предлагаем молодежи, не достигает уровня современной музыкальной культуры — очень часто она посредственная. Вот и бежит молодежь к поп-музыке. Она ведь в моде.

Популярность посредственности страшна. Популярная легкая музыка должна обладать не меньшей тонкостью, точностью стиля, совершенством, проникновенностью, чем музыка серьезная. Только тогда искусство будет влиять на моду, сможет стать ее законодателем.

— Но мода тоже склонна наизыскать искусству свои требования. Модельеры говорят, что мода — это то,

С ТОБОЙ

лученная мелодия. Стоящая гитара. Она постепенно смолкает. По экрану проносятся яркие оранжевые блики. Возникает звучание органа, который как бы акцентирует наше внимание на строках композиции:

Две тысячи пожарных
Спасают красоту...

Красоту Эрмитажа, Исаакиевского собора.

Мгновение, и на экране вновь знакомый слайд. Угасает мелодия. Так завершается баллада, которую с успехом исполнили «Земляне» не только в родном Ленинграде, но и в Омске и Новосибирске, Одессе, Туле...

Аранжировке все наши отечественные ансамбли уделяют особое внимание. В век электронной музыкальной аппаратуры она становится четвертым слагаемым успеха песни. (как известно, три из них — композитор, поэт и исполнитель). В аранжировках «Землян» преобладают жесткие ноты, несколько тенденциозно мужские интонации. Может, это делается специально, в противовес ВИА, мальчики которых стараются тонко завывать. Но при этом нельзя забывать о чувстве меры. Органично вписанные в репертуар «Землян» «Ленинградская баллада» и «Красный конь» М. Фрадкина, «Утренняя песня», написанная руководителем Владимиром Киселевым, украшают программу, делают ее более разнообразной, полновесной. В программе звучит композиция «Наш сад», написанная гитаристом Игорем Романовым на стихи Гете. Эта вещь не

лишена поиска, стремления найти свой ход. Однако чувствуется, что она пока еще только чем заготовка к какой-нибудь поздней, пока неизвестной зрелой работе.

Другая композиция Романова, «Океан», — это уже его удача. Он вместе с ансамблем предлагает неожиданную трактовку произведения. Музыканты приглашают слушателей не на встречу с безмерным пространством воды, с кораблями, терпящими бедствие в разгуле стихии. Океан «Землян» — это океан мыслей и забот, радостей и печалей человеческих. Успехом у зрителей пользуется и композиция В. Титова «Кузнецчик». Она представляет собой виртуозно построенную, насыщенную выдумкой и юмором пародию на современные западные рок-ансамбли...

В Ленинградском музыкальном училище имени Римского-Корсакова встретились и подружились трое ребят: Владимир Киселев, Игорь Романов и Борис Аксенов. Их сблизила страсть к музыке, мечта создать свою группу. Дело это оказалось необыкновенно сложным. После занятий всегда были вместе. Вечерами да и ночами спорили, ругались, мирились, сочиняли, репетировали, решали организационные вопросы, обсуждали репертуар, думали над названием ансамбля. Но в конце концов все осталось позади. И в декабре 1978 года в ДК имени Дзержинского состоялось их первое выступление. Новички понравились.

— Почему мы выбрали такое название — «Земляне»? — повторяет мой вопрос руководитель ансамбля Владимир Киселев. — Оно предполагает широкое толкование. Оно не сковывает наших поисков, не ограничивает в выборе репертуара, стиля, манеры.

Рассказ об ансамбле я начал с их традиционного концерта. Однако он уже характеризует их вчерашний день. В последний год к «Землянам» пришла широкая известность. Им было доверено выступать на последнем «Телеогоньке», они стали частыми гостями популярных теле- и радиопередач. «Земляне» записали на «Мелодии» несколько пластинок — стили единоличными исполнителями песен М. Фрадкина и В. Мигули. О последнем композиторе хочется сказать особо. Его дружба с ансамблем оказалась очень плодотворной. Кто сейчас не знает их совместных работ — песен «Каскадеры», «Каратэ», «Поезд»... Видимо, собственные композиции, какие бы они добротными ни были, все-таки наибольший интерес представляют для самих музыкантов. Они живут, и счастливо живут, в рамках группы, а выход за пределы требует от них иного качества, которое в них может вдохнуть музыкант «со стороны».

Теперь имя «Землян» все чаще ассоциируется с именем популярного в молодежной среде певца и композитора Юрия Антонова. Группа записала на «Мелодии» диск его песен. Композитор не раз выступал вместе с ансамблем.

Творческий контакт с Ю. Антоновым, как и с В. Мигулей, наметил новую линию в творческой жизни «Землян». Их последние концерты проходят с неизменным успехом.

Омск, Калуга, Курск, Минск... Через эти и многие другие города пролегли маршруты гастролей.

— Выступления, контакт со зрителем — это не просто часть нашей работы, — говорит Киселев. — Это необходимый элемент творческого процесса. Зритель — наше зеркало. Мы смотрим в него и видим, что нам удается в большей степени, что в меньшей. Какими нужно быть завтра и послезавтра? Конечно, зритель бывает разный. Необходимо считаться с ним, но не угодничать. И все-таки он, зритель, сильно влияет на судьбу коллектива. Он не признает халтуры, поддерживает в трудную минуту. И это все происходит непосредственно, при встрече с ним. Хотя теперь мы не только выступающий, но и студийный коллектив — дружим с фирмой «Мелодия», с телевидением, с радио, даже более того — снялись в советско-французском фильме «Русская зима», где не только пели, а играли каскадеров. Но все равно концертный зритель остается для нас той лакмусовой бумагой, по которой мы пытаемся определить, куда мы движемся — вверх или вниз...

Анатолий ИВАНУШКИН

СМЕНА 25

что ходит по улице. Секрет моды в легкой музыке на первый взгляд кажется еще более простым: модно то, что слушают, поют, подо что танцуют. Однако что больше влияет на направление музыкальной моды, на популярность той или иной песни, какого-то ансамбля, певца, композитора — вкус слушателя, его готовность отдать свои симпатии новому, оригинальному, интересному или вкусу музыканта, способного увлечь молодежь музыкой новаторской, яркой, самобытной, запоминающейся? Не уступают ли порой последние свои художественные позиции в угоду нетребовательности первых? Слишком стала явной в последнее время тенденция слепо следовать моде в ущерб хорошему вкусу.

Привлекательность любого музыкального произведения зависит не от его принадлежности к жанру, а от его художественных достоинств. Если художнику не по силам сопротивляться давлению моды, преодолевать зависимость от массового спроса, ему, как правило, не суждено стать яркой творческой личностью. Как болезненный вирус опасен для живого организма, так и для художника гибельна готовность следовать потребительской близорукости. Как правило, такой путь ведет к тиражированию копий или компиляций модных произведений, к бесконечному повторению одних и тех же исполнительских приемов. Если этому не противиться, то мода может отнять у искусства душу. Шаблон бездушен.

Жанр эстрады требует ответственности, серьезности и понимания прежде всего от художников, которые к нему обращаются. Недооценка его, например, некоторыми авторами песен, и поэтами, и композиторами, приводит к рождению произведений трафаретных, удачающих скучных, однообразных, похожих одно на другое.

Невысокательность, пренебрежительное отношение к жанру открывают путь на нашу эстраду тем далеко не лучшим образом западного искусства, которые вряд ли достойны тиражирования. Очень часто заимствования довлеют над творчеством некоторых композиторов, певцов, вокально-инструментальных ансамблей, входят в него без какого бы то ни было осмысливания. Считаю, что вызыкательность художника и общественная, нравственная репутация жанра эстрады неразделимо связаны между собой.

Кажущаяся легкость «легких» жанров: эстрады, комедии, оперетты — очень опасна и чревата серьезными ошибками и даже поражениями. Эти жанры требуют от художника особой виртуозности, особого склада мышления, особого дара озарять жизнь искрой веселья, доброй щуткой, юмором, создавать людям хорошее настроение. Обратимся к песне. Можем ли мы прожить без лиричной, забавной, озорной, шутливой, а иногда и легкомысленной песни, вызывающей улыбку или рождающей в душе чувство раскованности, свободы, радостного, веселого праздника? Жизнь без щутки скучна, как и шутка нелепа и скучна в кружевах назидательности.

Однако легкость никогда не была синонимом пустоты. Тем более обидно признавать, что пустота и бессодержательность все чаще преобладают в развлекательной песне, заглушая такие ее качества, как изящество, искрометность, живость, захватывающая ритмичность, гармония слова и мелодии. Подобные песни порождают ленивое восприятие, ведут к девальвации музыкальных ценностей, предполагают бездумное слушание. Некоторые молодые люди цинично заявляют, что им наплевать на слова и на мелодию тоже, главное, чтобы музыка «царапала» нервы, чтобы ее можно было просто слушать. И все.

Художник может внутренне подыграть этой пошлости, согласиться с ней, а может и активно воспротивиться. Стихия массовой развлекательности

не должна поглотить наши культурные и нравственные завоевания, которые мы так высоко ценим и бережно храним.

Для своих песен я ищу не слова — поэзию, а в поэзии наравне с ярким образом я ценю мысль. Очень часто обращаюсь к произведениям латышских поэтов Яниса Петерса, Визмы Белшвицы, Иманта Зиедониса. Мне нравится работать с поэтом Андреем Вознесенским. Он близок мне своим пониманием природы поэзии, природы песни. Он умеет быть и веселым, и лиричным, и серьезным, и глубоким.

Сейчас особенно часто звучит слово «шлягер». Что это, возрождение на время забытого, ушедшего из обихода термина или возрождение определенных песенных традиций?

Шлягер — песня, которую поют все. Такие песни есть всегда. Между прочим, один из первых, а может быть, и самый первый шлягер принадлежит великому Моцарту. Прекрасная и по музыкальному языку и по форме песенка Папагено из «Волшебной флейты» сразу после премьеры оперы стала шлягером, который напевала и наставляла вся Вена.

Вспомним песни Дунаевского... Их подхватывали буквально на лету, потому что композитор чувствовал времена и безошибочно находил дорогу к тем, для кого писал.

Написать шлягер совсем не просто. Лишь я радуюсь, когда мои песни завоевывают популярность у слушателя, хотя иногда даже для меня она бывает совершенно неожиданна, а порой и необычайна. Так, например, случилось с песней «Листья желтые». Запрограммировать шлягер нельзя. Невозможно сесть к роялю, вооружившись понравившимися тебе стихами, и решить: вот сейчас я напишу песню такую хорошую, что ее сразу все подхватят и запоют.

Думали ли мы с поэтом А. Вознесенским, когда работали над песней «Танец на барабане», которую впервые исполнил на Сопотском фестивале певец Николай Гнатюк, что создаем шлягер? Конечно, нет. Просто нам хотелось написать песню, полную огня, жизнерадостную, темпераментную, живую. Нам это, как видно, удалось.

Желание написать хорошую массовую песню — песню для всех — всегда вырастает из ответственности композитора перед временем и его требованиями. Быть современным — вот один из главных критериев профессионализма. И на него всегда ориентируются в своем творчестве такие прекрасные, любимые мною композиторы, как Давид Тухманов и Андрей Петров. Мое глубокое убеждение, что именно хорошее, профессиональное, яркое должно стать на эстраде заслоном плохому и пошлому.

Много лет назад, на заре рождения звучащих дисков, журнал «Граммофонная жизнь» сообщал своим читателям о новинках непременно в пре-восходных степенях: «исполнение вне конкуренции», «ошеломляющая музыка, равной которой не было до сих пор». Прошло несколько десятилетий, требования наши выросли. Новинки сейчас рождаются каждый день. И вокально-инструментальные ансамбли множатся не по дням, а по часам. А вот «граммофонные» оценки можно услышать и сегодня. Очень часто они раздаются в адрес тех, кого следовало бы оценивать с критических позиций. Мы часто говорим о профессионализме. Что это такое? Это работа, регулярная тренировка каждый день. Это самостоятельность. Это поиск — поиск своего лица. Своеобразного, живого лица, а не маски с бездумной улыбкой.

Мы должны сделать постоянными массовые творческие соревнования и конкурсы любителей современных молодежных ритмов, смотры дискотек, чтобы популяризаторами и пропагандистами музыки не могли стать люди случайные, люди с узким кругозором,

сомнительным вкусом и низкой духовной культурой. Пусть мальчики с гитарами выступают не только перед своими неискушенными ровесниками, но и перед строгим, высокопрофессиональным жюри. Каждый, берущий на себя смелость публичного выступления, встречи с большой или маленькой аудиторией, должен нести этой аудитории не эрзац-искусство, а подлинное искусство, должен ощущать ответственность и серьезность своего поступка.

Никогда прежде музыка не имела такой огромной аудитории. Сегодня она звучит не только в филармонии или концертном зале, но и в спортивном манеже, где собираются тысячи слушателей. Это ко многому обязывает.

Лауреат премии Ленинского комсомола композитор Раймонд Паулс по праву носит звание народного артиста республики. Его имя связано для нас не только с прекрасными песнями. Оно на афишах театральных спектаклей. В титрах кинофильмов. Он автор популярных мюзиклов. Долгие годы он сотрудничает с Латвийским радио. Пользующаяся огромной любовью молодежи радиопрограмма «Микрофон» регулярно проводит среди своих слушателей анкетирование с целью выявить самого интересного и любимого композитора, песню, что особенно пришлась по душе молодежной аудитории. Несколько лет подряд имя Раймонда Паулса и его песни возглавляют список победителей. Действительно, для него искусство не храм, а мастерская, где царствует труд. Но как бы ни были загружены дни, у него всегда находится время для дела, которое он считает обязательным для себя. Вот уже несколько лет он ведет занятия с горем мальчиков музыкальной школы имени Э. Дацшина.

«Хор — это самая нежная и глубокая моя привязанность», — признается композитор. Детям он отдает не только свою музыку, но и свое сердце. Раймонд Паулс никогда не предлагал песни исполнителям. Певцы сами находят его произведения. Поэтому есть что-то символическое в том, что для горы мальчиков он специально создал большую двухчасовую концертную программу. С юными певцами он занимается подолгу, увлеченно, самозабвенно, не считаясь с усталостью, с другими делами, что набегают со всех сторон, со временем, которого совершенно не хватает.

Иногда кажется, что эти занятия приносят ему удовлетворение, которое не могут дать радости и заботы взрослой жизни. Они возвращают его в давно ушедший мир детства, в счастливую пору, когда окружающий мир наполнен мечтами и открытиями, когда чудеса и неожиданности подстерегают на каждом шагу, когда все воспринимается чисто и светло.

Маленьким певцам повезло, композитор сумел почувствовать и подчеркнуть их удивительную искренность и редкую способность постигать самое трудное и тайное, их прямодушие, свободу, восторженность и умение непосредственно и чистосердечно выражать все, что волнует душу.

Работа с гором позволила обратиться к классике латышской поэзии. В многогранном творчестве Паулса самобытная программа для хора мальчиков сочетает в себе оригинальность современного звучания со строгостью классической музыки. Да, ее неразрывность с традициями классики очевидна. И это закономерно и естественно. «Серьезная музыка вне времени», — говорит Раймонд Паулс, — вне конкуренции, вне сравнений. Она — фундамент. Она — начало начал. Принципы гармонии утвердила именно она. Нам остается только следовать ее строгим и разумным законам».

Владимир КОВАЛЕВ

50-е: «Элвис — ты спасешь цивилизацию! Мы повинуемся одному твоему слову!..»

60-е: «Джон, Пол, Джордж, Ринго — благодаря вам с Британией вновь стали считаться в мире! Да здравствуют «Битлз» и Королева!..»

70-е: «Анархия в Объединенном Королевстве!..»

80-е: «Новая волна? Разве смытая грязь грязной водой?..»

Стоп! «Похоже на то, что можно отыщаться», — заметил недавно музыкальный критик Роберт Палмер в журнале «Роллинг Стоун». Рок-локомотив, бешено мчавшийся на всех парах несколько последних десятилетий, делает остановку для капитального ремонта. Стихает и мышиная волна вокруг популярной музыки: из крупнейших газет капиталистического мира «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», «Дейли мильтар» и «Сан» исчезают статьи, порой напоминающие сводки с театра боевых действий. Музыкальные наступления и осады, триумфы и поражения, сменявшие друг друга словно в калейдоскопе, уступают более подробным описаниям министерских кризисов и падений кабинетов, призывают к ракетному вооружению и рассуждениям о причинах инфляции. Хорошо, но а что же делать десяткам (если не сотням) еженедельников и ежемесячников, дайджестов и ежегодников, авторизованных и иллюстрированных энциклопедий, чьим основным занятием дотоле было «всестороннее информирование мировой общественности о музыке и музыкантах»? Ведь именно они вкупе с сотнями государственных, тысячами частных и десятками пиратских радиостанций провозглашали поочередно «общественным фоном» ритм-энд-блуз и рок-н-ролл, гитарные риффы «хард-рока» и мелодичное «калифорнийское звучание», стиль «диско» с его 120-ю ударами большого барабана в минуту и, наконец, завезенные в Европу с островов Карибского бассейна ритмы «рэгги»... «Никто не станет отрицать, что самые серьезные британские рок-издания типа «Нью-Мильтек экспресс» находятся в глубочайшей депрессии. Журналы и газеты, некогда переживавшие период «блестящей серьезности», сейчас устремились вдогонку — зачастую успешно — за мифом «новой волны», — горько признается издающаяся в Манчестере газета «Гардиан».

Так и хочется сравнить западную популярную музыку с каруселью. Лошадки и слоники, верблюды и носороги, до машние и недомашние животные — читай: музыкальные стили, тенденции, направления сменяют друг друга, чтобы, обежав круг, появиться перед глазами вновь. Начав медленно вращаться четверть века назад, карусель совершила не один полный оборот. И вначале были сбои, а к концу семидесятых она напоминала вращающийся неравномерно то в одну, то в другую сторону круг, где смена фигурок нормальным человеческим глазом не улавливалась. Приходилось то и дело гадать. Тех, кто угадал, провозглашали разбирающимися в музыкальном круговороте и быстренько определяли их в некую «синоптическую службу» рока. Затем требовали регулярно «выдавать прогнозы» на появление тех или иных карусельных фигур в каждые последующие моменты. Отработав свой гарантийный срок, «служба» дала сбой, для начала споткнувшись на панках. Принято считать, что их появление мало кто ожидал...

Панки ополчились шесть лет назад против существующих традиций «хиппи-культуры». «Если рок-музыка по форме является бунтом, то почему этот бунт так здорово продается на рынке?» — рассуждали они и были правы по-своему. Предшествующее поколение — «бунтари с гитарами», борцы против общества потребления — стали звеном этого самого общества, выдав ему на потребу себя. В ход пошли наркотики, собственная музыка, хиппи-одежда.

Все было подхвачено оборотистыми бизнесменами, быстрым поставлена на конвейер и с боской торговой маркой выброшено на рынок. Образ жизни некоторых превратился в стиль жизни многих. Более конкретно о музыке? Здесь хотелось бы процитировать обозревателя газеты английских коммунистов «Морнинг стар» Терри Бушелла, который писал в 1980 году:

«Одной из наиболее отличительных черт английского рока конца прошлого—начала нынешнего десятилетия явился закат больших звезд... За минувшее десятилетие популярные составы создали себе «имидж» такой силы, что по инерции можно двигаться еще довольно долго. Они стали чем-то вроде профессоров, которые время от времени решают «осчастливить простых студентов» — прочитать популярную лекцию о жизни, а заодно и возложить венки к собственным памятникам».

История оставила нам имена «закатившихся звезд»: «Эмерсон, Лейк и Палмер», «Йес», «Лед Зеппелин»... А на

проформы немногим более полугода. Столько же ушло на «юридическое оформление» нового течения, и к рождеству года своего рождения панк становится уже «молодежной субкультурой». Общественность призвала срочно изобрести термины для его исторической классификации — в ход пошли названия «Новые денди», «Футуристы», «Парни-погромщики», «Новые романтики» и так далее. До сих пор продолжается словесная перебранка о «генезисе», «природе», «ценностях» движения. Ежемесячный лондонский журнал «Фэйс» писал, к примеру: «...Новый бред в лице панк-группы «Спэндуа Балет» не имеет никаких шансов в будущем». И в том же журнале бывший диск-жокей Роберт Элмс защищает, да еще в стихотворной форме, альбом «Путешествие к славе» тех же «Спэндуа Балет», изобилующий выражениями из арсенала неонацистов. Работавший одно время вышибалой в пивном баре панк-певец Стив Стрейндже вызывает восхищение у журналистки из «Санди таймс» Молли Паркин: «...Его успех в его одежде

ловких рук известного проходника Малькольма Макларена и художника-модельера Вивиенны Уэствуд (именно она придумала красить волосы в яркие цвета, коротко стричься и продевать в уши и ноздри английские булавки). Вот она, истина: выдаваемое за спонтанное, это течение оказалось заведомо спланированным и точно срежиссированным.

Никто, конечно, не предполагал, что панкам предстоит пугать публику своим внешним видом и музыкой немногим более трех лет. «Гиганты» типа «Секс Пистолз», «Стрэнглерз», «Клэш» постепенно превратились в напыщенных и охраняемых суперзвезд. Поскольку подобное не могло произойти с тысячами последовавших супербуман безработных, ставших неожиданно для самих себя музыкантами, гибель «маяков», а с ними и всего «движения» была предрешена.

В середине 70-х довольно громко зазвучали названия лондонских клубов-пивных «Крекер», «Глобал Вилидж», «Каунтдаун Клаб», «Лэйси Леди». В этих подвалчиках на окраине города собирались самая разношерстная публика. Приходили бывшие солдаты, парни с заводов, безработные, которым дорогие рестораны и представления на сценах «Александр Палас», «Эрлс Коорт», «Уэмбли» снились разве что во сне. Общим интересом всех собирающихся в клубах была музыка. Немаловажный факт: большинство посетителей имели черный цвет кожи — эмигранты, приехавшие из бывших колоний Британской империи в надежде заработать. За тридевять земель привезли они и свою народную музыку — «соул», «ска». Музыка игралась чинно и дисциплинированно, не в пример огромным стадионным спектаклям, где «гиганты» в лице «Статус Кво», «Бэд Компани», «Эй Си/Ди Си» пытались оглушить и поразить публику. В клубах материал возвращался к своим корням — фольклору, но поскольку фольклорные традиции Британии вовсе не в ритмах Карибского бассейна, эта музыка и находилась в тени. Ее так и называли — теневая музыка семидесятых, оппозиция официальному шоу-бизнесу. Поддерживать и рекламировать ее в то время никто не собирался. Она ждала своего часа.

Этот город превратился в подобие города-призрака.

Почему молодежь заставляет бороться против себя? Ведь правительство вышвыривает молодых на отмель.

Безработица заложена в фундаменте этой страны...

Растет недовольство народа.

(Группа «Спешиалз». «Город-призрак».)

Час «соул» и «ска», или — как он стал называться — «рэгги», пробил с началом кризиса в панк-роке... «Майсти», «Эйсвед», «Ситл Палс», Линтон Квеси Джонсон... Коротко о последнем, ибо он наиболее яркий представитель так называемой «теневой вест-индской музыки». Позт, политический активист и убежденный борец за права человека в Великобритании, Линтон Квеси Джонсон протестует против ужасающей безликости и бездушия улиц, безработицы, отчаяния тех, кто, поддавшись на удачу пропаганды, приехал в бывшую империю. Постоянные налеты на кварталы, где живут эмигранты, фашистующих молодчиков национального фронта, так называемых «скинхедс» — «бритоголовых» не пресекаются полицией. Рассеянные волнения в лондонских районах Саутхолл и Брикстон (именно там живет Джонсон), ливерпульском пригороде Токстес... Вот она. Великобритания 80-х, где правят консерваторы во главе с «железной леди» Тэтчер! «Их музыка — суть отражения политической обстановки», — констатирует «Морнинг стар» в статье, посвященной творчеству британских исполнителей-эмигрантов.

Рок-карусель не свободна от рассеянных проблем: как и западное общество в целом, и для «рэгги»спешно были сделаны белые фигуры: группы «По-

лис», «Скэффиши», «Скуиз», «ЮБ-40» и другие бросились в атаку на музыкальный рынок.

Лидерами были провозглашены трио «Полис» и Адам Ант со своей группой. На этих ребят делали ставку, в какой уже раз выдавался прогноз службами «рок-синоптиков». Первые записи и пластинки обеих групп были удачными. Но в дальнейшем ни Стинг (лидер «Полис»), ни Адам Ант оказались не в состоянии стать новыми «идолами» белой молодежи. Запомнились их лица, одежду, но только не музыка... На поверку претенденты оказались неспособными развить достигнутое их земляками из Ливерпуля в сочетании с уроками, полученными в негритянских кварталах и подвалах-клубах. Закат «белого рэгги» начался вскоре после выпуска «Полис» своего третьего альбома «Привидение в машине». «Их стиль — музыкальное эсперанто: выдуманная музыка в искусственном мире», — писал об этом альбоме журнал «Роллинг Стоун». — Никогда не получит признания музыка, в которой нет национальной основы». Пытался удержаться на вершине «новой волны» и Адам Ант. «Он запомнился нам лишь своим бонапартистским мундиром», — признался в рецензии на пластинку «Обаяние принца» еженедельник «Мэлоди Мейкер».

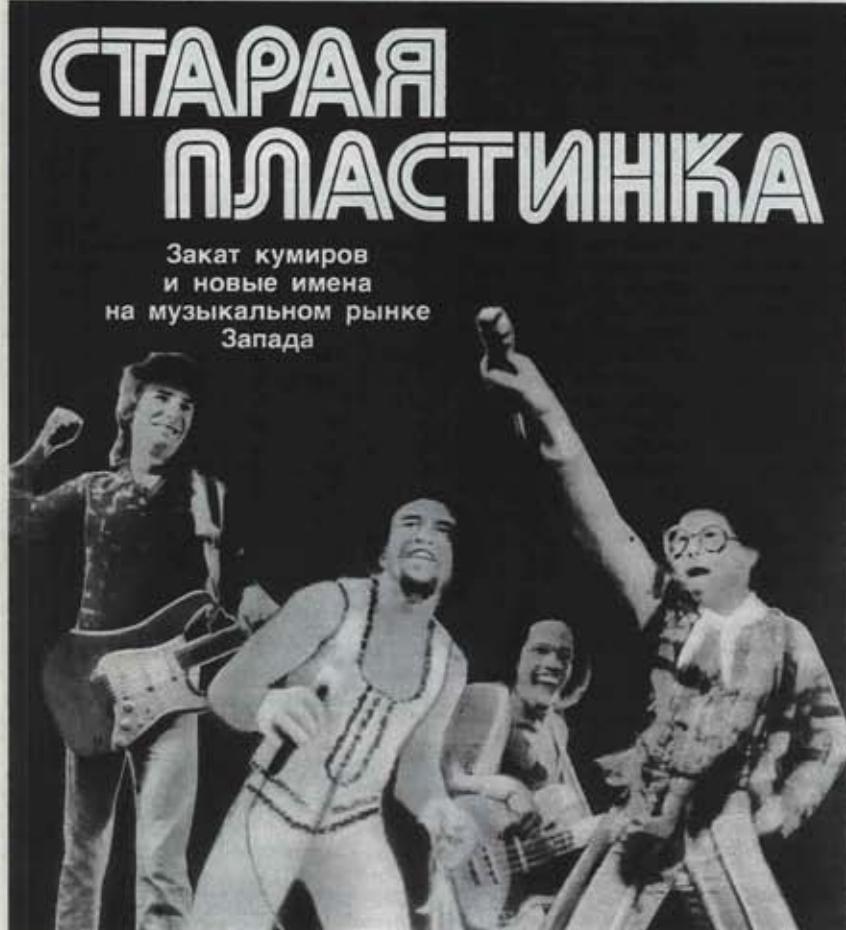
«...Сейчас, когда панк-музыка оставлена истории, некоторые ее прогнозы сбываются. Сбываются прогнозы растревоженного своим будущим молодого поколения. Длинные очереди перед биржами труда стали еще длиннее, по сравнению с временами, когда после прихода к власти консерваторов и наступивших месяцев ужасной безысходности вспыхнули первые пожары бунта. Панк исчерпал себя слишком быстро, но вдохнул в молодежь искру надежды в свои силы и возможности. Она еще скажет свое слово», — пишет Мери Харон в газете «Гардиан». И это очередной прогноз? Похоже. Газета делает вид, будто ей ничего не известно об истинных причинах появления панков, когда необходимо было просто открыть клапан и выпустить лишний пар во избежание больших неприятностей. Прогноз уж больно смахивает на провокацию: вспомните, не так уж и далеки времена панковских шпилек в ушах. Берите гитары, бунтуйте. Благо, в королевстве есть против чего бунтовать. А насчет «теории» и «лидеров» не беспокойтесь, все будет сделано по высшему классу!

Карусель застопорилась, не сделаны еще подходящие фигуры, но в этом рок-вакууме пытаются зазвучать поистине зловещие голоса: пылают кресты на сцене, и музыканты натягивают на себя ку-клукс-клановские балахоны («Джулас Прист» и «Блю Оистер Коулт»), готические знаки и нашивки гвардии рейха («Мотоурхэд»)...

Новый хард-рок провозглашает силу, его лозунгом становится: «Сражаться! Против кого? — «Бей чернокожих и азиатов!», «Лиши женщин всех прав!» — несет со сцены. «Вы фашисты?» — спросили журналисты у группы с названием «Роуз Тату». «По методам борьбы с обществом — да!» — отвечали ребята, одетые в коричневые рубашки... Хаос!

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикация этой статьи вызвана вашими многочисленными письмами, читатели Клуба, в которых содержится просьба помочь разобраться в бесконечно меняющейся картине западной эстрады, где «звезды» порой гаснут, еще не упав. Наверно, статья не даст исчерпывающих ответов на все ваши вопросы, но это сделать вообще невозможно, ибо искать логику во владениях шоубизнеса — дело бесполезное. Эта публикация скорее — музикальный путеводитель для тех, кто хочет объективно разобраться в современных ритмах и стилях.

Ждем ваших писем.



сцене продолжают выступать Боб Дилан, группы «Роллинг Стоунз», «Джетро Талл», «Ху»... Далеко за тридцать музыкантам — но годы можно скрыть искусственным гримом, а собравшаяся на концерт аудитория, средний возраст которой тоже приближается к сорокам, будет аплодировать, хотя и не с энтузиазмом былых лет.

Еще к середине минувшего десятилетия стало ясно: ветераны, с самого начала ставившие своей целью заработать на музыке, не в состоянии передать молодым «дух» своего времени. «...Все годы, пока существуют «Камни», мы рассматривали свою музыку и себя только с позиций развлекательности. Не помню, кто в середине 60-х прикрепил нам ярлык «социальной группы» — кажется, американцы за песню «Удовлетворение». Она показалась им молодежным гимном... Песня как песня, может, удачнее других наших, но не лучше того, что писали «Битлз»... Сейчас мы превратились в гастролирующий цирк, большой балаган для штаны. Пора ставить точку», — потянуло на откровения лидера «Роллинг Стоунз» Джагтера.

Показное замешательство, якобы вызванное волной панк-рока, длилось для

По версальской дороге ехал новый «ягуар» с огромным белым трайлером. Сидя за рулем, Педро Карасси следил в зеркальце за дорогой и наблюдал за женой.

— Скажи, ты не рада, что мы едем отдыхать?
Никакого ответа. Лишь ненавидящий взгляд, который он видел в зеркальце. Невыносимый взгляд. Педро был обескуражен. Все бесполезно.

— Послушай, Жермена, я думал, ты села сзади, чтобы немножко поспать. Если же ты собираешься сидеть, как дама-патронесса во время благотворительного визита, лучше тебе перебраться к своему мужу и составить ему компанию.

Этот беззаботный тон давался ему нелегко. Он никогда не умел как следует вратить. Одна фраза влечет за собой другую, и ты выдаешь себя, еще не успев докончить свою ложь. Такое поведение Жермены могло значить одно: она знала, куда они едут на самом деле. Он испытал чувство вины, и его охватило отчаяние. У него было одно желание. Остановить машину, сжать жену в объятиях и не отпускать ее теплую и нежное тело, от которого он должен

Лифт на Эшафот

Ноэль КАЛЕФ

Перевод с французского
Надежды НОЛЛЕ

отказаться. Педро встремился. Нет, он не имеет права расслабляться. Чего бы это ему ни стоило, Жермена должна доехать до Грасса, до своих родных, не подозревая, что ее ждет.

— Завтра к полудню ты увидишь своих родных. Тебя это не радует?

Жермена не шелохнулась.

— Дорогая, послушай! Сколько времени мы ждали этот отпуск! Еще вчера, когда мы покупали эту машину и трайлер, ты казалась такой счастливой! Уже несколько лет ты не видела своих родных. Мы едем издалека. Что с тобой вдруг? Скажи мне.

Он сел в машину рядом с ней, взял за руку. Жермена тут же ее выдернула.

— Жермена! Почему ты сердишься? Что я тебе сделал?

Внезапно она повернулась к нему, открыла рот, но не произнесла ни слова. Она вонзила ногти в руку мужа, и из ее глаз полились слезы.

— Скажи, милая, что с тобой? — уговаривал Педро.

Она, рыдая, кинулась к нему на грудь, губами искала его губы. Он закрыл глаза, стараясь уклониться от поцелуя, и чары тут же были нарушены.

— Я опротивила тебе, — закричала Жермена, — я была в этом уверена.

Он приложил ладони к ее щекам.

— Как ты можешь, как смеешь говорить такое, Жермена? Я за тебя отдал бы все на свете, ты это знаешь. Чтобы ты мне опротивела, любовь моя...

Слыша это, Жермена потихоньку успокаивалась, склонив голову мужу на плечо. Он нежно гладил ей шею, а она изгибалась, чтобы его пальцы спустились ниже. Но вот уже несколько месяцев с тех пор, как он знал, он не мог... Приласкать ее, обнять, да. Но...

— Педро, — прошептала она, — не заставляй меня страдать.

— Но это ты сама заставляешь себя страдать, Жермена. Я ничего не сказал, не сделал, что бы могло...

— Почему ты не захотел меня поцеловать? — резко спросила она, глаза ее сверкали.

Он улыбнулся.

— А почему ты дуешься с утра? Он тут же пожалел о своем вопросе. Зрачки Жермены сузились, в углах рта залегли складки. Она задрожала.

— Жермена! — крикнул он, обхватив ее обеими руками, сжимая изо всех сил, чтобы унять эту дрожь.

Издалека, наблюдая за ними через раскрытую дверцу машины, могло показаться, что он хочет ее насильно поцеловать.

— Ну, пойдем, идем же, не смотри, это некрасиво! — сказала Тереза, потянув Фреда за руку.

Продолжение. Начало в №№ 11—13.

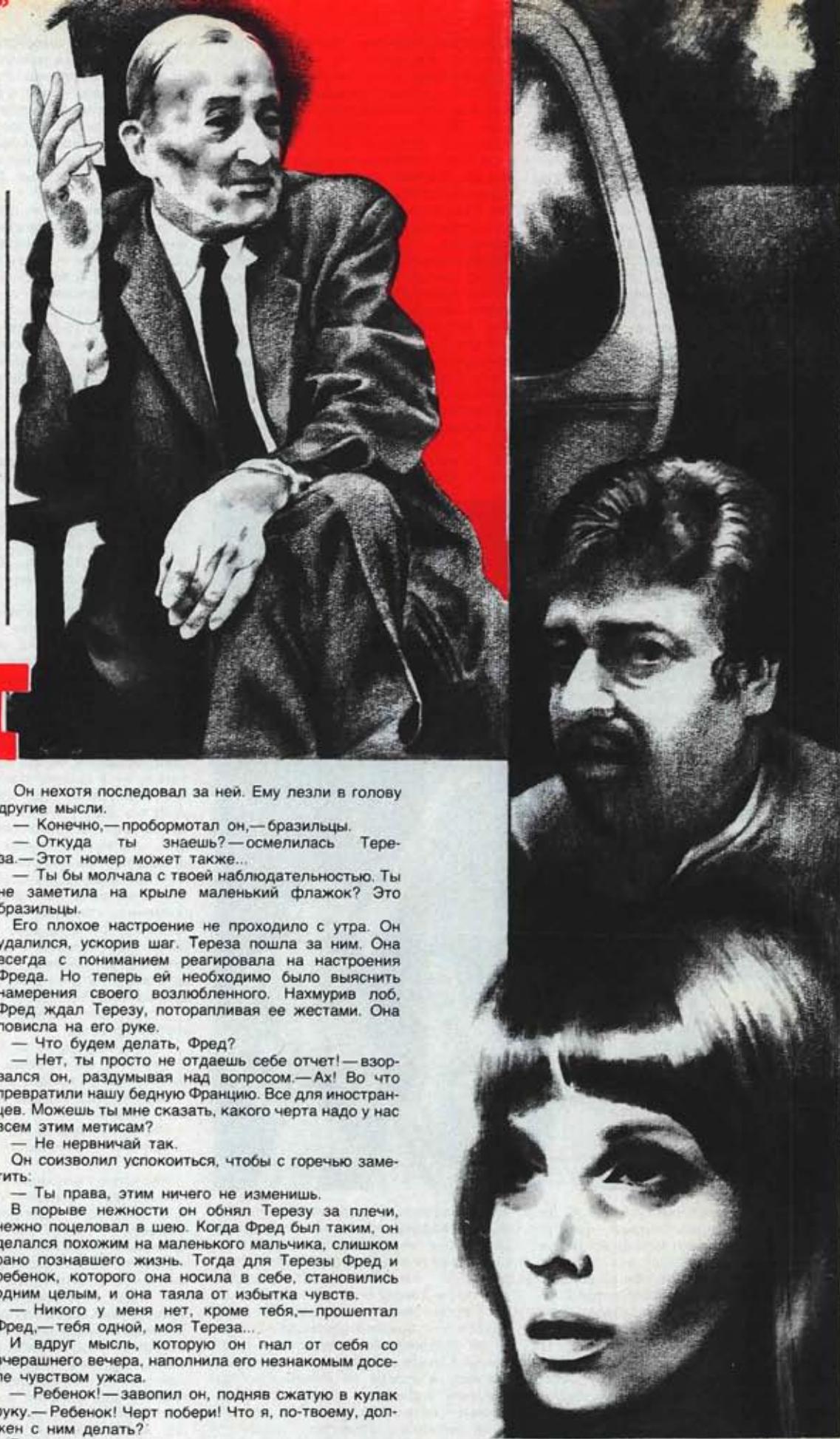


Рисунок Аллы Соловьёвой

Он нехотя последовал за ней. Ему лезли в голову другие мысли.

— Конечно, — пробормотал он, — бразильцы.

— Откуда ты знаешь? — осмелилась Тереза. — Этот номер может также...

— Ты бы молчала с твоей наблюдательностью. Ты не заметила на крыле маленький флагок? Это бразильцы.

Его плохое настроение не проходило с утра. Он удалился, ускорив шаг. Тереза пошла за ним. Она всегда с пониманием реагировала на настроения Фреда. Но теперь ей необходимо было выяснить намерения своего возлюбленного. Нахмурив лоб, Фред ждал Терезу, потоптавшись ее жестами. Она повисла на его руке.

— Что будем делать, Фред?

— Нет, ты просто не отдаешь себе отчет! — взорвался он, раздумывая над вопросом. — Ах! Во что превратили нашу бедную Францию. Все для иностранцев. Можешь ты мне сказать, какого черта надо у нас всем этим метисам?

— Не нервничай так.

Он соизволил успокоиться, чтобы с горечью замечать:

— Ты права, этим ничего не изменишь.

В порыве нежности он обнял Терезу за плечи, нежно поцеловал в шею. Когда Фред был таким, он делался похожим на маленького мальчика, слишком рано познавшего жизнь. Тогда для Терезы Фред и ребенок, которого она носила в себе, становились одним целым, и она таяла от избытка чувств.

— Никого у меня нет, кроме тебя, — прошептал Фред, — тебя одной, моя Тереза...

И вдруг мысль, которую он гнал от себя со вчерашнего вечера, наполнила его незнакомым доселе чувством ужаса.

— Ребенок! — завопил он, подняв сжатую в кулак руку. — Ребенок! Черт побери! Что я, по-твоему, должен с ним делать?

Тереза крепко схватила его за руки, повернула к себе.

— А я? — спросила она просто.

Этот вопрос поставил Фреда в тупик. Он смущенно улыбнулся и вновь прижал к себе Терезу.

— Ты или я, это одно и то же, разве ты не понимаешь? Черт, ну и дела! Папа выгонит меня из дома, это точно!

— Нет, Фредди.

— Как? Как нет?

— Ты прекрасно знаешь, что тебя он не выгонит. А вот меня он не впустит в дом. В самом худшем случае у тебя будет крыша над головой...

Фред схватил ее за плечи.

— Ах! Ты думаешь, я смогу греться в тепле, когда моя жена с ребенком подыхает на улице, как в мелодрамах. Значит, так ты думаешь обо мне?

Тереза дрожащей рукой погладила его по голове, в ее глазах блеснули слезы.

— Нет, Фред, но иногда так хочется услышать это от тебя.

Встав на цыпочки, она поцеловала его, и они зашагали дальше.

— Где ты возьмешь деньги? — спросила Тереза.

Он сксал кулаки.

— Деньги! Все время деньги! Грязные деньги! Что бы я только не сделал, если бы они у меня были!

— Фред, не будем отвлекаться. У тебя нет денег, надо их достать.

— Где я их возьму? Вот они, там, видишь!

Он указал на автомобиль, от которого они отошли довольно далеко.

— Посмотри, есть ли у них монеты. Для метисов

денег хватает, говорю тебе. «Ягуар», трайлер ценою в миллион, девочки, которых везут с собой и насилиют в машине,—все за песеты... Ах! Если б у меня было хоть немного денег, моя Тереза, знаешь, что б мы сделали?

Он обхватил ее за талию и потянул за собой. Вздохнув, она подчинилась. С Фредом никогда не удавалось довести разговор до конца. Он мечтал вслух.

— Мы бы с тобой поехали на Лазурный берег, написали сценарий, затем вернулись в Париж снимать. А тебе знаешь, что нужно? Роль... Подожди, дай я подумаю...

— Роль матери,—подсказала Тереза...

— Пошли назад! — Фред спустился с облаков на землю.—С тобой нельзя серьезно разговаривать.

Они молча направились к гостинице. Солнце припекало, день был прекрасный.

Педро ласково разговаривал с женой, которая постепенно успокаивалась.

— ... а когда мы поженились, помнишь, я обещал, что однажды привезу тебя во Францию? Ты ведь не жалеешь, что поехала за своим мужем в такую даль? Теперь видишь, этот день наступил. Вот мы и у тебя на родине. Скоро ты увидишь своих родных. Все тебя там ждут. Все встретят с радостью. Это будет похоже на возвращение блудного сына, да?

Поток слов, казалось, действовал на нее успокаивающе. Он уложил ее на сиденье и, отвернувшись, чтобы она не видела его слез, провел рукой по лицу.

— Педро,— позвала она.

Он вытер глаза и повернулся к ней.

— Да, дорогая?

— Я, наверное, оставила свою сумочку вместе со всеми вещами в трайлере. Принеси мне ее, пожалуйста.

Она улыбалась. Педро смотрел на нее. Жермена была прелестна.

— Сейчас.

Он забрался в трайлер. Чемоданы Жермены были здесь, но сумочку он нигде не видел. Он подошел к переднему стеклу, чтобы стуком привлечь внимание жены и знаками спросить ее, куда она положила сумочку. Во рту у него пересохло: через стекло трайлера он увидел, как Жермена украдкой достает припрятанную сумку, открывает ее, вынимает крошечный револьвер и проверяет обойму.

На лбу у него выступил пот. Возможно, Жермена почувствовала его взгляд: она закрыла сумочку и обернулась. Педро заставил себя улыбнуться. Жермена показала ему сумку, зашевелила губами, чтобы сказать: извини меня... Он махнул рукой, мол, неважно, и показал ей бутылку. Жермена кивнула.

Педро опустился на кушетку, закрыл лицо руками. Что делать? Что делать? В сотый раз он задавал себе этот вопрос.

Услышав шаги жены, он поднял голову, встал и засуетился.

— Что ты делаешь, Педро?

— Такая прекрасная погода, дорогая. Я подумал, что можно вынести стол и стулья и выпить аперитив на свежем воздухе...

Фред ругал Терезу, которая, как ему казалось, шла слишком медленно.

— Так мы никогда не доберемся! Я говорил тебе, давай поедем на машине. Но нет, мадам захотела пройтись пешком! Мадам боится...

Всегда, когда он произносил это слово, лицо его невольно искасалось. Он сухо продолжил:

— Ты войдешь первой. Узнают тебя потом или нет, это не имеет значения. А меня... Сама понимаешь. Сделай так, чтоб в вестибюле никого не было и подай мне знак. Скажи им, что есть мы будем в номере.

Глава X

У посетителя был унылый, измученный, жалкий вид. Он предъявил удостоверение.

— Инспектор Живраль. По поводу заявления об исчезновении...

Горничная в панике устремилась в гостиную.

— Мосье, мосье, полиция!

Обращаясь к Жанне и Женевьеве, Жорж проговорил:

— Ах! Наконец-то! Есть все-таки правосудие во Франции.

— Не сиди так! — строго сказала Жанна Женевьеве, у которой было отсутствующее выражение лица.—Это тяжело, я понимаю. Но ты же хотела развестись? В чем же дело?

Женевьеве покрасилась.

— Полиция... Какойстыд...

— Надо пережить этот неприятный момент.—Жорж пытался успокоить сестру.—Иди, Жину, иди...

Он легонько подталкивал ее к двери.

— Идем со мной, Жорж,—произнесла Женевьеве умоляющим тоном.

— Сейчас приду, не бойся.

Инспектор сидел в прихожей и шевелил ногами, морчась от боли. Увидев Женевьеву, он чуть пристал, отдавая дань вежливости, и тут же усился вновь.

— Прошу прощения, что беспокою вас в воскресенье, мадам. Это вы Женевьеве Журлье, по мужу Курту?

Она молча кивнула. От волнения ее сердце забилось сильнее: лишь бы с Жюльеном ничего не случилось... Инспектор продолжал монотонным голосом:

— Вы заявили об исчезновении мужа... — Он заглянул в грязный блокнот.—Вчера, в субботу, в двадцать два часа сорок минут?

Женевьеве испуганно вскрикнула.

— Вы нашли его? — Она судорожно сплела пальцы.—Он умер, да?

Живраль посмотрел на нее мрачным взглядом, в котором сквозило некоторое удивление.

— Нет, мадам. Я просто уточняю сведения.

Женевьеве опустилась на стул. «Любопытно,—помысл полицеекий,—такое впечатление, будто она разочарована, что он не умер». А вслух сказал:

— В последний раз вы видели его вечером в субботу в девятнадцать часов тридцать минут. Так?

— Не совсем,—вмешался Жорж, появляясь в прихожей.

— Ну, да! — сказала Женевьеве.—У меня было свидание...

— Дай мне сказать,—отрезал Жорж, поворачиваясь к Живралю.—Она его не видела, она говорила с ним по телефону. Это разные вещи!

Инспектор согласно кивнул, послюняв карандаш.

— Ясно,—он внес уточнение в блокнот.—А где он находился в этот момент?

— В своей конторе, в здании Ума-Стандарт на бульваре Осман... Это на углу...

Инспектор жестом дал понять, что знает это место, и она замолчала, глядя, как он записывает ее слова.

— Вы уверены, что он звонил вам именно оттуда?

— Это я ему позвонила.

Живраль изобразил понимание, но это выражение исчезло с его лица, когда он, извинившись, наклонился, чтобы помассировать щиколотку.

— Со вчерашнего дня с полудня на ногах. Так что сами понимаете...

— Вижу, вы и в воскресенье работаете,—сказал Жорж с той долей любезности, которая должна была показать его демократические взгляды.

— Посмимно. Кто-то же должен работать, чтобы там ни говорили о полицееких. Те, за кем мы гоняемся, и по воскресеньям не сидят без дела.

Живраль вновь послюнявил карандаш. Женевьеве отметила про себя, что у него удивительно белые зубы.

— Ладно,—проговорил он.—С тех пор вы его не видели?

Женевьеве покачала головой, делая над собой отчаянные усилия, чтобы не разрыдаться.

— И не слышали о нем? — настаивал Живраль.

— Ни слуху ни духу,—ответил Жорж.

Инспектор закрыл блокнот. Жорж сделал шаг вперед.

— А скажите... Со своей стороны, вы выяснили что-нибудь?

— Ничего. Мы только начинаем, мосье,—сказал Живраль, показывая на блокнот, прежде чем убрать его в карман.

— Значит, за двадцать четыре часа вы ничего не сделали, ничего не предприняли? Великолепно! Ах! Хороша же во Франции полиция! — рассердился Жорж.

Живраль пожал плечами.

— Мы уведомили больницы, полицеекие комиссариаты... Что же вы хотите еще? В субботние вечера этих «исчезновений» столько... тут надо действовать осторожно. Обычно после полуночи все уладивается.

Женевьеве поднесла руку к губам, чтобы заглушить крик.

— Я говорю это не для того, чтобы вас обидеть, мадам,—оправдывался инспектор,—но мужчины, а? Вы ведь знаете, что это такое...

Она больше не могла сдерживаться и заплакала, закрыв лицо руками. Жорж, казалось, был в затруднении. Живраль попытался загладить оплохность.

— Заметьте, есть такие, которые возвращаются домой к жене только в понедельник утром... Не надо волноваться. К чему так переживать, мадам? Значит, вы знаете, где он?

Женевьеве быстро подняла голову. Она напоминала затравленного зверька. Жорж тут же вмешался.

— Кстати, инспектор, я хотел бы сообщить вам, что... я собираюсь завтра утром в прокуратуру, чтобы предъявить моему зятю обвинение в мошенничестве...

— А... Обвинение в мошенничестве... Но это не по моей линии...

Приоткрыл рот, инспектор смотрел на Жоржа и, вытянув ноги, усаживался поудобней.

— По вашей... Косвенно, поскольку речь идет о моем зяте. Он украд у меня деньги...

— Жорж, умоляю тебя! Мосье это не интересует.

— Напротив, мадам. Существуют три человека, которым необходимо рассказывать все: врач, духовник и полицеекий... Значит, мосье Куртуа украд у вас деньги... И вы думаете, он поэтому сбежал?

— Нет... Он не знает, что мне об этом известно.

— Ага... И вы, значит, собираетесь подать жалобу?

— Да, именно. Прокурору. Завтра же утром. Я узнал обо всем лишь в субботу поздно вечером.

— Ясно, ясно... — Живраль испустил глубокий вздох.—Следовательно, вы понимаете, мосье, что до сего момента мы не могли ничего знать... Но, разумеется, вы считали нужным поставить меня в известность...

Он слегка оживился.

— По-вашему, значит, существует некая связь между его исчезновением и мошенничеством...

Женевьеве остановила его гневным жестом.

— Никоим образом, мосье! Поскольку по телефону он как раз говорил мне...

— Простите, простите... Подумайте, мадам. С точки зрения закона... если он сбежал с женщиной, это не так серьезно, как если он...

— Женевьеве! —вмешался Жорж.—Как ты можешь думать что-либо подобное?

Живраль откинулся назад, продолжая внимательно слушать.

— Ты ничего не понял,—сказала Женевьеве.

— Теперь ты утверждаешь...

Женевьеве в ярости не находила слов. Инспектор наблюдал за поединком сестры и брата. Он вновь достал блокнот. Женевьеве заикалась от бешенства.

— Ведь он не знает, что я показала тебе его бухгалтерские книги!

— Однако он знал, что находится в отчаянном положении.

— Вовсе нет! Вспомни, он заверил меня, что дело уладилось, что все идет прекрасно.

— Разумеется. Он намекал на свое бегство.

— Он сказал бы мне об этом,—крикнула Женевьеве.—А он говорил мне, что мы будем счастливы вместе! Он и я!

— Чтобы ничего не заподозрила! У него уже было назначено свидание с его подружкой!

Женевьеве съежилась. Наступило молчание, которое нарушил Живраль.

— Значит, по-вашему, это так называемое исчезновение все-таки бегство.

Еще не остыла после препирательства с сестрой, Жорж обернулся к нему.

— Факты достаточно красноречивы. Мой зять меня обжали! На то есть доказательства, они у меня в руках. Одновременно этот красавчик назначает свидание своей жене, но сматывается...

— Со своей подружкой! — закончил Живраль.

— Значит, вам известно! — вскричала Женевьеве.

— Нет, мадам. Это ваш брат только что сказал. Почему вы не сообщили об этом в комиссариате?

— Минутку, послушайте меня, инспектор,—вступил за сестру Жорж.—Сейчас вы поймете. Она подозревает, что он с какой-то женщиной. Вот истина. И мы хотели, чтобы полиция застукала его и узнала имя этой женщины. Это ведь ясно! Моя сестра хочет развестись. Завтра же мы идем к адвокату.

— Значит, поэтому, мадам, вы... укрылись у своего брата.

— Стоит ли об этом говорить,—сказал Жорж.

— Я понимаю. Но, если мадам не возвращается домой, как же знать, не вернулся ли мосье Куртуа?

— Вернется он или нет,—заявил Жорж,—моя сестра больше не желает иметь ничего общего с этим бандитом!

Глаза Женевьевы сверкнули.

— Вы что-то знаете, господин инспектор. Он вернулся, не правда ли?

Безумная надежда не покидала ее; она была готова простить. Прежде чем Живраль смог ответить, она горячко заговорила, обращаясь к брату.

— Вот видишь, он вернулся! Ты не станешь возбуждать против него дело! Я продам свои драгоценности, меха, квартиру, мы переедем в пригород, но вернем тебе деньги, клянусь.

Жорж не знал больше, что говорить.

— Ну что ты болтаешь, Женевьеве? Инспектор не сказал ничего такого, что бы позволило тебе думать...

Не обращая внимания на Жоржа, Женевьеве схватила Живрала за руки потрепанного пальто. Он не сопротивлялся. Произнес, отвечая на невысказанный вопрос:

— Я заходил на улицу Молитор, мадам... Его там не было. Но, может быть, он пришел и потом опять ушел...

— Но есть же горничная! — простонала Женевьеве.

— Ну вот видите!

Бросаясь так из одной крайности в другую, от снисходительности до жажды мщения, Женевьеве почтвовала смертельную усталость.

— Успокойтесь,—сказал инспектор, вставая.—В настоящий момент у вас дома никого нет. Я звонил очень долго.

— Сегодня у горничной выходной,— объяснила Женевьеве таким тоном, словно она сообщала миру о начале войны.

— И последнее. Нет ли у вас фотографии мужа, мадам? Это облегчит розыск, а?

— Дома... Да...

— Сейчас я найду,—поспешил сказать Жорж.

Он вышел с решительным видом. Женевьеве чувствовала, что Живраль смотрит на нее, но старалась не встретиться с ним взглядом. Он спросил:

— Ваш брат не очень-то любит месье Куртуа, а? Женевьеве медленно покивала головой.

— Возможно, это моя вина,—признала она.

— А вы, мадам?

Она растерянно подняла глаза.

— Я?

— Да, вы. Вы его любите?

Вдруг она почувствовала, что этот невзрачный инспектор излучает подлинное человеческое тепло. Она чуть не бросилась ему на шею, чтобы выплакаться наконец на груди человека, проявившего к ней участие. Но вернулся Жорж и протянул Живралю хорошо знакомую ей маленькую фотографию.

— Ах, нет!—запротестовала Женевьеве.—Он не побрился в этот день. Он похож здесь на бандита!

— Он и есть бандит!—твердо произнес Жорж.

Живраль положил фотографию в карман и поклонился.

— Мое почтение.

Он посмотрел на Женевьеве, чтобы безмолвно выразить ей свою симпатию. Но, не встретив ее взгляда, смущился и пустился в ненужные объяснения.

— Ну, вот. Еще один день закончился. Теперь могу возвращаться домой.

Лицо Жоржа озарилось, ему пришла в голову одна мысль, он поднял руку:

— Подождите. Раз служебное время закончилось, вы теперь простой гражданин, не правда ли, месье...

— Живраль.

— Месье Живраль. И вы могли бы давать свидетельские показания под присягой, как любой другой гражданин?

— Давать показания?—обеспокоенно переспросила Женевьеве.

— Да. Я хочу проверить одно из твоих предположений.

В глазах инспектора появился блеск, но тут же погас.

— В сущности, вы хотите попросить меня об этом в частном порядке?

— Именно. Это возможно?

— Бог мой, да... при условии, что все будет гладко!

— Гарантирую.

— Жорж! Что ты еще собираешься делать?

— Не вмешайся! Минутку!

Он быстро вышел. Инспектор притронулся к руке Женевьеве.

— Не переживайте, мадам, все в жизни образуется.

Глава XI

В холле, развалившись в креслах, владельцы гостиницы как обычно по воскресеньям после обеда потягивали кальвадос.

— Не доверяю...—вдруг заявила Матильда.

Шарль вопросительно поднял бровь. Кивком она указала на потолок.

— Наши голубки. Не нравятся мне их повадки.

— Какие повадки?

— Трудно объяснить. Никогда их не видно. Ты бы, например, смог их узнать, если бы встретил на улице?

— На улице, не знаю. Но если приедут еще раз сюда,—да.

— Скажи, Шарль, по-твоему, все эти уловки, чтобы их не видели—это нормально? Они потихоньку прибираются в свою комнату, держатся все время в тени. Когда им приносишь завтрак, они «случайно» как раз в этот момент любуются пейзажем и стоят у окна, повернувшись к тебе спиной!

— Ты сама сказала, что они сбежали. Если он похитил малышку, ясно, он не хочет, чтобы его потом могли узнать!

Она покачала головой: слова Шарля ее не убедили—и осушила стакан.

— Что они там делают наверху?

Шарль затрясся от беззвучного смеха. Разозлившись, Матильда топнула ногой.

— Иди посмотри!

— С удовольствием...

Он медленно встал с кресла и бесшумно поднялся по лестнице. Через замочную скважину ему удалось разглядеть две фигуры, растянувшиеся на постели.

— Бедные ребятки,—подумал Шарль растроганно,—они спят».

Фред не спал. Сквозь опущенные ресницы он разглядывал Терезу. В этот мирный час послеобеденного отдыха он пытался осознать все значение непредвиденного события: у них будет ребенок! Что это значит—иметь ребенка?

Волна теплого воздуха проникла в комнату, и Тереза отбросила одеяло. Фред наклонился, отвлекаясь от размышлений. Понимавшая его взгляд, Тереза окончательно проснулась.

— Пытаешься представить, какая я буду через несколько месяцев?

— Да.—невнятно произнес он, застигнутый врасплох.—Это удивительно... Ты, конечно, не отдаешь себе отчет. Но я, это... как сказать... это...

— Думаешь о своей ответственности?

Фред рассердился, но Тереза обхватила его тонкими руками за шею, и он прижал ее к себе.

— Я полагаюсь на тебя, Фредди... Больше мне не на кого рассчитывать... Без тебя я пропала...

Фред прильнул губами к ее плечу...

Смутившись, Шарль отступил, проглатив слюну.

Внизу жена спросила его:

— Ну, что ты видел?

Он ухмыльнулся.

— Ты чуть не попался?

— Как бы не так!

Они весело взглянули друг на друга. Матильда встала, зарумянившись—она всегда краснела от вина,—потянулась и, перехватив взгляд мужа, рассмеялась.

— Старая свинья! Помоги мне лучше вымыть посуду!

Он обхватил ее за талию, и они, смеясь, скрылись в кухне.

Тереза отдыхала в объятиях Фреда. Она старалась лежать неподвижно, но нетерпение следило ее. У нее еще не хватало опыта, чтобы в подобных ситуациях выбирать самый подходящий момент для разговора. Наконец она не выдержала.

— Ты не ответил на мой вопрос, Фредди.

Он инстинктивно опасался вопросов. Отстранившись, он обеспокоенно спросил:

— На какой вопрос?

— Могу ли я положиться на тебя?

— В каком смысле?

— В смысле ребенка. — терпеливо пояснила Тереза.

— Ну, вот опять.

Она неумело защищалась.

— Фредди! Что я должна делать с этим ребенком одна? Мне ни за что не осилить!

— Оставь. Я знаю.—Он улегся, подложив руки под затылок.—Просто не понимаю, как ты смеешь сомневаться во мне...

Он избегал прямого ответа, чувствуя западню, пряча свою неуверенность за притворным гневом.

— Я не сомневаюсь, Фред. Напротив, я уверена, что ты не станешь уклоняться от своих обязанностей.

— Ax! Прошу тебя! Ну, и выражения ты выбираешь! Мои обязанности? А еще что?

Она приподнялась и спокойно посмотрела Фреду в глаза. Он тут же отвел взгляд.

— Какая же ты все-таки глупая, Тереза! Я не хочу сказать, что не признаю того, что ты называешь моими обязанностями. Но твоя манера... Тут вопрос такта...

— Такт—это бросить меня теперь?—холодно спросила она.

Он хотел отнести к ее словам с высокомерием, но не посмел. Тогда он вздохнул с видом взрослого человека, которому приходится в сотый раз объяснять ребенку одно и то же. Ему очень хотелось избежать неприятного разговора, и он привлек Терезу к себе.

— Иногда я строю иллюзии на твой счет,—шутливо сказал он.—Думаю, что в интеллектуальном плане поднял тебя до своего уровня. А потом вдруг ты выдаешь мне эти устаревшие выражения, и бац! Я вижу, что ты осталась все той же простушкой, какой была полгода назад, когда я тебя встретил.

— Но ты меня все-таки любишь?

— Дурочка! Не становишь же ты воображать, что я не люблю тебя?

Она крепче прижалась к нему.

— Я боюсь, Фредди...

— Чего?

— Боюсь, что дело не в одной любви. Этот ребенок родится, и ему нужен отец...

— Само собой разумеется, у всех есть отец—проговорил он ей на ушко, легонько покусывая мочку, чтобы заставить замолчать.—Конечно, ты можешь положиться на меня, малышка... Ни к чему так настойчиво говорить об этом... Но что ты хочешь, чтобы я сделал, а? Что это значит, положиться на меня? Хорошо, если б можно было рассчитывать на папу!

Тереза закрыла лицо руками и содрогнулась от риданий.

— За что он меня не любит? Он даже меня не знает.

Фреду стало стыдно, он вновь ее обнял.

— Да он ничего не говорит о тебе, малышка, дело не в этом... Он хочет, чтобы я сначала встал на ноги.

— Но и я тоже! Я тоже хочу, чтобы ты был

настоящим мужчиной.Чтобы ты работал, чтобы не нуждался постоянно ни в чьей помощи, не совершал никаких...

Она замолчала, видя оскорбленное выражение на его лице.

— Не стесняйся! Продолжай. Не совершаешь никаких...

— Ох! Фредди!

Обессиленная, она в отчаянии сжалась в комочек. Фред не мог вынести боль, которую сам же причинил ей, но не хотел идти на попятный.

— Еще бы! Это я—негодяй из мелодрамы,—ударял он себя в грудь.—Все, чему я тебя учили, оказалось бесполезно. Ты еще живешь по законам прогнившего общества, общества в упадке... А меня ты относишь к категории баранов, как любого другого, под тем предлогом, что мои материальные средства не достигают уровня моей мысли! Я одинок! Одинок!

Он зашагал по комнате с выражением глубокого разочарования на лице. Но на этот раз Тереза не отступила. Когда Фред оказался рядом, она схватила его за руку.

— Фред, у нас будет ребенок!

Это «у нас», которое делало и его причастным к событию, сорвало с Фреда маску и обнажило его истинное лицо: мальчишка, напуганный стоящей перед ним непосильной задачей. Он выдал себя лишь на секунду, но Тереза увидела и выпустила его руку.

— Фред, умоляю тебя, будь мужчиной...

У него не хватало смелости увидеть себя таким, каким он был. Единственный выход—перейти в наступление.

— Надо же было, чтобы это случилось именно со мной,—заявил он, поднимая руки к небу.—Черт побери! Все занимаются любовью! Все! Видела сегодня утром, эти иностранцы в машине... Как ты думаешь, чем они занимались в своем «ягуаре», который стоит три миллиона? Подумай! Беднягам вроде меня всегда везет.

— Откуда ты знаешь?—вздохнула Тереза.—Может быть, и у них неприятности!

Стоя в постели на коленях, прелестная в гневе, она говорила впервые так агрессивно, сражаясь за свое будущее чадо, стремясь вернуть человека, которого любила, на пьедестал, откуда он так хотел спуститься. Она почувствовал ее враждебность и растерялся.

— Конечно, может, и у них неприятности...—согласился он неуверенно.—Только он в состоянии с ними бороться. Ты это должна понять. Это не то, что я, у него деньги есть!

— Кто тебе сказал, что у него есть деньги?

— Надо быть таким ребенком, как ты, чтобы подумать, будто иностранец может приехать провести отпуск во Франции, не имея ни гроша. Скажу тебе больше, эта толстая свинья держит деньги при себе! Официально иностранцы не могут выехать из своей страны со всеми своими деньгами. Что же они делают, как ты думаешь? Прибегают к услугам черного рынка. Разные спекулянты тут и там меняют им валюту на франки. Только вот... они не имеют права открыть у нас счет в банке. Таким образом, они вынуждены волей-неволей таскать все деньги с собой. Держу пари, бумажник у этого типа, должно быть, битком набит... Двести... Кто знает? Даже триста тысяч. Теперь тебе ясно, дуреха?

Он считал, что после такого объяснения Тереза должна промолчать. Но она поднялась с постели, встала перед ним, с запальчивостью произнесла:

— Ну и что? Пусть даже у него миллион в кармане, что это меняет, можешь ты мне сказать?

Фред прицелился.

— Что все это значит?

— Это значит, что со вчерашнего вечера ты избегаешь ответа на мой вопрос...—Она набрала в легкие побольше воздуха.—Фред, ты трус!

Пощечина последовала мгновенно, словно сама собой. Оба, Тереза и Фред, застыли в изумлении. Он смотрел на свою руку, которая ударила с такой легкостью, она—пораженная, что едва высказанное подозрение так быстро подтвердилось.

— Ударь лучше сюда!—глухо произнесла Тереза, показав на свой живот.—Может быть, тебе удастся избавиться от ребенка! На это ты еще способен!

Та же рука нанесла второй удар. Тереза покачнулась. Он хотел ее поддержать, но почти помимо воли ткнул кулаком в хрупкое плечо, и Тереза упала. Она не кричала, не плакала, но он не мог вынести ее взгляда, который теперь словно проникал насквозь.

Не помня себя, он стал наносить удары изо всех сил.

Фред остановился, лишь утратив силы. Устыдившись вдруг, он прикрыл лицо рукой, чтобы не видеть маленькое скрюченное тело, избитое лицо и глаза, в которых отражалось какое-то новое понимание мира. Он отвернулся, стиснув зубы.

— Пусть это будет тебе уроком...

Она не ответила. Не говоря ни слова, он перенес Терезу на кровать. Она осталась неподвижно лежать, по-прежнему не сводя с него пристального взгляда.

— Это все из-за тех мерзавцев,—проговорил он,—там, со своим «ягуаром».

Он повернулся в сторону, где они должны были находиться, и заорал, грозя кулаком:

— Сволочи! Подонки!

Эта бесполезная угроза, эта бесплодная ненависть дали выход его горечи.

— Я знаю, что делать. Ты получишь деньги, не плачь.

Надувшись, он повернулся к ней спиной и подошел к окну.

— Чертова деньги! — вслух заключил он.

Глава XII

Делая вид, что читает газету, Педро наблюдал за женой. Обессиленная, она все еще лежала, не шевелясь, не произнося ни слова. Но Педро постоянно чувствовал на себе ее взгляд.

Как отобрать у нее оружие, не вызвав нового припадка? Он слишком любил ее, чтобы действовать грубо. А ее реакцию невозможно предвидеть!

— Хочешь просмотреть новости? — спросил он, пытаясь завести разговор. — Нет?

Он отложил газету, взял со стола пластмассовый кофейник.

— Еще чайку кофе?

Улыбаясь, чтобы скрыть беспокойство, он в конце концов налил себе полную чашку и заговорил опять.

— Интересно, мы все больше подражаем янки. Говорят, некоторые девушки у нас хотят установить в своих квартирах телефон. Как на Севере. Ведь там, знаешь, простиутки договариваются с клиентами по телефону.

Он заставил себя засмеяться. Но Жермена даже не улыбнулась. А потом вдруг подняла голову и разразилась неудержимым хохотом, который поверг ее в растерянность. Педро застыл с кофейником в руке. Жермена не могла остановиться. Он стиснул челюсти. Нужно было действовать. Поставив кофейник, он обошел стол и, подойдя к жене, дал ей пощечину. Смех затих, плечи Жермены опустились, она глубоко вздохнула и вновь погрузилась в оцепенение. Педро упал перед ней на колени, зарылся лицом в ее юбку и заплакал, как ребенок. С отсутствующим взглядом она гладила его по затылку.

— Пойду пройдусь, — сказал Фред. — а ты?

Тереза покачала головой, не отрывая от него взгляда. Он пожал плечами.

— Ну, ладно, взгляни-ка, свободен ли путь. Постарайся мне немного помочь, вместо того чтобы сидеть все время без дела. Ты прекрасно знаешь, что я не могу показаться этим людям...

Не говоря ни слова, она встала и натянула плащ. Корridor был пуст. Она спустилась до середины лестницы, прислушалась. Приглушенные голоса Шарля и Матильды доносились из кухни. Жестом Тереза дала понять Фреду, что он может спускаться.

Близился вечер. Не чувствуя больше прикосновения жены, Педро поднял глаза. Жермена, казалось, спала. Он осторожно поднял ее на руки. Она не сопротивлялась, крепко прижал к себе сумочку. Когда он понес Жермену к трайлеру, она прошептала:

— Когда-то ты носил меня так, Педро... — Она теснее прижалась к нему. — Мне хорошо...

Он легко внес ее в трайлер, ногой захлопнул дверь, положил Жермену на постель и сел рядом.

— Ну что, дорогая, тебе лучше?

Она хитро прищурила глаза. Педро насторожился. Слабый свет проникал в окна. В глазах Жермены блестели слезы. Он наклонился и осушил их поцелуем. Она удержала его, он прилег рядом. Они лежали неподвижно на узкой кровати. Педро вспоминал, какими были их объятия когда-то... Не так уж давно. Шесть, семь месяцев назад? До того, как умер их ребенок. До того, как это случилось с Жерменой...

Внезапный свет вывел их из оцепенения. Он сопровождался шумом мотора. Этот шум быстро приближался, трайлер слегка задрожал, а когда машина проехала, вновь погрузился в темноту. Педро приподнялся на кровати.

— Ты любишь другую, да? — спросила Жермена хриплым голосом.

— Что?

Педро был потрясен. Он машинально нащупал выключатель. Жермена прикрыла глаза рукой, заграждаясь от света, но старалась смотреть на мужа из-под руки.

— Ты не помнишь, что говорил мне когда-то? Что целомудренные женщины — это как очаг, в котором никогда не разжигают огонь.

Педро понял. Но он не мог ничего ответить. Жермена не была больше для него женщиной. Он любил ее, но все изменилось. Доказать ей свою любовь, как обычной женщине, было выше его сил.

Он отвернулся, чтобы она не видела его глаз.

— Так ты ничего не скажешь? — так же хрипло произнесла она.

Он подошел к ней, взял за руки.

— Жермена, я никогда не любил никого, кроме тебя... клянусь тебе.

Она выдернула руки. Ее лицо сделалось злым, она хотела сказать что-нибудь оскорбительное, но, не найдя слов, схватила сумочку, упавшую на пол, и дрожа открыла ее. Педро побледнел. Он совсем про нее забыл! Занятый тем, чтобы успокоить Жермену, он упустил отличную возможность завладеть сумочкой. «Теперь все кончено», — подумал он, — сейчас она достанет револьвер и выстрелит...»

— Жермена, — произнес он, запинаясь, — ведь ты мне веришь, да?

Он задержал дыхание. Жермена нервно копалась в сумочке. Но вытащила оттуда лишь платочек, чтобы вытереть глаза.

Педро был так взволнован, что ему пришло сесть.

— Педро, я верю тебе.

Такой поворот поставил его в тупик. Он ничего не понимал. Теперь она улыбалась, тщательно приподняв лицо.

— Я верю тебе насчет прошлого, — добавила она, достав губную помаду.

Обведя контуры губ, она сомкнула их и посмотрела в зеркальце. И вдруг, швырнув пудреницу и помаду в сумочку, в ярости закричала:

— Но насчет настоящего и будущего — нет! Ты обманщик! Я все знаю!

Она опять рылась в сумочке. На этот раз Педро бросился на нее, не раздумывая. Жермена пыталась вырваться.

— Пусти меня! Ты мне не нужен больше. Я запрещаю тебе...

Она сопротивлялась изо всех сил. Педро в панике старался удержать ее руку. Его охватил страх перед смертью. Случайно он задел выключатель локтем, и они продолжали бороться в темноте, забыв причину сражения. Вдруг он прикоснулся к сумке, и память вернулась к нему. Но тут Жермене удалось вырваться и вновь зажечь свет. Задыхаясь, растрепанная, с ожесточенным выражением лица, она отступала от него, держа руку в сумке.

— Так легко ты со мной не разделаешься! — крикнула она. — Я знаю, почему мы вернулись во Францию. Прекрасно знаю. Ты хочешь избавиться от меня и найти себе новую любовь. Но я на это никогда не соглашусь, слышишь?.. Лучше я...

Педро, не шевелясь, смотрел на жену. В его взгляде было смирение перед судьбой и бессилие.

— Договоривай... — произнес он устало.

Теперь ему хотелось лишь умереть. «Зачем, в сущности, цепляться за жизнь, когда утрачено все, что дорожил?»

Жермена медленно вынимала руку из сумки. На ее лице была написана неистовая радость. Педро закрыл глаза, не в состоянии больше бороться. «Пусть стреляет, и покончим с этим!»

— А это? — крикнула Жермена. — Это ты станешь отрицать?

Открыл глаза, он сразу узнал письмо, которым она размахивала. Ответ от ее родителей! Наверное, она вытащила письмо у него из кармана накануне.

Она развернула листок и прочла вслух.

— ...мой бедный Педро, как вы должны страдать... Что ты им написал, чтоб и их так одурачить? Что они думали, что важны твои страдания, а не то, что переживаю я... Вот, слушай... «Да, вы правы, она будет не так несчастна здесь, рядом с вами, на Юге, где она провела детство, рядом с родными... Мы поместим ее в клинику доктора Фразелля в Канзас-Сити...

Она скомкала письмо и швырнула ему в лицо.

— В клинику... Значит, ты хочешь упрятать меня в клинику, чтобы соединиться с той, которую любишь! Ты готов избавиться от меня любым способом, потому что я тебе мешаю. Даже выдать меня за сумасшедшую!

Педро обхватил голову руками. У него не было больше сил. Он не мог теперь предвидеть, что она сделает или скажет, не мог ей помочь. Вдруг Жермена, рыдая, бросилась к нему в объятия.

— Это неправда, Педро, неправда, что я сумасшедшая. Скажи мне. Кроме тебя, у меня нет никого на свете!

— Ну, конечно, милая, ты не сумасшедшая, и я не люблю никакую другую женщину.

— Тогда не вези меня на Юг, умоляю тебя.

— Хочешь, мы останемся сегодня здесь? Переночуем в трайлере, как влюбленные — мы и есть влюбленные, — а завтра посмотрим, что будем делать...

— Да... Да... Обещаешь?

Она успокоилась, сидя на полу, прислонившись к ногам мужа. Вместе с надеждой к Педро возвращался инстинкт самосохранения. Сумочка лежала около Жермены. Он поднял ее, не вставая, и спрятал за спину.

— Если ты считаешь меня сумасшедшей, — заговорила Жермена, — почему...

Педро прервал ее.

— Я не считаю тебя сумасшедшей, Жермена. У тебя было сильное потрясение, тебе надо подлечиться, вести спокойный образ жизни, чтобы ты поправилась, чтобы мы опять были счастливы.

— А почему же тогда они пишут «поместим в клинику»?

— Это недоразумение, дорогая.

Минуту она молчала, затем спросила вновь:

— Но почему ты не поместил меня в клинику в Бразилии, около себя? Зачем этот трайлер, эта комедия с отпуском?

— Потому что я хотел, чтобы ты повидала своих родителей, которых ты любишь, побывала там, где прошло твоё детство. Признайся, тебе не так уж нравилась Бразилия. Ты скучала по Франции. А потом мы столько раз говорили о том, как проведем здесь отпуск, что...

Ему показалось, что кто-то заглядывает в окно. Он вскочил и открыл дверь. В темноте послышался шум быстрых шагов, и за деревьями исчезла чья-то тень.

— Вам не стыдно? — крикнул Педро. — Хулиган!

Фред, покраснев, сплюнул.

— Сам хулиган, грязный метис! — пробормотал он тихо.

Увидев издали, как мужчина закрыл дверь трайлера, Фред зашагал к гостинице, по дороге пиная ногами кочки.

— Что ты делаешь? — спросил Педро.

Жермена открыла маленький стенной шкафчик, достала свернутые одеяла и сунула их под мышку.

— Послушай, милый, только не надо сердиться. Видишь, я совершенно спокойна и верю всему, что ты мне сказал. Но здесь мне будет не по себе...

— Я не понимаю тебя.

— Я хочу спать на воздухе, в лесу.

— Но почему?

Она сделала нетерпеливое движение.

— Я боюсь, что, несмотря ни на что, ты поедешь дальше, пока я буду спать.

Он не хотел ей возражать.

— Хорошо. Но знаешь, как мы сделаем? Дай мне одеяла, в лесу буду спать я.

Жермена рассмеялась.

— Нет, Педро, тогда ты действительно подумаешь, что я ненормальная.

— Отчего же?

— Нет ничего легче, чем запереть меня, пока я сплю, и сесть за руль.

Она поцеловала его в кончик носа, пожелала спокойной ночи и, подойдя к двери, спрыгнула на землю.

— Приятных тебе сновидений, Педро...

Он проводил ее взглядом. «В темноте среди деревьев она испугается и вернется», — подумал он. Но Жермена скрылась за деревьями, лишь свет ее электрического фонарика еще плясал некоторое время из стороны в сторону — видимо, она выбирала место поудобней — но потом он погас. Если только не скрылся из виду за кустом... Педро вздохнул и растянулся на постели. Нащупав рукой сумочку, забытую женой, он почувствовал себя спокойней.

Фред, запыхавшись, подошел к гостинице. Из сада он видел, как хозяева готовят ужин на кухне. Он толкнул входную дверь и быстро шмыгнул к неосвещенному лестнице.

Матильда с грохотом поставила кастрюлю на огонь.

— Как хочешь, Шарль, но все же неприятно, что он так старается, чтобы его не увидели, этот твой «мосье» Куртуа!

Ее муж хихикнул.

— Заметь, что в настоящий момент между ними кошка пробежала.

— Откуда ты знаешь?

— Ну как же, иначе он бы не отправился на прогулку без нее. Впрочем, она-то не прячется, можешь мне поверить, она славненькая.

— Ты думаешь, он так маскируется, потому что боится своей законной...

— Почему бы и нет?

Поднявшись наверх, Фред приоткрыл дверь. При свете керосиновой лампы он увидел Терезу, лежащую на кровати. Она не шевельнулась. Фред тихонько прошел через комнату и встал у окна, глядя в сторону дороги, где стоял трайлер.

Педро погасил в пепельнице сигарету и взглянул на часы. Половина одиннадцатого. Он посмотрел в окно, не возвращается ли Жермена, но ничего не смог разглядеть. Тогда он выключил свет.

Тишина, глушь. Лишь временами под порывами ветра раскачивались ветки.

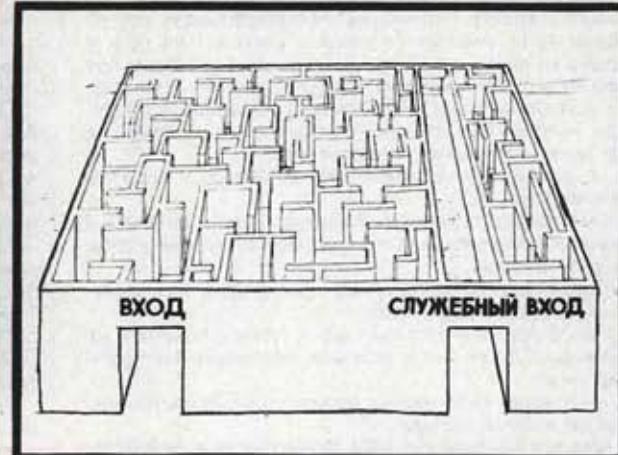
В мрачной задумчивости он вернулся к постели. Что за идея пришла ей в голову — раздобыть револьвер? Кстати, надо от него избавиться. Педро раскрыл сумочку жены, стал искать на ощупь, откладывая пудреницу, помаду, вещицы, которые обычно женщина носит с собой. Неожиданно у него вырвалось проклятие. Он вытянул содержимое сумочки на одеяло и разбросал нервным жестом. Затем зажег свет, чтобы окончательно удостовериться: револьвера не было.

Продолжение следует.

Конкурс юмористических рисунков



Рисунок Александра ПРОЗОРОВА, Курск



Дорогие читатели,
ждем ваших рисунков —
остроумных, веселых, ироничных.
Жюри рассматривает все работы,
присланные до 1 ноября 1982 года.

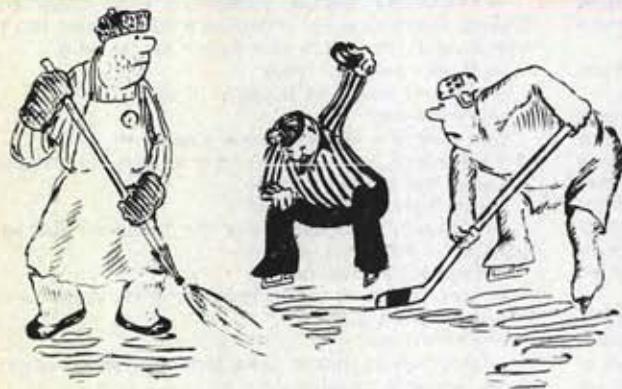


Рисунок Альфреда НИКИТИНА, Ленинград

Рисунок Александра УМЯРОВА, Москва



Рисунок Льва ГУЛИНА и
Александра СОЙФЕРА,
Москва

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ



ЛЮБИТЕЛИ
ШАХМАТ

НА СТАРТ!

Конкурс «Смена-82»

ТУР ПЕРВЫЙ

Дорогие читатели! Приглашаем вас и знакомых вам любителей шахмат на старт традиционного заочного соревнования читателей журнала — конкурса «Смены».

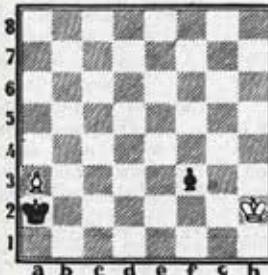
В шести турах конкурса его участникам будет предложено решать шахматные этюды и отвечать на вопросы по шахматной теории. За правильный ответ каждого из 18 заданий конкурса, в зависимости от его трудности, вам будет присуждаться то или иное количество очков. Максимальное количество очков — 41. Необходимо отметить, что если участник обнаружит побочный ответ или доказает нерешаемость задачи, ему вписывается в актив два очка, установленные для правильного ответа.

В своих решениях нужно использовать только сокращенную шахматную нотацию, опуская словесные примечания. Ответ на каждое задание следует посыпать в адрес редакции на отдельной открытке (без конверта) с четким указанием адреса отправителя, его фамилии, имени и отчества и пометкой «Шахматный конкурс «Смена-82», тур такой-то». В своем первом письме на конкурс участник сообщает возраст, место работы или учебы, имеет ли какой разряд по шахматам.

Участвовать в конкурсе надо

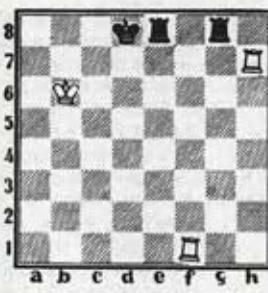
индивидуально. Тридцать лауреатов (их определят по наивысшей сумме набранных очков) награждаются дипломами «Смены». Фамилии победителей будут опубликованы вместе с материалом об итогах конкурса. Запомните, что открытки на первый тур посыпаются в «Смену» не позднее 1 сентября 1982 г. (согласно штемпелю почтового отправления).

1. Ход белых. Могут ли черные спастись? (2 очка).



Белые: Kph2, пешка a3(2); черные: Kpa2, пешка f3(2).

2. Могут ли белые победить в борьбе тяжелых фигур? (3 очка).



под редакцией
международного гроссмейстера
Алексея СУЭТИНА

ШАХМАТЫ

Белые: Kpb6, Lf1, Lh7(3); черные: Kpa8, Le8 и Lg8(3).

3. Как называется дебют, возникающий после ходов: 1. Kc3 e5 2. Kf3 Kcb3 3. d4 ed 4. K:d4 Kf6 5. e4 Cb4 (1 очко).

ДВА ТУРНИРА

На грани весны и лета 1982 года в нашей стране прошли два интересных международных турнира — в Москве и Минске, собравшие представительный состав. В первом из них победу одержали гроссмейстеры Рафаэль Вагарян и экс-чемпион мира Михаил Таль, набравшие по 9 очков из 13. На очко от них отстали гроссмейстры Е. Геллер и Р. Кнаак.

В Минске победу одержал краснодарский гроссмейстер Виталий Цешковский. Набрав 10½ из 13, он на пол-очка опередил студента Московского Государственного Университета, международного мастера Сергея Долматова. Отлично играл и юный ленинградец Леонид Юдасин, набравший 9½ очков и значительно перевыполнивший норму международного мастера.

Следующие обе партии были сыграны в этих турнирах.

Л. Юдасин — Ю. Балашов, Сицилианская защита:

1. e4 c5 2. Kf3 e6 3. d4 cd 4. K:d4 Kc6 5. Kc3 a6 6. f4 Fc7 7. K:c6 Fc6 8. Cd3 b5 9. Fe2 Cb7 10. Cd2 Ke7. Заслуживало внимания 10.

...Сс5, препятствуя короткой рокировке белых.

11. a3 Kg6 12. 0—0 Ce7 13. Lh3 Fc7 14. La:f1 h5?!

Рискованное стратегическое решение, в дальнейшем убедительно опровергнутое белыми. Черные стремятся к контратаке на королевском фланге, но этот план малореален. Более того, именно на этом участке доски белые в дальнейшем поведут уже решающее наступление.

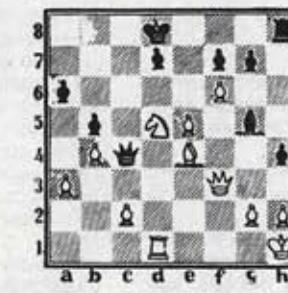
15. Kph1 h4 16. Lh3 e5?

Черные продолжают действовать в той же разной манере. Но это лишь «льет воду на мельницу» белых.

17. 5f Kf4 18. C:f4 ef 19. e5 f3 20. Lh:f3!

Правильная жертва качества, определяющая перевес белых. Теперь контригра черных направо захлебывается, а угрозы белых на королевском фланге (там, где пытались безуспешно атаковать черных!) принимают реальные очертания. Финал партии юный ленинградский мастер проводит с большим блеском.

20. ...C:f3 21. F:f3 Lb8 22. Le1 Kpd8 23. Kd5 Fc5 24. b4 Fc6 25. Ce4 Cg5 26. Ld1 Fc4 27. f6!



Решающий тактический укол.

27. ...gf 28. K:f6. Черные сдались. От угрозы 29. L:d7+ или 29. K:d7, у них нет защиты.

Ю. Аникиев — Х. Вестеринен, Москва, 1982; ферзевый гамбит:

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 c6 4. Kf3 Kf6 5. Cg5 dc 6. e4 b5 7. e5 h6 8. Ch4 g5 9. K:g5 hg 10. C:g5 Kbd7 11. g3 Fb6 12. ef Cb7 13. Cg2 c5 14. d5 0-0-0 15. 0-0 b4.

Партнеры разыграли модный вариант системы Ботвинника. Теоретический спор здесь весьма интересен и дальновиден.

16. Ka4.

Другим любопытным продолжением здесь является 16. Lb1 ?!

16. ...Fb5 17. a3 ed?

Положение у черных уже совсем нелегкое. Ведь угрозы белых на королевском фланге весьма эффективны. Возможно, «меньшим из зол» здесь было 17. ...Kb8 18. ab cb 19. Ce3 C:d5 20. Cd5 L:d5 21. Fe2 Kc6 22. Lfc1 Kpb7 23. L:c4 Ka5 24. b3, хотя и здесь белые сохраняют преимущество.

18. Le1 d4 19. ab cb 20. F:d4! C:g2 21. Kp:g2 Fg5 22. F:c4+ Kpb8 23. L:a5.

Белые пожертвовали фигуру, но получили взамен сильнейшую атаку на черного короля, лишенного надежного укрытия. Судьба партии предрешена.

23. ...Cd6 24. Fc6 K:f6 25. Kb6! Черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.06.82. Подписано к печати 18.06.82. А 11626. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1636. Заказ № 2683 Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



ГАРМОНИКА

Музыка Юрия ЧИЧКОВА
Стихи Петра СИНЯВСКОГО

В речке серебристая
Лунная дорожка,
Словно мостик тянется
С берега на плес.
Тишина вечерняя
Слушает гармонику,
Повторяет песню
На кнопочках звезд.

ПРИПЕВ:
Летит напев гармоники,
Колышет легкий ветер.
Летит напев гармоники,
Ласкает теплый вечер.
Летит напев гармоники...

Кружится над полюшком
Песенка гармошки,
Заплетает зорюшку
В русый лен косы,
Надевает в рощице
Ягодки-сережки,
Примеряет бусы
Жемчужной росы.

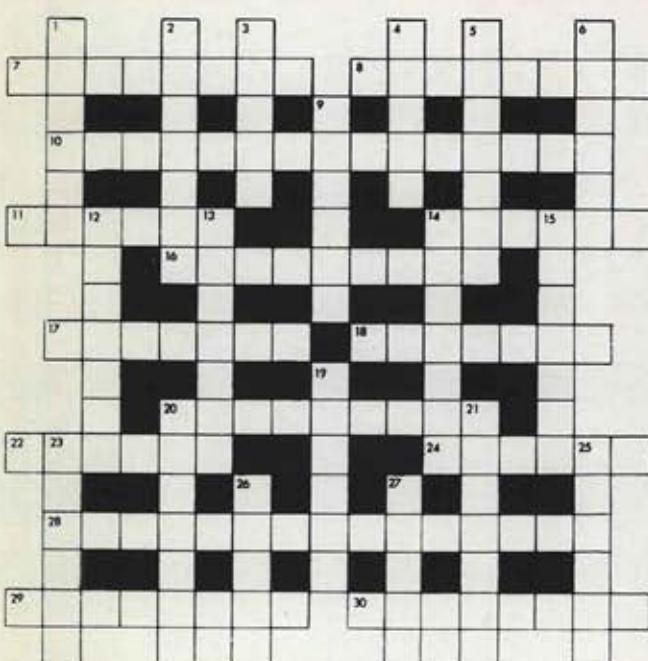
ПРИПЕВ.
Шепчется гармоника
С ветками березок,
Подбирает тихую
Музуку лесов.
И ложится-стелется
Светлый подголосок
Шелковинкой тонкой
На бархат басов.

ПРИПЕВ.



КРОССВОРД

Составила И. ДРОЗНИК,
Харьков



По горизонтали:

7. Картина В. М. Васнецова. 8. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 10. Комплекс наук, изучающих художественную культуру общества. 11. Каменоугольный период в геологической истории Земли. 14. Цветок. 16. Декоративный плодовый кустарник. 17. Положение, принимаемое без доказательств. 18. Вид зимнего спорта. 20. Полководец, герой Бородинского сражения. 22. Приток Амазонки. 24. Инstrument стана, сквозь отверстия которого протягивается металл. 28. Стихотворение В. В. Маяковского. 29. Горный массив в пустыне Кызылкум. 30. Советская спортсменка, олимпийская чемпионка в фехтовании на рапирах.

По вертикали:

1. Художественный стиль в архитектуре. 2. Длинный узкий плод растения. 3. Способ спортивного плавания. 4. Перерыв в речи, музыке. 5. Декоративное травянистое растение, ирис. 6. Персонаж трагедии В. Шекспира «Антоний и Клеопатра». 9. Режущий инструмент. 12. Вещество, применяемое в лабораториях для химического анализа. 13. Композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 14. Офтальмолог и хирург, Герой Социалистического Труда. 15. Порт в Центральной Италии. 19. Государство в Северной Америке. 20. Парусина, пропитанная водоупорным составом. 21. Композитор, автор «Гимна демократической молодежи мира». 23. Сходные по характеру роли актера. 25. Дикая утка. 26. Почерк древних славянских рукописей. 27. Древнегреческая свирель.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 13

По горизонтали:

2. Мургаб. 5. Мериме. 8. «Арктика». 9. Кимоно. 10. Негина. 11. Балахна. 12. «Тронка». 15. Медаль. 18. «Блокада». 21. Петровск. 22. Людкевич. 24. «Роксан». 26. Гедике. 28. Древко. 31. Фрамуга. 32. Лансье. 33. Массне. 34. Роднина. 35. «Прости». 36. Регата.

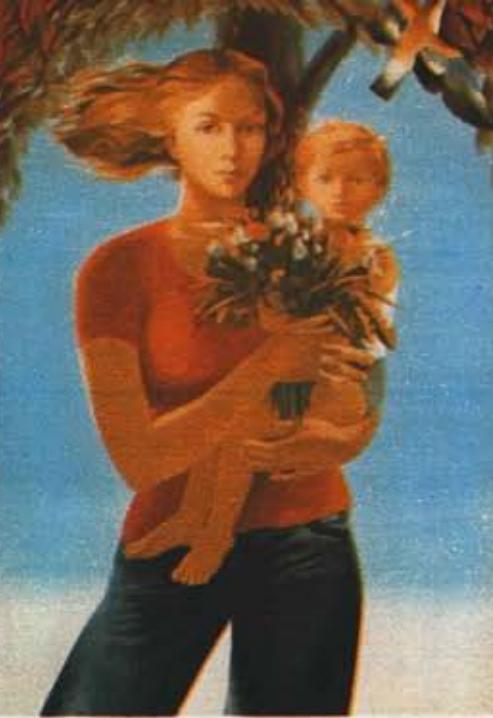
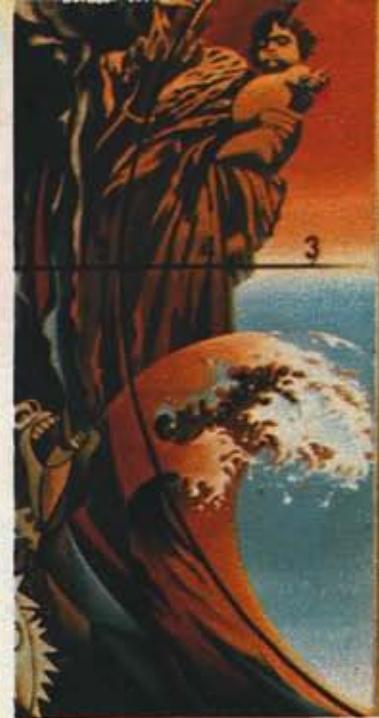
По вертикали:

1. Петрарка. 2. Макет. 3. Ромео. 4. Баобаб. 5. Манама. 6. Ирина. 7. Елань. 13. Решение. 14. Nairobi. 16. Деление. 17. Ленинск. 19. Ласко. 20. Дрюон. 23. Осыминог. 24. Рефери. 25. Адамар. 26. Галоп. 27. Данко. 29. Веста. 30. Онега.

МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ

Открывшаяся в московском Центральном выставочном зале всесоюзная выставка «Молодость страны» посвящалась XIX съезду ВЛКСМ. В течение ряда лет многотысячный отряд талантливых выпускников художественных учебных заведений готовил для нее самое лучшее, боевое, злободневное. Яркость, праздничность, зрелищность получившейся в итоге грандиозной экспозиции во многом обязана именно этому актуальному, животрепещущему «нерву». Огромная доля полотен, гра-

**И. ЧЕВЕРЕВА. В. АРЛАШИН.
МИР ПЛАНЕТЫ.**



фических листов, скульптур, плакатов посвящена нашему современному, его мыслам и свершениям.

Ведущей темой, как всегда на подобных смотрах, стала производственная, воспевающая человека труда, в особенности своего сверстника — комсомольца ударных строек, труженика колхозных полей, сотрудника научных институтов, молодые художники развернули широчайшую панораму индивидуальных решений, оригинальных образных ходов, богатую палитру острых психологических и композиционных решений. Несколько полотен новосибирца Михаила Омбыш-Кузнецова — «Бригада», «Верховые», «Дорога на Уренгой», «Освобождение» — репортажны. Посвященные освоению богатств Западной Сибири, они, как правило, представляют собой групповой портрет бригады на строительном участке, в активном действии. Пейзаж тут также сугубо индустриальный, насыщенный токами документальной, почти фотографической достоверности, что никак не снижает «ударного» воздействия живописных, пластических средств.

А вот у талантца Хейти Полли в картинах «Молодые учёные на Камчатке», «Новый город», «Исследования продолжаются» при всей похожести с Омбыш-Кузнецовым присутствует элемент творческой фантазии, домысла, уточненной цветовой игры...

Поисками животворных национальных традиций поглощены многие художники Востока. Алматинец Ерболат Тулебаев в триптике

«Возвращение с летних пастбищ», «Молодость», «Среди ветеранов войны» касается самых фундаментальных философских вопросов о месте человека на планете, его судьбе и ответственности перед временем.

Немало произведений посвящено героям прошлых поколений, величественным событиям истории. Киевлянин Валерий Ласкаржевский с большим проникновенным чувством, гордостью за несгибаемую волю первых борцов за

A. ПАХОМОВ. ВЕЧЕР.



освобождение народа изобразил «Гражданскую казнь Чернышевского»; ереванец Карен Агамян в «Приеме в комсомол» запечатлел сурово-проникновенные, исполненные веры в свою правоту и одержимости светлой идеей образы первых комсомольцев Армении; москвич Виктор Калинин создал холст «Осень 1941 года» и связанное с ним единой нитью гражданственной, общечеловеческой проблематики полотно «Палестинские беженцы».

Молодые мастера 80-х как никогда чутко прислушиваются к пульсу планеты, к боям и тревогам сражающегося за свое счастье и будущее человечества. Темы войны и мира, антивоенного протesta посвящены полотна киевлянина Алексея Власова «Голубь мира», «Ольстер» и «Мы с тобой, Вьетнам!», алмаатинца Амандоса Аканова «Увеличенная фотография», москвича Михаила Борисова «Бумеранг», его земляка Николая Мешкова «Ольстер. Никаких беспорядков».

Выставка «Молодость страны» войдет в летопись достижений многонационального советского искусства. Она не просто подвела итог большой творческой работы, но и стала значительным событием в жизни молодых художников, определив направление их новых поисков и дерзаний.

Алексей КОРЗУХИН

**P. KOVALEV. O. KOVALEVA.
STRANA RODNAIA.**

T. FEDOROVA. GOSTI.

**D. OKUDZHAVA.
MOLODEZHN NA STROYKE.**

